Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 14 31 ИЮЛЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 94749. Москва. Тираж 75.000.

Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23/а.

Об'единенный пленум и оппозиция.

Из всех послевоенных «мирных» лет нынешний 1927 год является годом наибольшего обострения отношений между СССР и капиталистическими державами. Вся совокупность об'ективных обстоятельств сейчас сложилась так, что новое военное нападение империалистов на СССР, в неизбежности которого мы всегда были уверены, стало вполне вероятным в ближайшее время. Опасность войны из теоретически предсказанной начала становиться вполне реальной, принимать осязаемые формы.

Вполне естественно, что в такой обстановке какие-либо внутренние трудности и осложнения были бы особенно опасны для СССР. Любая внутренняя трудность может вдохновить готового к прыжку хищника на военную авантюру против нас. Внутренняя трудность может легко вырасти во внешнюю, «перерасти» в нее.

К счастию для нас, сейчас мы уже оставили позади себя хозяйственные «рытвины и ухабы» так называемого восстановительного периода. Социалистические командные высоты укреплены, сельское хозяйство в основном восстановлено, производительность перешагнула довоенный уровень, достигнуто упрочение валюты. Уровень жизни трудящегося населения в общем доведен до довоенного и частью перешагивает за него. Политически диктатура пролетариата в стране крепка, как никогда. И в перспективе, поскольку дело касается внутренней обстановки Советского Союза, перед нами дальнейший общий под'ем как в области хозяйства, так и в области пролетарской общественности города и села.

В наследство от прошлых лет нам, однако, досталась одна еще не изжитая политическая трудность, могущая, при известных условиях, сыграть для партии и советской власти крайне опасную и вредную роль. Это—разлагающая работа внутрипартийной оппозиции, продолжающаяся уже в течение целых четырех лет, с осени 1923 года, при неуклонном *обострении* из года в год.

Главное тактическое правило, которое усвоила себе эта оппозиция,—в каком бы она составе ни выступала,—состоит в использовании *об'ективных затруднений*, встающих перед партией и советской властью в процессе социалистического строительства.

Каждое такое об'ективное, неизбежное затруднение ставилось ею, как «лыко в строку», Центральному Комитету и всей партии в целом в надежде таким путем умножить оппозиционный политический капитал.

До сих пор из года в год оппозиция спекулировала на внутренних, главным образом хозяйственных, затруднениях, кризисах и заминках: «ножницы» в ценах на промышленные и с.-х. продукты (1923 год), хлебозаготовительные и экспортные затруднения (1925), трудности капитального строительства (1926).

Казалось бы, что внешние затруднения, в форме обострения дипломатических и иных отношений с буржуазным миром, представляют собою слишком рискованное и опасное поле для оппозиционной политической спекуляции. Казалось бы, обострение международного положения СССР должно было привести оппозицию к мысли о необходимости приостановить или хотя бы смягчить свою борьбу с партией, введя ее хотя бы в лойяльные, партийно-уставные рамки.

К сожалению, мы стали свидетелями совершенно обратного явления. Обострение международного положения СССР побудило оппозицию сильнейшим образом *обострить* фракционную борьбу с партией и повести ее в неслыханных и невиданных по своей антипартийности формах.

Фракционная деятельность оппозиции в текущем году обострилась как *идейно*, так и *организационно*.

Как далеко зашло отчуждение оппозиции от партии и от ленинизма в области идейной, об этом говорит уже одно обвинение ленинской партии в совершившемся якобы «термидорианском перерождении» ее руководства. Не будем обременять статьи соответствующими цитатами из оппозиционных творений, ибо эти цитаты уже не раз приводились в партийной прессе.

Из положения о термидорианском характере партии легко было сделать вывод о том, что война, которую поведет эта партия во главе пролетариата в случае нападения империалистов, не будет подлинно-*социалистической* войной со стороны СССР.

А отсюда, в свою очередь, оставался всего лишь один шажок до так называемого «*тезиса о Клемансо*». Тов. Троцкий в одном из подписанных им документов указал, в качестве прообраза для поведения оппозиции в случае войны, на французского министра Клемансо, который, обвиняя правительство Пенлеве—Бриана в неумелом ведении войны, боролся за его свержение, не стесняясь тем, что немцы приближались к Парижу на расстояние 80 километров, и в конце концов одержал победу, спихнув кабинет Пенлеве—Бриана и овладев властью.

Таким образом, тов. Троцкий «обещал» партии в случае войны принять все меры к тому, чтобы партийное руководство, отражающее взгляды и волю большинства партии и руководящее

через советское правительство делом социалистической обороны, было... свергнуто. Это называлось на языке оппозиции—«быть оборонцами социалистического отечества»!

В своей речи на заседании об'единенного пленума ЦК и ЦКК тов. Троцкий развил целую теорию, из которой явствовало, что если начнется война, то неизбежно одно из двух: *или* оппозиция «придет к власти», *или* к власти придут *буржуазные «устряловцы»*, которые, понятно, социалистической войны вести не могут. Для нынешнего направления партии в этом «или—или» у т. Троцкого места не осталось: партийный «центризм», как наименовал Троцкий линию партии, будет-де «размыт» ходом событий, которые в сильнейшей степени *обострят* борьбу между «левым» и «правым» крылом (между оппозицией и «устряловцами»).

Эта замечательная «схема» с полной бесспорностью свидетельствует об одном: об имевшемся у оппозиции намерении *еще более обострить свою фракционную борьбу с партией в случае войны*. Не может быть сомнений в том, что последовательный сторонник такой «теории», которую развил Троцкий, в том случае, если бы ленинское большинство партии оказалось чересчур «упорным» и не было «размыто», «пригнал» бы факты к своей фантастической схеме самым простым образом: он об'явил бы без дальних разговоров это большинство «устряловским», а ведомую им войну—буржуазной войной. Выводы, которые такой «клеман-сист», считая себя «настоящим социалистом», сделал бы из всего этого, понятны сами собой. Он ушел бы от «устряловцев», рассматривая нашу партию, как классового врага, и стал бы стремиться не к победе, а к военному *поражению* нашей партии. В лучшем случае он об'явил бы себя «нейтральным» или «сторонником мира». Какую роль *об'ективно* играли подобные «сторонники мира» во время прошлой войны, мы хорошо знаем по примеру троцкистов и других каутскианских групп; в войне империалистов против СССР эта роль была бы еще более позорной.

Нет сомнений, что именно *сюда* растет нынешняя троцкистская идеология в вопросе о грозящей нам войне. *Никогда* еще эта идеология, за время пребывания т. Троцкого и троцкистов внутри большевистской партии, не принимала столь *опасного* и вредного уклона. Никогда еще т. Троцкий не жонглировал перед партией такими острыми «предметами», с подобной дерзостью и риском.

Так обстоит дело с оппозиционной идеологией. Мы оставляем уже в стороне ряд новых грубых ревизионистских ошибок, которые допустила оппозиция в вопросах китайской революции: отрицание допустимости для пролетариата блоков с колониальной буржуазией против империалистической буржуазии и т. д. Какова же оказалась практика оппозиции в области орга-

низационной, в отношении методов и форм борьбы ее с партией?

Здесь достаточно указать на два новых явления этого года. Во-первых, выступления вождей оппозиции против партии в беспартийной среде (выступление в день 10-летия «Правды» и демонстрация на Ярославском вокзале). Во-вторых, прямой блок и сотрудничество нашей оппозиции *с исключенной* из Коминтерна и немецкой компартии группой ультра-левых: Рут Фишер, Маслова, Урбанса и Шолема, с публикацией речей и статей тт. Зиновьева и Троцкого в листке этих ренегатов под эгидой гинденбурговской «свободы печати».

Таких нарушений устава, перед которыми бледнеет прошлогоднее «лесное собрание» т. Лашевича, партия еще *никогда* не видела от своих внутрипартийных оппозиций.

Со всей серьезностью взвешивая теорию и практику оппозиции, приходится признать, что путь, на который она вступила, в конечном счете ведет *за* пределы партии. То, что делает оппозиция, это—подготовка элементов *другой* партии внутри и около нашей партии и Коминтерна.

Может ли ленинская большевистская партия, руководящая диктатурой пролетариата в стране, окруженной хищниками-империалистами, терпеть в своих рядах деятельность людей, подготовляющих элементы другой, чуждой партии? На это может быть дан только один отрицательный ответ: *нет*, партия этого терпеть не может и не будет. Деятельность оппозиции должна быть прекращена.

Лидеры оппозиции позволяли себе делать прямые преступления против партии как с точки зрения партийного устава, так и с точки зрения интересов партии и революции. Их имена уже повсюду служат знаменем, вокруг которого группируются враждебные Коминтерну «околопартийные» элементы; из среды самых разнообразных контрреволюционных групп раздаются приветствия, похвала и «подбадривание» лидерам оппозиции; деятельность их рассматривается многими контрреволюционными группами, как возможный исходный пункт для реакции.

Руководствуясь директивами X с'езда и заветами Ленина о необходимости всеми мерами оберегать единство, партия, в лице ее ЦКК и ЦК, вынуждена была поставить перед названными двумя товарищами вопрос о выведении их из состава ЦК. Однако, прежде чем принять такое постановление, об'единенный пленум ЦК и ЦКК обратился к оппозиции с примирительным предложением, выражая готовность, несмотря на всю дезорганизаторскую работу оппозиции, отказаться от каких бы то ни было организационных мероприятий по отношению к вождям оппозиции под условием ее отказа от наиболее антипартийных методов борьбы с партией и осуждения ею наиболее крайних, антипартийных оппозиционных взглядов.

Это примирительное предложение не было принято на пленуме ЦК и ЦКК оппозицией. И только после того, как пленум проголосовал и *утвердил* предложение ЦКК об исключении тт. Троцкого и Зиновьева из состава ЦК, оппозиция обнаружила желание говорить о возможности примирительного исхода. Ею было подано заявление с отказом, хотя и далеко не последовательным, от некоторых своих ошибок и колебаний, а также от фракционности. Тогда пленум, считая, что хотя это и не может «обеспечить в партии необходимый мир», но «все это может оказаться некоторым шагом к миру в партии», снял вопрос о выведении тт. Троцкого и Зиновьева из ЦК, ограничившись об'явлением им строгого выговора с предупреждением.

Заявление оппозиции от 8 августа 1927 года никак невозможно счесть за документ, подписанный людьми, желающими полного мира в партии. Каждый пункт заявления имеет свой, как говорили на пленуме, «камень за пазухой».

Оппозиция высказалась «безусловно и безоговорочно за оборону СССР при данном ЦК, при данном руководстве ИККИ». Однако, «тезис о Клемансо» ею прямо не отвергнут. Отвергнуто лишь якобы «неправильное толкование» его (партией) «в смысле борьбы за власть путем использования для этого военных трудностей». Однако, и эта уклончивая позиция становится еще более двусмысленной вследствие того, что тотчас же вслед за тем говорится, что «и во время войны партия не может отказаться от критики и исправления линии ЦК, если она будет неправильна». Что значили всегда слова о «критике и исправлении линии ЦК» в устах оппозиции, все прекрасно знают: этим заявлением она оставляет себе руки развязанными для *фракционной* борьбы.

Отвергнув мысль о якобы свершившемся термидорианском перерождении большевистской партии, ЦК и ЦКК (мысль, которая *высказывалась* ранее лидерами оппозиции), авторы заявления опять-таки подчеркивают свое «требование», чтобы партия давала «*более* систематический, твердый, планомерный отпор» термидорианским тенденциям. Партия «обвиняется», таким образом, в попустительстве «термидорианству»,—опять-таки с явной целью оставить развязанными руки оппозиции для продолжения фракционной войны.

Отмежевание от исключенных из КИ ультра-левых (масловская группа) носит чисто внешний характер: «*подчиняясь* решениям Коминтерна о недопустимости организационных связей с исключенной группой Урбанса—Маслова»,—говорится в заявлении. Все знают, что слова о «подчинении решениям» в устах оппозиции обычно имеют весьма «оригинальный» смысл. Тем более, если на этот раз непосредственно за ними следует заявле-

ние: «Мы в то же время настойчиво предлагаем и будем добиваться внутри Коминтерна пересмотра решения об исключении» (группы Урбанса—Маслова).

Наконец, об'являя «готовность сделать решительно все для уничтожения всех элементов фракций», оппозиция в то же самое время пытается возложить ответственность за возникновение фракционности на «условия извращения внутрипартийного режима», тем самым оставляя себе и здесь раскрытой дверь к продолжению фракционной борьбы.

Таким образом, заявление оппозиции имеет крайне двусмысленный характер и настолько же открывает возможности мира в партии, насколько может быть сделано оппозицией и новым исходным пунктом ее борьбы с партией.

Документ этот безусловно «может оказаться некоторым шагом к миру в партии», *если* оппозиция прежде всего будет *соблюдать* это, хотя и половинчатое, подписанное оппозицией заявление. Приходится прямо сказать, что твердой уверенности в этом у партии сейчас нет и не может быть после того, как оппозиция грубейшим образом нарушила однажды ею подписанное заявление от 16 октября 1926 года. Об'единенный пленум нисколько не заблуждался на этот счет и сказал в своем постановлении:

«Об'единенный пленум ЦК и ЦКК не имеет оснований ручаться, что отступление оппозиции и отказ от ряда ее ошибок являются вполне искренними. Опыт аналогичного «заявления» оппозиции от 16 октября 1926 года показывает, что оппозиция не всегда склонна выполнять данные ею партии обязательства».

И несмотря на все это (подача заявления только после того, как пленум принял в основе постановление о выводе лидеров оппозиции из ЦК; двусмысленный характер заявления, гораздо более двусмысленный, чем в заявлении от 16 октября; печальный опыт с заявлением от 16 октября 1926 года),—пленум постановил в виду поданного оппозицией заявления с признанием ряда ошибок и с отказом от фракционной борьбы вопрос о выводе лидеров оппозиции из состава ЦК снять, ограничившись выговором и предупреждением им.

Чем об'ясняется этот крайне мягкий характер решения высших органов партии, решения, вынесенного в обстановке обострения международного положения страны и после невиданного обострения фракционной борьбы оппозиции? Почему ЦК и ЦКК не воспользовались принадлежащим им полным правом исключить тт. Троцкого и Зиновьева из ЦК за неслыханно антипартийные поступки?

Решение пленума об'ясняется прежде всего его настойчивым стремлением *удержать* оппозицию в партии и сохранить *мир* внутри партии.

Оппозиция поставила себя своим поведением на самый *край* партии. Она стоит перед рубиконом, перед решающей чертой. Еще несколько дальнейших шагов по оппозиционному пути—и она очутится вне партии.

В этот ответственный момент, решающий судьбы нашей оппозиции, когда она стоит перед выбором: возвращение к партии, и тогда—политическая *жизнь*, или уход от партии, и тогда—политическая смерть, партия никоим образом не должна подталкивать оппозицию вперед с опасного обрыва. Наоборот, партия должна приложить все усилия к тому, чтобы использовать даже самые последние шансы, дающие возможность возвращения оппозиции на партийный путь.

В таких условиях долг пленума ЦК и ЦКК состоял в том, чтобы принять даже крайне двусмысленное заявление оппозиции, в искренности которого полной уверенности нет, как повод к перемирию, как веревочку, которая может привязать оппозицию к партии, подтянуть оппозицию к партии. Если даже существовало бы всего несколько шансов из ста за то, что веревочка эта не порвется, а, наоборот, окрепнет, то и тогда партия должна была бы вынести такое решение, отказавшись от организационных выводов в отношении лидеров оппозиции. Это—последний спасательный круг, который партия бросает фракционерам. От них теперь зависит использовать этот спасательный круг или его от себя оттолкнуть.

Партия в особенности должна была проявить сейчас свою готовность вновь и вновь ждать исправления оппозиции и возвращения ее к партии (ждали уже четыре года, но готовы ждать и пятый), что в среде оппозиции остались еще некоторые, хотя и немногочисленные, честные рабочие элементы, которые так или иначе вернутся к партии. Им надо всемерно облегчить их возвращение, связанное подчас с тяжелыми личными переживаниями. Надо, чтобы они имели срок понять и уяснить себе политический и *классовый смысл* своего пребывания на краю партии. Перед ними сейчас стоит вопрос: *остаться вместе с пролетариатом в его старой большевистской партии или стать слепой игрушкой в руках чуждых классовых сил вне нашей партии?*

Пора выбирать, пора делать решающий шаг. И мы ждем, мы надеемся, что все, что еще осталось лучшего, рабочего и большевистского в рядах оппозиции, без дальнейших промедлений сделает этот решающий шаг, *вернувшись* к ленинской партии, честно признав ошибки оппозиции.

Так поступили уже многие из тех, пребыванием которых в своих рядах гордилась оппозиция: тов. Н. К. Крупская, тов. Залуцкий, т. Николаева. Сейчас разорвали с оппозицией тов. Сокольников и т. Зоф. Многие рядовые рабочие-оппозиционеры

уже покинули и покидают своих бывших лидеров, поняв преступность и гибельность их борьбы с партией. Может быть, этот отход образумит, наконец, и самих вождей оппозиции. А если нет, если эти вожди снова порвут в клочки свое заявление от 8 августа так же, как они изорвали их заявление от 16 октября, то вся вина и ответственность за это целиком упадет на них. Партия с своей стороны сделала все, что она могла сделать для того, чтобы спасти оппозицию для большевизма, для партии, для пролетариата.

В. А.

„Поштучный социализм" Карла Реннера.

Если в революционные годы социал-демократы, борясь против сторонников диктатуры пролетариата, часто даже «признавали» диктатуру на словах (диктатуру «без насилия» и т. п.), то в последовавшие затем годы наступления капитала на рабочий класс ревизионизм усилился, осмелел и пошел гораздо дальше. На сцену выступили ревизионисты, которые не только отрицают диктатуру пролетариата, но вообще *политической* борьбе и политической власти отводят второстепенное место в борьбе за социализм. Расцветает блаженной памяти оппортунистический «экономизм», в свое время, в той или другой его форме, игравший роль в рабочем движении каждой страны.

В числе новоявленных экономистов оказался и австро-марксист Карл Реннер, провозгласивший лозунгом эпохи: «не политицизм, а экономизм».

В четырех номерах журнала «Der Kampf» за 1926 и 1927 гг. он печатает статьи под общим заголовком «Хозяйственная демократия», в которых высказывается следующим образом:

«Война и революция *стремительно политизировали* рабочий класс и исключительно, *крайне односторонне* политизировали такой пролетариат, как русский... *Завоевание общественной власти и диктатура пролетариата* казались единственным средством, *всеспасающим средством! Политическая власть—вот та архимедова точка опоры, исходя из которой можно преобразовать экономику*»...

«*Политика—все, экономика—ничто*,—поскольку дело идет о борьбе за освобождение»... «*Новая экономика создается, таким образом, внеэкономическими средствами, политической властью.* Теперь уже давно рабочий класс мира освободился от очаровывающего действия русского примера»...

«Что стоит под вопросом,—продолжает Реннер,—это, с одной стороны, *социализация посредством государственной власти на пути политики*, то-есть средствами диктаторского законодательства и управления, и с другой стороны—*самочинная социализация*[1]) *стороной от политики, на пути свободной хозяйственной организации, на пути хозяйственной демократии. Профессиональные союзы и кооперация*, первоначально рассматривавшиеся

[1]) «Sozialisierung durch Eigenmacht», в других местах Реннер выражается несколько иначе, противопоставляя «самопомощь»—«помощи государства», «Staatshilfe» и «Selbsthilfe».

либеральным направлением, как средства к повышению уровня жизни отдельных лиц, позднѐе употреблявшиеся социалистами, как средства классовой борьбы, теперь мыслятся, *как средства сознательной социализации снизу вверх*, социализации, *идущей от самого общества, стороной от государства*,—мысль, которая впервые ясно высказана *гильдейскими социалистами*,—*а пароль классовой борьбы, как отрицания существующего, превращается в пароль положительного творчества нового хозяйственного порядка*.

Вместе с тем, в этом противоречии впервые ясно выступает *противоречие между экономизмом и политицизмом*».

Мы еще несколько продолжим эти выписки, чтобы представить исходную позицию Реннера в вопросе о «хозяйственной демократии» в более развернутом виде. Он считает, что опыт революционных лет доказал несостоятельность и бессилие «политицизма» в деле проведения социализации:

...«*Опыт послевоенных революций, в особенности русского движения, учит* (рабочего), *что в день победы действительное господство над хозяйством немыслимо без подготовительной школы самопомощи!* И потому более чем вероятно, что в грядущие годы, после десятилетия исключительного политицизма, *рабочий класс ориентируется преимущественно экономически*»...

«С одной стороны, *русский коммунизм завершился государственным социализмом, который трудно отличим от государственного капитализма* и который ясно показывает *границы применимости государства, как средства социализации. Не то, чтобы это средство было совсем ничтожно, но границы его ощутительны, и они узки.*

С другой стороны, *попытки социализации, которые делались социалистическими партиями вне России, нигде не привели к успеху. Во всяком случае, социализация через государство, поскольку оно не господствует действительно и длительно* (? *В. А.*), *не мыслима.* Политическое движение рабочего класса тем самым наталкивается на границы идеи: *политика, как средство класса, не доводит до конца!* Она необходима, она ведет далеко, но она одна сама по себе *не приводит к цели. Политицизм переживает кризис*».

Чувствуя, что он отступает от марксизма, скатываясь к «кооперативистским» и реформистски-синдикалистским идеям, Реннер сейчас же пытается «отмежеваться» от этих течений. Однако, «отмежевание» выходит мало убедительным:

«Есть сторонники профсоюзов (синдикалисты), которые отрицают политику и думают, что профессиональная борьба, радикально до конца продуманная и практически до конца доведенная, свергает капитализм и основывает социализм, то-есть ведет до конца—это уже разоблаченная ошибка. Еще есть сторонники кооперативов (кооперативисты), которые не любят ни политической, ни профессиональной борьбы и живут верой, что мирные средства кооперации,—ее распространение по свету, особенное ее проникновение в область производства,—могут сами, *без насильственных революций* принести миру мир и социализм. И это также *иллюзия*. Но каждое из этих направлений, которые я выше обозначил, как *экономистские, представляет известную долю истины!* Оба суть *средства социализации снизу вверх*, посредством *самопомощи*, стороной от государства, хотя и не независимо от него и от его законодательства. Оба суть средства *свободной организации*, средства *чисто-экономические* по природе, средства к преобразованию экономики *изнутри*, не внеэкономические средства, и потому такие средства, которые могут *подготовить новую экономику в недрах старой*» [1]).

Итак, по Реннеру «политицизм переживает кризис». Однако, *какой, чей* «политицизм»? *Чья* политическая борьба переживает «кризис», вынуждающий ведущих эту борьбу менять вехи, махать рукой на «политику» и обращаться лицом к экономизму?

Большевизм, ни русский, ни мировой, ничего подобного описываемому Реннером «кризису политицизма» не переживал и не переживает. Если даже и имеют место в среде отдельных партий Коминтерна уклонения тех или иных товарищей или групп от революционной марксистско-ленинской линии, то *ни одно* из этих уклонений не доходило до мысли о возможности для рабочего класса на «грядущие годы» забросить политику на задний план и «ориентироваться» внутри капиталистического мира преимущественно экономически.

Кризис «политицизма» и стремление вспять к «экономизму» обнаруживается, конечно, в рядах *Второго* Интернационала, откуда «всегда, ныне и присно» росли и будут расти идеи о полном разоружении рабочих в борьбе с буржуазией.

Не имея возможности указать на признаки «кризиса политицизма» в Коминтерне, Реннер, однако, делает попытку об'явить русских большевиков ответственными за «кризис» *его*, Реннера, политических убеждений. «Русский опыт», оказывается, служит причиной того, что господа Реннеры об'явили политику средством, «не приводящим к цели».

Доводы оппортуниста в этом пункте особенно слабы.

Реннер утверждает, что в СССР установился «государственный социализм, трудно отличимый от государственного капитализма».

«Трудно» отличимый, это значит, все-таки, *отличимый*. Даже Реннер, стало быть, хотя и с «трудом», но различает наш *социализм* от капитализма!

А в том, что у нас социализм, по выражению Реннера, «государственный», нельзя видеть никакой беды, потому что государственная власть у нас не в руках капиталистов, а в руках рабочих.

Однако, СССР является *единственной* страной, о которой даже австро-марксист решается сказать, что здесь, по его мнению, господствует «государственный *социализм*». Про какое еще из государств мог бы Реннер так сказать? Он сам не находит таких государств.

Социал-демократы своими «демократическими» средствами, как это вынужден признать австро-марксист, *нигде* не завоевали того, что завоевала диктатура пролетариата в России: «попытки социализации, которые делались социалистическими партиями вне России, *нигде не привели к успеху*», говорит Реннер.

---

1) Реннер—«Хозяйственная демократия». («Программа хозяйственной самопомощи трудящихся классов»). Статья, как указано автором в примечании, излагает вводный доклад к курсу «хозяйственной демократии» на высших интернациональных курсах в венском университете («Der Kampf», год издания XIX, № 10, стр. 430 и 431. Октябрь, 1926 года).

Как бы ни вертелся он, но из его же собственных слов выходит, что большевики добились *успеха социализма*, а «социалистические партии» (социал-демократы и английские макдональдовцы) *нигде* этого успеха не добились.

Спрашивается: вытекает ли из такого исторического опыта «разочарование» в политике *вообще* и в политических средствах социализации вообще? Никоим образом и ни в каком случае! *Обанкротились социал-демократически-макдональдовские политические средства — и оправдала себя большевистская политика.* Обанкротилась «демократия»—выжила, победила, оправдала себя *диктатура пролетариата.*

Лицезреть Карла Реннера в роли «политико-ненавистника» в наши дни особенно «пикантно». Ведь, как ни как, он все-таки когда-то имел нечто общее с «политицизмом» и с «попытками социализации»: ведь он в 1918—19 годах был рейхсканцлером целой республики и даже собственноручно написал конституцию, принятую этой республикой. Реннер так подчеркнуто «ссылается» на русский опыт, как будто бы он именно в России проделывал свою неудачную политическую карьеру! Однако, осторожно выражаясь, ведь многие помнят, что дело было в Австрии. В «демократической» Австрии (а никак не в Советской России) Реннер был рейхсканцлером! Поэтому, остается только удивляться, какие ловкие пройдохи эти бывшие социал-демократические министры: провалив социализацию в Австрии, они усиленно машут руками в сторону России; обжегшись на демократии, они «обвиняют» диктатуру; переживая «кризис» своей политической позиции, кричат о кризисе «политицизма» вообще!

Всмотримся в суть позиции Реннера по отношению к политике и к государству. Здесь мы видим у Реннера отступление от обычной трактовки этого вопроса современной социал-демократией.

Центр тяжести социал-демократической политики на самом деле лежит вовсе не в экономической работе, не в профсоюзах и кооперативах, а именно в парламентских комбинациях, в *коалиционной политике.* Сам Реннер отнюдь не противник этой политики и даже формулировал в 1925 году в своей книге задачу—ввести социализм путем политики «соглашений» («алльянсов») от случая к случаю[1]). Однако, теперь Реннер заявляет о необходимости «ориентировать» рабочий класс в сторону «экономики».

Конечно, по существу между политикой сменяющихся смотря по обстоятельствам «алльянсов» и «экономической ориентацией» никакого противоречия нет: партия или группа, ориентирующаяся на «экономизм», может прибегать к политическим «алльянсам», рассматривая политику, как подсобное средство, а не как революционную дорогу к власти.

Но все же общая социал-демократическая позиция отлична от ренneровской: ни германская, ни австрийская социал-демократия не выдвигают лозунга *смены* политической ориентации на экономическую, хотя «хозяйственная демократия» у них и вошла во всеобщий обиход. Официальная социал-демократия все еще обманывает рабочую массу обещанием «завоевать власть» средствами демократии, и главная ее ориентация остается политической.

[1]) Приблизительно ту же формулировку Реннер давал уже в 1917 году в своей книге «Марксизм, война и Интернационал».

Можно рассуждать, чисто отвлеченным образом, так: Реннер—больший оппортунист; большинство социал-демократов все же *политику* ставит на первый план, а Реннер отводит политике задворки, между тем, политическая борьба—главное для пролетариата, и т. д. Реннер «правее» остальных, его позиция оппортунистичнее, «хуже», опаснее.

Однако, эти рассуждения, в которых есть своя доля правды, в то же время были бы слишком абстракты. В жизни дело обстоит так, что за Реннером может пойти социал-демократический рабочий, недовольный большинством партии, который рассуждает так:

«*Коалиционная политика—предательство, лучше никакой политики, лучше одна экономическая борьба*».

Лозунг, формально являющийся «шагом назад», нижней, пройденной ступенью в развитии рабочего движения, в данных условиях может служить самой первой ступенью к пробуждению от социал-демократических иллюзий. Это, разумеется, не значит, что коммунисты могут потворствовать таким архиреформистским лозунгам. Наоборот, чем резче мы будем их разоблачать, тем скорее «оступившийся» на «экономизме» рабочий придет к «политике», но уже к *революционной* политике коммунизма.

Надо сказать, однако, что в нынешнее время классовые противоречия в Европе так остры, что «экономизм» вообще не может увлечь за собою надолго и сколько-нибудь крупные группы рабочих, и в особенности такие «мирные» «экономисты», как Реннер, ухитряющиеся соединять репутацию «левых» социал-демократов с крайним оппортунизмом, обречены на роль ученых одиночек.

У Реннера мы видим и отступление от той ориентации на *государственный капитализм*, которая все более прочно пробивает себе дорогу в руководящие круги социал-демократии. Реннер отодвигает «огосударствление» экономики на второй план и противопоставляет ему «самопомощь» и хозяйственную «самодеятельность» населения. Реннер относит это не только к условиям будущего, но и к условиям настоящего, к капиталистическому государству.

Прежде чем обратиться к реакционным утопиям, долженствующим составлять «положительную» сторону в развиваемой Реннером программе, отметим значение этой *негативной*, «отрицательной» стороны его позиции, его отмежевания от чистой государственно-капиталистической идеологии.

Социал-демократы поддерживают и проповедуют государственный капитализм, как «стадию», якобы необходимую для того, чтобы капитализм *экономически созрел* для социализма. Это—позиция *тройного* лицемерия и предательства по отношению к рабочему классу.

Во-первых, даже тогда, когда капитализм еще не был достаточно зрел для социалистического переворота, настоящие сторонники Маркса никогда не выступали в роли *апологетов* капиталистического прогресса, какими являются нынешние социал-демократы. Марксисты боролись против феодальных уз, сковывавших свободу развития капитализма, это правда. Но они не «насаждали» капиталистических предприятий, не «открывали» их, предоставляя это дело стихийному экономическому развитию и классу буржуазии, который рождался из этого стихийного развития. Нынешние же социал-демократы *добиваются* основания

государственно-капиталистических предприятий, способствуют переходу предприятий в руки государственных органов буржуазии, предлагают себя в руководители этих предприятий там, где буржуазная демократия им позволяет на это претендовать (местные самоуправления и т. п.). Они своими руками *строят* капиталистам «высшую стадию», новый «этап» капитализма. Это—не марксизм, а буржуазное делячество.

Во-вторых, нынешний капитализм *уже созрел* для начала социалистической революции, поэтому тот, кто добивается еще какой-то «высшей» его фазы, на деле только прислуживает буржуазии, указывая ей дорогу *к отсрочке* гибели капитализма, к продлению его существования.

В-третьих, гнусность поддержки государственного капитализма в нынешнее время в особенности ясна потому, что государственный капитализм не просто «органическая экономическая стадия», а «стадия» *концентрирования политической мощи буржуазии*, ставящей всю свою экономическую мощь на службу единому классовому органу—буржуазному государству. Стоит только вспомнить тот факт, что государственный капитализм и возник-то не во время «мирного, органического» развития капитализма, а во время войны, прежде всего в государстве, подвергшемся наибольшим ударам войны (в Германии), чтобы попытки истолковать государственный капитализм, как «органически-экономическую» форму, отпали. Здесь имеется вмешательство «*политики*» в «экономику».

Послевоенное время ярко подчеркивает и выявляет настоящую роль государственного капитализма в буржуазном развитии. Пролетарские революции истекших лет поставили ребром вопрос о государственной власти, и он не снят, несмотря на наступившую реакцию. «Стабилизация» капитализма не внушает доверия никому, кто знает европейскую обстановку, во много раз более неустойчивую и противоречивую, чем до войны. Изо дня в день резко враждебные друг другу фашистские и коммунистические демонстрации и даже вооруженные столкновения напоминают последнему европейскому обывателю о неизбежности решающих классовых битв.

Пролетариат открыто готовится к боям за диктатуру пролетариата. Вполне естественно, что в таких условиях буржуазия укрепляет всеми путями свой главный боевой орган—*государство*.

На горизонте, с другой стороны, призрак новых войн—опять-таки причина, вследствие которой буржуазия, наученная опытом первой войны, непрерывно совершенствует и укрепляет свою *государственную* организацию.

В современных условиях *всякое* усиление буржуазного государства означает усиление антипролетарского фронта и приближение опасности войны. Ничего другого не может означать и экономическое усиление государства путем передачи в его руки предприятий или целых отраслей производства. Поэтому программа государственного капитализма в настоящее время есть не что иное, как программа усиления империализма, программа прямой помощи врагам пролетариата и их военным авантюрам.

Нынешняя официальная социал-демократия видит свою главную политическую задачу в борьбе за «влияние на государство» (буржуазное государство, разумеется) и, вместе с тем, за *организацию капиталистического хозяйства в руках этого государства*.

Ее программа—программа «*демократического» государственного капитализма*. Ее теоретики при этом договариваются до того, что государственный капитализм уже есть организация, строящаяся уже по «*социалистическому* принципу плановости» [1]).

Социал-демократия выступает сейчас *застрельщиком* и *глашатаем* идеологии государственного капитализма, выражая *общие* интересы всего капитализма, как системы, которой грозит крах, лучше и дальновиднее, чем это могут делать отдельные представители или группы самой буржуазии. Социал-демократическое воспевание государственного капитализма поэтому является *наиболее гнусным антипролетарским видом реформистской идеологии*.

Поэтому даже такие люди, как Реннер, авторы реакционнейших «экономистских» утопий, отказываясь от воспевания гимнов государственному капитализму и внося тем некоторый разлад и разнобой в хор социал-предателей, в силу вещей получают возможность слыть за «левых» вольнодумцев в среде с.-д.

После этих замечаний о месте, которое занимает «левый» реакционер в теории Реннер среди европейской социал-демократии, перейдем к самому ранnеровскому прожекту «поштучного социализма». В сущности, его достаточно изложить во всей красе, чтобы всякий трезвый и знающий капиталистическую действительность человек посмеялся вдоволь над мечтаниями о «социализме в недрах капитализма».

В своей книге «Die Wirtschaft, als Gesamtprozess und die Sozialisierung» Карл Реннер писал:

«*Социализация не может начаться с производства. Захват фабрик, отчуждение предприятий*, изгнание фабричной бюрократии—все это может иметь место в революционной ситуации, но это *не представляет пути к достижению цели. Всеобщая, генеральная экспроприация посредством декрета—это всеобщая, генеральная бессмыслица, потому что в результате ее ничего, кроме хаоса, не получается*» [2]).

«*Процесс обращения*,—утверждает Реннер,—является высшим законодателем и судьею капиталистического общества, и *в нем, собственно говоря, заключается существо проблемы социализирования*»... «*Социализирование, которое не берет процесса обращения за исходный пункт, бьет мимо главной цели и совершает громадную ошибку по отношению к ней. Если бы мы, допустим, социализировали промышленные предприятия, сохранив при этом процесс обращения*, как он есть, то все равно *высшим судьею хозяйства остались бы анархический рынок* и господствующий на нем анонимно *закон стоимости. Но ведь мы знаем, что производство уже обобществлено (NB!!)*, что рабочий не производит частную работу, как индивидуум, но он производит работу в авторитарном механизме трудового процесса. *Лишь присвоение его продукта труда совершается частным и индивидуальным образом предпринимателем или, больше того, совокупностью всех частных индивидуальных агентов обращения*» [3]).

---

[1]) См., например, доклад Гильфердинга на недавно состоявшемся партейтаге германской с.-д. партии.

[2]) «Die Wirtshaft, als Gesamtprozess und die Sozialisierung», стр. 372. Русское издание: «Теория капиталистического хозяйства». К. Реннер, стр. 319—320.

[3]) Нем. изд. стр. 338—339, рус. изд.—стр. 290.

Далее:

«Для нас уже становится ясным, что *функционирующего предпринимателя мы не можем возместить без околичностей*. Итак, мы *оставим в покое* пока большое число руководителей мелких и средних предприятий и *индивидуальных предприятий и предоставим им пользоваться предпринимательской прибылью*, этой мнимой «платой за функционирование». *Мы возьмемся за процент ренту и дивиденд*. Мы их будем рассматривать не в их общей форме, так как в таком случае их было бы трудно уловить, но в той форме, где они выступают в виде *чистых титулов*. *Перенос титулов*, как мы знаем, *не затрагивает более производственного процесса* и не препятствует ему. Постараемся подойти к ним теми методами, которые даны нам самим обращением, т.-е. *не столько путем декретов*, сколько посредством того, чтобы *полупубличные учреждения, в роде банков, без которых эти титулы не могут существовать, превратить в чисто публичные учреждения*.

«Другими словами, исходной нашей точкой будут те центры, которые капитализм сам создал. Постараемся, при помощи средств, выработанных последними, превратить всю имеющую известную стоимость крупную собственность in natura в собственность, основанную на титулах»... и эту собственность «*передадим (?) в переходный период в пользу организованного общества*»... «*Достаточно того, что крупный поземельный собственник отдает (?) в распоряжение общества полную ипотеку* со своих земель, а мелкий промышленник отдает *полный процент* со вложенного в свое предприятие в распоряжение общества. Тем самым львиная часть прибавочной стоимости подвергается социализации»... ...«Экспроприацию надо понимать, по крайней мере для практики наших дней, *не как уничтожение собственников, а лишь как экспроприацию титулов*»... «*Речь идет не о разрушении данной организации, но лишь о ее преобразовании и наполнении ее новым духом*»[1]).

Итак, замысел Реннера состоит в том, чтобы «преобразовать» капиталистическую хозяйственную «организацию», «*не разрушая*» ее. Он пуще всего боится, как бы при этом «преобразовании» не был затронут «производственный процесс», как бы что-нибудь не «воспрепятствовало» этому процессу. «Функционирующий предприниматель» для него даже лицо совершенно неприкосновенное, из разряда священных «табу»: его никак «не можно возместить».

Сразу видно, что наш «преобразователь» из таких, с которыми охотно мирятся господа капиталисты: безвредная овца!

В производство он обещает не «вмешиваться». В искренность его обещаний вполне можно поверить, ибо, по его мнению, ведь «*производство уже обобществлено*» (это при капитализме-то!..).

Нельзя не заметить, что если промышленность в капиталистических странах «уже обобществлена», то «всеобщей бессмыслицей» являются, очевидно, не только разговоры о «генеральной экспроприации», но и *вообще* о социализации промышленности в какой бы то ни было *другой* форме. Оставаясь последовательным. Реннер должен об'явить «генеральной бессмыслицей» и социализаторские планы своих сотоварищей по соц.-дем. партии, в частности и программу австрийской социал-демократии,

1) Там же, стр. 372—373, рус. изд.—стр. 320—321

за которую он же сам, Реннер, в октябре 1926 года проголосовал! Ибо и там говорится насчет «обобществления промышленности», говорится все еще как о задаче *будущего*, а не как о том, что уже «осуществлено». Реннер только по форме обращает свои возражения против коммунизма, на самом же деле он попадает в противоречие и с положениями своей собственной партии.

Утверждение, что производство в капиталистических странах «уже обобществлено», представляет собою типичный пример чисто обывательской вульгаризации марксистского учения: социал-демократические «теоретики», когда им это выгодно, систематически подменивают вопросы *социально-классовые* вопросами *организационно-техническими*.

Когда речь идет о *социализации* промышленности, как у Реннера, то должно понимать, что социализация есть *такое* «обобществление», которое означает переход предприятий из рук класса капиталистов в руки рабочего класса, ведущего общество к уничтожению классов, к социализму. А Реннер подсовывает вместо этого точно установленного марксизмом понятия совершенно *другую* вещь. Развитие капитализма «обобществляет» мировое хозяйство лишь в *организационно-техническом смысле*, в смысле общественной организации труда, средств сообщения, рынка и пр. Отсюда до обобществления *социального*, до социализации далеко: на пути к ней еще лежит пролетарская революция.

Но если даже поднять брошенную Реннером перчатку и начать рассматривать капиталистическое хозяйство с точки зрения процессов технически-организационного обобществления, то и в этом случае вздорность точки зрения Реннера будет ясна сама собой. Разве процесс обращения (банки, руководящие промышленностью, торговые общества и т. д.) не «обобществлен», в организационно-техническом смысле, часто еще более, чем процесс капиталистического производства? Уж об'являл бы доктор Реннер, без дальних слов, весь современный капитализм—социализмом, черное—белым!..

Но последуем за нашим злополучным прожектером. Отказываясь от метода экспроприации в области производства, Реннер обещает нам в области обращения—если не «уничтожение собственников», то все же «экспроприацию титулов на прибавочную стоимость». Собственники предприятий останутся, а прибавочная стоимость,—в просторечье—их доход,—будет, якобы, у них отобрана: «обещание», напоминающее печальной памяти речи русского «социалистического министра» Скобелева, «обещавшего» отобрать у капиталистов «100 процентов прибыли»!..

Однако, тот министр хоть «у власти» стоял,—а на что же рассчитывает Реннер?

Каким образом он думает отобрать доходы у собственников предприятий?

Крупный собственник земли «отдает» свою ренту, говорит Реннер. Однако, как это «отдает»: добровольно, что ли? «Титулованную» собственность (т.-е. заключенную в бумагах, акциях, векселях и пр.) Реннер обещает «передать» «обществу». Однако, будет ли это сделано с согласия собственников этих «титулов», или нет?

«Полупубличные» учреждения «*в роде банков*», будут превращены в «публичные», говорит Реннер. Но как «превращены»?

Национализированы? Но ведь автор прожекта—сторонник «самопомощи» и терпеть не может всякие декреты (с тех пор, как он их писал, будучи австрийским рейхсканцлером).

Итак, каким же образом «общество» будет овладевать доходами капиталистов и учреждениями в роде (шутка ли сказать?) современных банков?

Смехотворная «программа» Реннера состоит в следующем: общественная прибавочная стоимость в капиталистической системе распадается («дифференцируется») на различные ее части: 1) промышленная прибыль, 2) торговая прибыль, 3) процент, 4) рента. Надо «захватывать» и «социализировать» эту прибавочную стоимость по частям, где и как только возможно, используя и создавая для этого различные организации.

...«*Каждый особый род прибавочной стоимости* (прибыль, рента, процент) *должен быть возвращен рабочему классу особым путем*, и, что прежде всего должно иметь в виду, также через различные социальные органы, через *особые позитивно-творческие организации*»[1]).

Профсоюзы и их подсобные органы,—в роде страховых организаций, больничных касс и пр.,—начинают поход на предпринимательскую прибыль, стараясь перераспределить ее в свою пользу и тем самым «солидаризировать» и «социализировать».

Кооперативы стараются вырвать из рук частных торговцев и капиталистических торговых компаний торговую прибыль и ее «социализировать» в свои кассы.

Кредитные товарищества, сберегательные кассы и рабочие банки атакуют денежный капитал и состязаются с гигантами-банками, стремясь приобрести решающую роль в кредитной системе капитализма...

Наконец, крестьянские товарищества в деревне и жилищные товарищества в городе «социализируют» ренту у земельных собственников и домовладельцев.

Вот и вся премудрость «хозяйственной демократии», развиваемая Реннером на протяжении целого ряда журнальных статей. Это и есть «социализация снизу вверх» (или, как лучше было бы ее назвать, «социализация вниз головой»). То, что в этом плане есть осуществимого (напр., борьба кооперации с частным торговцем и денежным капиталистом), в широком масштабе осуществимо только *после* захвата власти и основных узлов хозяйства (крупной промышленности, *банков*, железных дорог) пролетариатом. Без этого весь «план» Реннера остается жалкой крохоборческой утопией, тысячу раз известной и разоблаченной.

Приведем, для иллюстрации, лишь ряд примеров того, как Реннер громкими шарлатанскими фразами прикрывает свой реформизм.

Возьмем профсоюзы, этот первый из главных рычагов «сознательной социализации», по Реннеру. Как они проводят социализацию промышленной прибыли?

«Прежде всего бросается в глаза,—говорит Реннер,—что профсоюз «*не может уничтожить факта прибавочной стоимости*», и даже той ее части, которая фигурирует в виде «предпринимательской прибыли». «Он (профсоюз) может ограничить предпринимательскую прибыль, снизить средний уровень прибыли—но в тот момент, когда он ее захотел бы захватить всю, остановилось бы капиталистическое предприятие»[1]).

[1]) К. Реннер—«Хозяйственная демократия». «Der Kampf», 1926 г., № 12, стр. 532.

Таким образом, даже для революционного синдикализма у Реннера «кишка тонка»: он никоим образом не может допустить мысли об экспроприации профсоюзами предприятий, говоря лишь об «ограничении» ими прибыли. Но в чем же, в таком случае, состоит «социализаторская» деятельность профсоюзов?

Мы находим у автора целые кучи громких фраз в роде следующих: «профсоюзная демократия, — говорит он, например,— есть не только демократия «в себе», она прогрессивно демократизирует всю хозяйственную жизнь и так *изменяет внутреннюю структуру самого капитала*». Это историческая миссия профессиональных союзов — сознательно *социализировать рабочий класс (?)* снизу вверх, на пути демократии! И *эта социализация в значительной мере уже совершилась!*»...

Восклицательным знакам у автора нет числа,—но зато нет ни одного делового указания: как, собственно, будет совершаться «социализация» предпринимательской прибыли на пути профессионального движения?..

Приводя пример того, как «полицейские суды», разбиравшие споры между рабочими и предпринимателями, сменились «гражданскими судами», а затем «промышленными судами», «согласительными комиссиями» и «тарифными судами» с представителями от предпринимателей и рабочих, Реннер заключает:

«Хозяйственная демократия перенимает функции, которые до того считались неот'емлемыми прерогативами государственной силы! Всякий, кто умеет мыслить *юридически (?)*, остановится, как вкопанный, с удивлением усваивая *эти грандиозные изменения* (на редкость пустое фразерство!.. *В. А.*). Первый повод к удивлению дает это *разгосударствление судопроизводства (!)*, которое здесь отвоевывается, конечно, только в известной ограниченной области, но все же в высшей степени значительной области общественной жизни. Возникают учреждения—и по их характеру прочные и постоянные, предписанные правом, органические учреждения, которые выполнят определенные социальные функции, находившиеся до того в кругу компетенции обязанностей одного государства. *Несомненная социализация!*» [2]).

Поздравляем читателя еще с одной «социализацией», изобретенной доктором Реннером. Столько десятилетий рабочие применяли коллективные договора и боролись с предпринимателями в «согласительных комиссиях», не зная, что это-то и есть «несомненная социализация», это и есть самый социализм, написанный на знаменах рабочих организаций!..

Начальные формы классовой борьбы с капиталистами,—ее экономические формы,—об'явить «социализацией»?! Такую пошлость, поистине, мог произнести только австро-марксист в его стремлении сочетать социалистическую фразеологию с подлейшим реформизмом. «*Разгосударствление судопроизводства — несомненная социализация*»?! Да эти «золотые» слова потомкам следует высечь на надгробной плите Карла Реннера!..

Но пойдем еще дальше за автором:

[1]) Там же, стр. 85.
[2]) Там же, стр. 82.

До сих пор,—говорит он,—профсоюзы имели «только *отрицательную* функцию защиты, право *социального вето, борьбы и ничего иного, кроме борьбы, безо всякой ответственности за положительное руководство индустрией*»... Они «*сооружали постоянно растущую боеспособность класса—а не самоё индустрию*».

Теперь «существо профсоюзов обращается в *позитивное*: их боевые функции остаются, но они уже более не единственные функции!»... «Теперь уже недостаточно того, что *распорядок работ*, предписанный предпринимателем, не ущемляет прав и интересов рабочих,—он *должен одновременно быть ручательством большей продуктивности! В кризисное время может быть так, что профсоюз утверждает такой распорядок работ, который вредит положительным интересам и погрешает против старых профсоюзных* правил, если только в будущем он гарантирует жизненный уровень класса *путем сохранения и повышения производительности индустрии*[1]).

И Реннер здесь же замечает, что «та школа, которая эту перемену фронта яснее всего признала, это, мне кажется—*гильдейские социалисты*».

Таким образом, *что* же сказал наш «хозяйственный демократ» о профсоюзах, об этом первом из главных «средств сознательной социализации»?

Несколько пустых фраз о том, как они «социализируют рабочий класс», как в тарифных и согласительных комиссиях по кусочкам якобы растет «несомненная социализация», как в профсоюзах происходят «грандиозные изменения», повергающие в столбняк удивленных буржуазных юристов, в роде самого Реннера. А на поверку вышло, что растущие «куски социализации» состоят в том, что профсоюзы, по мысли реформиста, становятся ответственными за производительность капиталистической индустрии до того, что в кризисное время они жертвуют интересами рабочих, чтобы только обеспечить капиталисту безубыточное ведение дел! Вместо интересов «боеспособности класса» профсоюзы заботятся об интересах капиталистических предприятий.

Это не просто проповедь старой, давно известной профессиональной борьбы рабочих: нет,—это *ограничение, стеснение* профессиональной борьбы соображениями о необходимости *помогать* капиталисту выбраться из кризиса, поднять производительность. Таковы «грандиозные изменения», такова *лакейская «социализация»* Карла Реннера!

У него нет недостатка в разглагольствованиях насчет «подготовки» и «воспитания» рабочих профсоюзами к *будущей* задаче управления промышленностью. Но фактом остается тот неоспоримый факт, что Реннер *шарлатански* обращается с термином «социализация» в применении его к профессиональному движению и не указывает *никакого пути* к овладению ни предприятиями, ни прибавочной стоимостью через профсоюзы. Просто—обещала синица море зажечь...

Второй «кит» в социализаторских прожектах Реннера—*кооперация*. И по вопросу о кооперации автор занимается на протяжении длинных статей переливанием из пустого в порожнее. Ни теоретически, ни практически он *не может доказать*, что кооперация *вытесняет* крупный капитал, что она бьет его в конкурентной борьбе и тем самым отбирает в кооперативные кассы торговую прибыль, процент и ренту. У него нет даже *попытки* сопоставить реальную силу современной кооперации в капиталистических странах с силой частного капитала и частных банков, ибо эти попытки неизбежно разбили бы все утопические построения Реннера. Он приводит только ровно ничего не говорящие цифры о числе кооперативов и их членов (напр.,—в 28 странах, охваченных статистикой, в 1922 году было 37 миллионов кооперированного населения, в 1926 г. его стало 50 миллионов). У него нет и следа попытки анализировать *состав* или *обороты* этих кооперативов.

[1]) Там же, 88—89.

Он поступает довольно нагло, между прочим, записывая в актив своей теории о «социализме в недрах капитализма» рост и успехи *советской* кооперации[1]), умалчивая о том, что эти успехи достигаются в условиях победившей диктатуры пролетариата, а не в стране капитализма. Между тем достаточно сопоставить только сухую цифру членов кооперации у нас, в одной стране (7 млн. членов в с.-х. кооперации и 12½ млн. в потребительской) с цифрой «28 стран», чтобы понять смысл ренneровской подстановки. Ловкачи эти австро-марксисты, когда речь идет о зачислении себе в заслугу чужих достижений.

Чувствуя себя идейно убогим в доводах, Реннер принимается и здесь фразерствовать о том, что кооперация это—«кусок социализма», что внутри нее капитал «теряет эксплоататорский характер», становясь «социальным достоянием», что она будто бы даже избавляет хозяйство от анархии и кризисов (!), называет кооперацию «кооперативным государством» внутри капитализма, «свободным хозяйственным *государством*» (?); «новый мир образуется в недрах старого!»—восклицает он не один раз и т. д. и т. п. [2]).

Все это—жалкие словесные лохмотья, не могущие прикрыть идейной нищеты Реннера. Ибо он трусливо *обходит* вопрос об истинном содержании деятельности и о составе кооперации в капиталистических странах, о тех *эксплоататорских* формах кооперации, которые дают привилегии богатым пайщикам, и превращают кооперацию в своеобразную форму развития капиталистических отношений, в существе *ничего общего* с социализмом не имеющую. Профсоюзы и кооперативы играют огромную роль в классовой борьбе пролетариата за социализм тогда, когда их деятельность подчинена политической борьбе за власть и строительству социализма *при* диктатуре пролетариата. Только при этом условии профессиональное и кооперативное движение может одерживать прочные, обеспеченные, ощутимые для массы успехи.

Конечно, реформисты могут иногда привести тот или иной пример из практики, когда в какой-либо профессии, поставленной в выгодные условия, профсоюз обеспечивает своим членам материальные выгоды, или когда тот или иной кооператив хорошо конкурирует с частными торговцами на капиталистическом рынке. Однако, эти примеры не доказательны. Они убоги и доказывают только то, что *если* кооперативное и профессиональное движения примкнут к борьбе за диктатуру пролетариата и *когда* они прим-

[1]) См. «D. K.», № 12 за 1926 г., стр. 532, № 4 за 1927 г. стр. 179 и 180.
[2]) См. «D. K.», № 12 за 1926 г., стр. 531, 532, 533, 534, 535 и т. д.—№ 4 за 1927 г., стр. 178, 180 и др.

кнут, то профсоюзы и кооперативы безусловно одержат *действительные* победы не над отдельными предпринимателями и торговцами, а надо всем капиталистическим строем хозяйства. Если творческая энергия рабочих масс, желающих бороться с капиталом, пробивает себе путь даже сквозь цеховые рамки и рогатки реформистских организаций, то эта энергия будет *непобедима* тогда, когда она сметет сковывающие ее рогатки реформизма и хлынет в широкое русло борьбы за коммунизм.

Попытка Реннера, далее, сослаться на «рабочие банки», якобы могущие отобрать денежный процент у капиталистических гигантов-банков (!), до того смехотворна, что на ней нечего и останавливаться.

В заключение о Реннере приходится еще сказать, что и этот «столп» австро-марксизма не может похвастать устойчивостью своих убеждений. Нынче он пишет статьи со скепсисом по отношению к идее о государственном капитализме. А вот что он писал раньше.

В 1917 году он выпустил книгу «Марксизм, война и Интернационал», где возвещал *«государственно-хозяйственную эпоху*, в которую мы вступили»; «частный капитализм превращается в государственный или стоит на пути к тому»; вместе с тем—*«государство будет становиться рычагом социализма»* [1]). Он доказывал, что государство все больше служит интересам пролетариата и его книга рецензировалась в австро-марксистской печати, как книга «государственного социалиста», провозглашающего «новый путь» к социализму [2]).

В 1924 году в цитированной выше книге о теории капитализма Реннер еще писал:

«Во-первых, мы приходим к выводу, что без государства, без завоевания власти действительное осуществление социализирования *немыслимо*» [3]).

А в 1926 г. он уже меняет вехи и пишет:

...«Политика, как средство класса, не доводит до конца»... «Политицизм переживает кризис».

Что он напишет в 1928 году о политике и государстве, знает только австро-марксистский господь бог.

---

[1]) Названная в тексте книга 1917 г., издание наследников Дитца, Штуттгарт, см. стр. 19, 28 и др.

[2]) См. ст. Ю. Дейча в № 12, «Der Kampf» за 1917 г. под назв.—«Новый путь» («Neue Weg»).

[3]) «Die Wirtschaft» и т. д. Стр. 379. Рус. пер.—стр. 326.

Под занавес.

Еще несколько месяцев назад вопросы экономического курса и хозяйственного строительства занимали центральное место во внутрипартийных спорах. Атаки оппозиции на экономическую политику Центрального Комитета отличались особым напором и особой крикливостью. Темп индустриализации и планирование, заработная плата и производительность, налоговое обложение и распределение национального дохода—таковы были основные линии оппозиционной демагогии, обычно увенчивавшиеся клятвенными заверениями насчет близости неотвратимого и грозного кризиса.

С некоторых пор, однако, направление оппозиционного «огня» претерпело известное перемещение. Примерно с весны текущего года от попыток нажить политический капитал на внутрихозяйственных затруднениях группа Троцкого и Зиновьева переходит к горячечной спекуляции на обострении международной обстановки. Этот поворот об'ясняется не только об'ективными условиями, не только тем, что нависшая над СССР угроза войны и стремительное развертывание китайской революции выдвинули на первый план международные вопросы. В очень значительной мере он был вызван и тем, что уже весною реальный ход нашего хозяйственного развития принес с собою настолько очевидный и настолько сокрушительный разгром экономической программы оппозиции, что выступления в прежнем широковещательном и мессианическом стиле стали для нее попросту невозможны. Отдельные оппозиционные экономисты еще продолжают, правда, выжимать из себя аргументы против экономической линии партии, произносят речи и пишут статьи, делают вид, что ничего не случилось, что не было никаких неоправдавшихся пророчеств, никаких крахнувших расчетов, никаких разоблаченных фокусов и обманувших надежд. Это «изображение хорошей мины при дурной игре» вряд ли, однако, может ввести кого-либо в заблуждение. Нынешние экономические выступления оппозиции—это выступления «под занавес», в серьезность которых не верят и сами оппозиционеры.

С особенной ясностью это обнаружилось на последнем, июльском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Речи тт. Пятакова и Смилги по докладу т. Рыкова о контрольных цифрах, представляли собой нечто совершенно из ряду вон выходящее по бессодержательности, худосочности и голословности. Сколько-нибудь обобщающей, принципиальной постановки вопроса не было и в помине. На это оппозиция уже не способна. Не было в помине также и предложения сколько-нибудь продуманной системы практических мероприятий. На это, впрочем, оппозиция никогда не была способна. Вместо этого были лишь попытки с очень ортодоксальным видом доказывать, что дважды два—пять, и с видом

необыкновенно смелых новаторов, раздвигающих и смещающих горизонты, доказывать, что дважды два—четыре. «Куда ты, удаль прежняя, девалась?!».

Оппозиционные выступления по экономическому вопросу успели уже за последние два года отлиться в некоторый, довольно прочный шаблон. Начинаются они обычно с ламентаций на тему об отсутствии или недостаточности плановости в нашем хозяйстве. Затем следуют разговоры о слишком медленном развертывании промышленности, о недостаточности ее финансирования, о мягкости налогового обложения, о потакании нэпману и кулаку. И, наконец, все это увенчивается весьма пахучей демагогией насчет заработной платы или безработицы. В общем и целом этой «стандартной» схемы старался держаться и т. Пятаков в своей речи на июльском пленуме. Мы ниже увидим в какой мере это ему удалось.

Тов. Пятаков начал с того, что как аргумент, опорочивающий хозяйственную работу партии, подчеркивал, что мы до сих пор еще не располагаем законченным пятилетним планом развертывания хозяйства, в рамках которого и с точки зрения которого возможно было бы расценивать контрольные цифры каждого данного года, в частности наступающего 1927—28 года. Рациональное зерно в этом утверждении, конечно, есть. Конечно, лучше было бы, если бы законченная пятилетка уже имелась налицо. Директива об ускорении ее разработки была дана еще февральским пленумом ЦК по докладу т. Куйбышева, и есть все основания думать, что она будет в основном готова к XV с'езду. Каким образом, однако, отсутствие пятилетки к моменту июльского пленума может служить аргументом против экономической линии партии—это остается тайной т. Пятакова. Партия, на которой лежит историческая ответственность за ход социалистического строительства, не может себе позволить роскоши так жонглировать цифрами, как это делал в своей речи тов. Пятаков. Существующие сейчас варианты пятилетки в высокой степени неудовлетворительны, их исправление требует времени и работы, которая не может быть закончена раньше, чем через полтора—два месяца. Но при чем тут принципы нашей экономической политики?

Тов. Пятаков попытался заодно, задним числом, реабилитировать проект пятилетнего плана развития промышленности, составленный под его руководством ОСВОК ВСНХ [1]). Выставив в виде заслона, всяческое признание ошибок и промахов этой пятилетки, т. Пятаков, однако, усиленно напирал на то, что она много «оптимистичнее» пятилетки комиссии Госплана. Это звучало, однако, в высокой степени несерьезно. Дело вовсе не в том, оптимистична или пессимистична освокская пятилетка. Дело в том, что она *неверна*, дает неправильную, извращенную перспективу. Ее выводы построены на совершенно нелепом предположении падающей, затухающей кривой капитальных затрат и на явном, бьющем в глаза, преуменьшении их эффективности. Основной порок «пятаковской» пятилетки не в том, что были сделаны грубейшие ошибки в конкретных расчетах. Для первого опыта это вполне понятно и простительно. Основной порок в том, что неправильна была самая *методология* составления пятилетки. В частности, совершенно недостаточно была разработана проблема *производительности труда и ее динамики*. Между тем производной от производительности труда является и норма внутрипромышленного накопления, служащего основным ресурсом для промышленного строительства. Неучет этого положения,—который был отнюдь не случайным, что мы еще покажем в другом месте,—и явился главной причиной неудачи освокского проекта.

[1]) Особое совещание по восстановлению основного капитала при ВСНХ.

Как бы там ни было, не рассуждениями о бывших и будущих пятилетках и о сроках появления последних можно доказать наличие или отсутствие планового начала в нашем хозяйстве. Для этого нужно тщательно проанализировать конкретную, живую материю хозяйственного строительства, рассмотреть обстановку, процесс и итоги истекающего хозяйственного года и на основании фактов решить, имеем ли мы вместе с ростом социалистического сектора народного хозяйства внедрение плановых начал, или, напротив, последние вытесняются стихийными влияниями, что сигнализировало бы рост и закрепление удельного веса буржуазного и мелкобуржуазного секторов.

В резолюции, предложенной т. Рыковым и принятой пленумом, говорится о бескризисности развития нашего хозяйства в течение последнего года. Именно эта бескризисность—лучший показатель укрепления плановых элементов в советской экономике. В этом смысле 1926—27 год действительно является переломным, выгодно отличаясь от предшествовавших. У нас у всех еще в памяти кризис сбыта 1923 года, у всех еще в памяти «осенние просчеты», заминки, срыв экспортно-импортных планов, угроза инфляции и рост дороговизны осени — зимы 1925—26 года. Несмотря на резкое ухудшение международной обстановки, которое, естественно, не могло не отразиться на рынке, подобного типа перебоев истекающий год не знал. А между тем масштабы нашего хозяйствования возросли, массы товарных ценностей, производимых, передвигаемых, покупаемых и продаваемых нами увеличились, отношения с мировым хозяйством усложнились, и, следовательно, об'ективная возможность промахов и ошибок была больше. Вопреки всем предсказаниям оппозиционных экономистов, мы в этом году сделали новый большой шаг в деле планового овладения нашим хозяйством.

Тов. Пятаков пытался оспаривать тезис о бескризисности развития в настоящем году. Однако, единственное членораздельное доказательство, приведенное им, заключалось в ссылке на возросшую безработицу. Тов. Пятаков утверждал, что нельзя говорить о бескризисном развитии там, где растет безработица, ибо «безработица есть показатель отсутствия равновесия во всем народном хозяйстве».

Верно ли это? Когда как. Безработица, несомненно, является показателем кризиса, если ее рост сопровождается *сокращением* числа занятых рабочих и сокращением производства. У нас, как известно, мы имеем обратный процесс. Верно, что количество безработных с первого полугодия 1925—26 года по первое полугодие 1926—27 года возросло с 988,8 тысяч человек до 1294,8 тысяч, т.-е. на 306,0 тысяч. Но за то же время общее число занятых рабочих и служащих возросло еще сильнее—на 777 тысяч человек [1]). Следовательно, мы имеем рост числа людей,

[1]) «Статистическое Обозрение» 1927 г., № 8, стр. 45.

работающих по найму в два с лишним раза более быстрый, чем рост безработных.

Само собой разумеется, что и при таком соотношении темпов роста числа работающих и безработных, безработица все равно остается одним из самых узких и больных мест в нашем народном хозяйстве. 1294,8 тысяч безработных в среднем за первое полугодие 1926—27 года—это такая цифра, над которой необходимо задуматься самым серьезным образом. Борьба с безработицей должна быть поставлена в порядок дня, как одна из самых ударных задач, имеющая, помимо всего прочего, и огромное политическое значение. Но при всем том для всякого непредубежденного человека совершенно очевидно, что обосновывать этой цифрой кризисность нашего развития в то время, когда число работающих растет в два раза быстрее, чем число безработных, ни в коем случае нельзя.

Как известно, основной кадр безработных поставляется деревней, которая ежегодно выбрасывает в город свыше полумиллиона человек. Наша безработица является продуктом не промышленного кризиса—как это пытался изобразить т. Пятаков,—но жестокого аграрного перенаселения, оставленного нам в наследие царизмом. «Безработица есть показатель отсутствия равновесия во всем народном хозяйстве». Но если из любого нарушения равновесия делать непосредственный вывод о наличии кризиса, то придется признать, что все семь лет нэпа мы живем в состоянии перманентного кризиса, потому что совершенно очевидно, что порождаемая аграрным перенаселением безработица выражает не что иное, как аграрный характер нашей страны, огромную техническую и экономическую отсталость нашего земледелия, общую диспропорцию между промышленностью и сельским хозяйством. Но *эту* диспропорцию, *это* «отсутствие равновесия» мы имели и пять лет назад еще в большей степени, чем сейчас, и пятнадцать лет назад не в меньшей степени, чем сейчас.

Если бы СССР не был аграрной страной, если бы не существовало диспропорции промышленности и сельского хозяйства, то бессмысленным был бы и самый лозунг индустриализации, бардом которого всегда выступает т. Пятаков. Думает ли т. Пятаков, что минувшие семь лет нэпа были годами непрекращающегося кризиса? Думает ли он, что аграрное перенаселение может быть ликвидировано одним махом, в два-три года? Думает ли он, что до тех пор, пока аграрное перенаселение не будет ликвидировано,—а это потребует *многих* лет,—прекратится приток избыточного деревенского населения, поставляющего основной кадр безработных? Думает ли он, что до тех пор, пока промышленность, транспорт, строительство не поглотят все избыточное население деревни, мы будем находиться в состоянии кризиса? Надо думать, что и т. Пятаков ответит на все эти вопросы отрицательно. Но тогда чем иным, кроме как фракционным выпадом, были его рассуждения о кризисности нашего развития в 1926—27 году?

Тов. Пятаков пытался доказывать, что безработица проистекает не только из аграрного перенаселения, что мы имеем «кризис городского хозяйства». Он ссылался при этом на быстрый рост числа безработных по индустриальной группе. Число последних по данным бирж труда с первого полугодия 1925—26 по первое полугодие 1926—27 года действительно возросло на 66,3

тысячи человек. Необходимо, правда, отметить, что в той самой статье «Статистического Обозрения», на которую ссылался т. Пятаков, прямо сказано, что «при многообразии факторов, определяющих об'ем биржевой регистрации, последняя не может в настоящее время служить сколько-нибудь удовлетворительным показателем динамики безработицы» [1]). Там сказано, что «моментом, обусловливающим усиление притока на биржу при одновременном усилении производства, является то обстоятельство, что увеличение количества рабочих связано с увеличением размеров оборота рабочей силы». И, наконец, дальше указывается, что «последним и, повидимому, наиболее повлиявшим на рост регистрации, фактором были усиление кампании за первоочередной прием на работу членов профсоюзов и введение обязательной регистрации на бирже безработных членов профсоюзов, вызвавшие усиленный приток этих последних на биржу». Цифры, которыми мы оперируем, таким образом, в качестве *динамических* показателей далеко не безупречны и страдают явным преувеличением *темпа* действительного процесса. Но так как других данных, кроме данных бирж труда, у нас нет, то мы будем все же пользоваться ими.

Мы сказали уже, что с первого полугодия 1925—26 года число безработных по индустриальной группе возросло на 66,3 тысяч человек. Однако, за тот же промежуток времени число занятых рабочих в фабрично-заводской промышленности увеличилось на 136,7 тысяч человек, т.-е. *в два с небольшим раза больше*, чем число безработных. Можно ли в таком случае говорить о кризисе городского хозяйства?

Нам могут возразить, что между обеими цифрами существует непримиримое противоречие, что какая-либо из них должна быть неверна. Либо растет безработица по индустриальной группе—и тогда не может быть роста числа занятых в промышленности рабочих. Либо растет число занятых в промышленности рабочих—и тогда не может быть роста безработицы в индустриальной группе. На деле, однако, противоречие здесь только мнимое. С одной стороны, пришлый из деревни элемент, попадая на фабрику, на завод, тем самым попадает в индустриальную группу. С другой стороны, рационализация, реконструкция, некоторое перемещение производственных центров,—это делает необходимым известное перераспределение рабочей силы. Создается избыток известных категорий рабочих в одних местах при нехватке их в других местах, избыток рабочих одних специальностей и одних квалификаций при недостатке их в других специальностях. На неизбежность этого перераспределения и на необходимость к нему готовиться указывал еще в своей речи на XXII Ленинградской губпартконференции тов. Бухарин. Совершенно очевидно, что тот слой рабочих, который попадает в это перераспределение большей частью проходит через стадию безработицы. Явление, несомненно, чрезвычайно болезненное, с которым необходимо всячески бороться, которое необходимо предупреждать, которому нельзя дать распространиться. Но как можно от него непосредственно умозаключать к «кризису городского хозяйства»?

[1]) «Статист. Обозрение» июнь 1927 г., ст. Поляка, стр 46.

Между тем именно так и поступает в своей речи на пленуме ЦК и ЦКК т. Пятаков. Раз число безработных индустриальной группы растет, *значит* налицо кризис городского хозяйства, *несмотря* на то, что еще быстрее растет число занятых в промышленности. Что сказал бы, однако, т. Пятаков об экономисте, который на основании того, что рынок отказывается принимать некоторые определенные сорта и качества товаров, от своеобразного кризиса *товарного ассортимента*—явление, которое мы неоднократно имели у нас в течение текущего года—непосредственно умозаключил бы к *общему кризису сбыта?* Предоставим т. Пятакову дать оценку такому «экономисту». Рабочая сила в нашей госпромышленности не есть товар. Но независимо от этого, т. Пятаков сам делает ошибку, совершенно аналогичную. На основании действительно имеющегося своеобразного *кризиса ассортимента* рабочей силы Пятаков закрыв глаза на рост производства, на рост зарплаты, на рост общего числа рабочих, на снижение цен, на упорядочение рынка, утверждает наличие общего кризиса городского хозяйства! *Так* аргументировать могут только люди, у которых ничего за душой не осталось.

Насколько обосновано выведение «кризиса городского хозяйства» из безработицы—об этом свидетельствует между прочим и самый состав последней. Из 1294,8 тысяч безработных (средняя за 1 полугодие тек. года) 675,2 приходится на долю неквалифицированного труда и лиц без профессии и квалификации, 253,8 тысяч на долю работников умственного труда, 145 тысяч на долю лиц, пришедших из деревни. Индустриальная же группа составляет, примерно, одну шестую всего числа безработных.

Когда т. Пятаков отождествляет с кризисом существующую у нас диспропорцию промышленности и сельского хозяйства, об'являет кризисом факты, непосредственно вытекающие из наличия у нас аграрного перенаселения, то он этим напускает туман, в котором все кошки становятся серыми, в котором совершенно стирается различие между действительным кризисом и периодами нормального, бесперебойного роста. При оценке итогов хозяйственного года вопрос надо ставить не таким образом, существует или нет аграрное перенаселение и его последствия. Вопрос заключается в том, каковы достижения в деле индустриализации, в преодолении аграрного характера страны. И если эти достижения есть—то удалось ли их получить без кризисных нарушений равновесия во всем народном хозяйстве, без инфляции, без кризиса сбыта, без роста дороговизны, без снижения реальной зарплаты, без ударов по смычке рабочего класса и крестьянства.

Партия имеет полное право дать утвердительный ответ на оба вопроса. Промышленная продукция возросла более, чем на 20% сравнительно с прошлым годом. В основной капитал промышленности и в электрификацию мы вкладываем в этом году свыше миллиарда рублей. Капитальное строительство такого масштаба есть чрезвычайно сложный и ответственный процесс. Оно связано с извлечением из оборота огромных средств, с их иммобилизацией на более или менее продолжительный срок. В самом деле, ясно, что если вы строите новый завод стоимостью, скажем, в 40 миллионов рублей, при чем постройка этого завода будет закончена только через четыре года, то это значит, что вы снимаете с рынка на 40 миллионов рублей разного рода товаров, строительных материалов, средств потребления для рабочих, между тем как встречную ценностную волну, товары в обмен на из'ятые из оборота новый завод начнет поставлять лишь—когда он будет достроен, т.-е. через четыре года. Капитальное строительство поэтому возможно только в меру реального накопления, т. к. иммобилизовать средства можно лишь в меру реального накопления. Эта мера не была соблюдена в первом квартале 1925—26 года, и это послужило одной из причин тогдашних хозяйственных заминок. В настоящем году капитальные затраты более чем на 25% превышают прошлогодние. И тем не менее прошлогодних перебоев нам удалось избежать.

В прошлом году мы стояли на пороге инфляции. В этом году мы, напротив, имели не только перелом прошлогодней тенденции, но и серьезное повышение покупательной способности червонца. В прошлом году мы имели в весенние и летние месяцы падение реальной зарплаты. В настоящем году мы добились ровного, бесперебойного роста заработной платы. Это обстоятельство совершенно лишило почвы еще совсем недавно очень модную в оппозиционных кругах демагогию вокруг вопросов оплаты труда. В первом полугодии 1926/27 года средняя зарплата по промышленности была на 12,6% выше, чем в первом полугодии 1925/26 года. Это в номинале, т.-е. в червонных рублях. Если учесть произведенное за это время снижение цен, то повышение окажется еще больше. Недаром ни т. Пятаков, ни т. Смилга, ни единым словом не заикнулись о нашей политике зарплаты. А сколько страшных термидорианских слов, сколько клеветы и демагогии извергала оппозиция по этому поводу на предыдущих пленумах и конференциях!

Мы добились крупных успехов не только в сфере производства, но и в сфере обращения. Всем нам памятно, как оппозиция устами тт. Троцкого и Пятакова предрекала дальнейшее обострение товарного голода. Это ее пророчество оправдалось в такой же совершенно степени, как и все остальные. Развертыванием промышленного производства, с одной стороны, правильной кредитной и эмиссионной политикой, правильной установкой в вопросах строительства, правильной политикой заготовительных цен, с другой стороны, мы добились такого соответствия и таких пропорций в росте товарного предложения и платежеспособного спроса, который обеспечил если не полное изжитие (что, разумеется, в такой короткий срок невозможно) то, во всяком случае, очень сильное смягчение товарного голода. По предварительным подсчетам Госплана в этом году рост продукции предметов широкого потребления составил 17%, а рост спроса—16%. Мы имеем, т. о., постепенное смыкание раствора тех ножниц предложения и спроса, которые в прошлом году грозили поколебать и подорвать нашу валюту.

Тов. Пятаков, разумеется, и здесь «не согласен». Он пытался оспорить факт смягчения товарного голода, для чего сослался во-первых, на очереди у магазинов и нехватку таких товаров, как соль, и во-вторых, на уровень цен. Что касается первого «аргумента», то на нем вообще не к чему останавливаться. Только наша оппозиция может изо всех сил размахивать руками по поводу близости и неотвратимости войны, и в то же время разводить руками по поводу временной нехватки и временных

перебоев в снабжении такими, вообще говоря, отнюдь не недостаточными товарами, как соль, спрос на которые сделал огромный прыжок вверх в связи со слухами о войне. При чем дело вовсе не меняется от того, что для «размахивания» пускаются в ход руки тт. Троцкого и Зиновьева, а для «разведения» руки т. Пятакова.

Любопытнее второй «аргумент». Нельзя, изволите ли видеть, говорить о смягчении товарного голода при неснижающихся ценах на промтовары. Нельзя, конечно, нельзя! Но неужели т. Пятаков так ничего и не слыхал о том, что цены на промтовары у нас *снижены?* По индексу ЦСУ это снижение составило 9,5 процентов, по индексу Кон'юнктурного института—7%. Пытался ли т. Пятаков оспорить эти достаточно общеизвестные цифры? Нет, не пытался. Но в таком случае что может означать ссылка на неснижающиеся цены? Сознательное передергивание? Полную неосведомленность в том, что делается? Или «добросовестную» путаницу?

И еще одно замечание в этой же связи. Тов. Пятаков в конце своей речи провозгласил, как одну из основ нашей политики, «неуклонное снижение себестоимости, отпускных и розничных цен». Лучше поздно, чем никогда! Хорошо, конечно, что оппозиция сдала в одном из основных вопросов, имеющих решающее значение для определения нашего экономического курса. Менее хорошо, однако, то, что провозглашая это «неуклонное снижение», т. Пятаков позабыл хотя бы единым словом обмолвиться насчет того, что он и его единомышленники не всегда стояли на этой позиции, что установка на снижающиеся цены была принята в борьбе с оппозицией, что вплоть до последнего пленума она яростно защищала совершенно противоположную точку зрения.

Мужеством открыто признавать свои ошибки наша оппозиция не обладает.

* * *

Погарцовав вокруг вопросов планирования и бескризисности развития, т. Пятаков перешел к более общему вопросу: относительно общей недостаточности темпа нашего развития. Самая тема не нова. Но какая разница между тем, как ставит этот вопрос оппозиция теперь, и тем, как она пыталась его ставить раньше!

Было время, когда оппозиция пыталась доказывать гибельность взятого нами темпа индустриализации с точки зрения смычки с крестьянством (апрельский пленум ЦК 1926 г.) и на этом была решительно бита. Было время, когда оппозиция пыталась ставить этот же вопрос с точки зрения «контроля» нас мировым хозяйством (июльский пленум 1926 года, XV партконференция). И на этом тоже была решительно бита. Старые постановки для оппозиции стали невозможны. Тов. Пятаков не решился поэтому их повторить. Он сделал поэтому ударение на другом: душевом потреблении промтоваров.

Каковы наши перспективы в этом направлении? Пятилетка комиссии Госплана, относительно которой т. Пятаков сам же говорил, что она чрезвычайно пессимистична, дает следующие цифры [1]):

[1]) Материалы комиссии по пятилетнему плану Госплана СССР, стр. 143, и стр. 72 приложения.

Душевое потребление в 1930/31 году.

	В %% к довоен.:		В %% к довоен.
Камен. уголь и антрацит	149	Хлоп.-бум. ткань	98,5
Чугун	127	Бумага	82,6
Сахар	115	Мыло	107
Соль	122	Водка	72
Стекло	111	Папиросы	106
Керосин	146	Галоши	127
Спички	103,1		

По большинству промтоваров мы имеем, таким образом, значительное повышение душевого потребления. Исключение составляют хлоп.-бум. ткани, бумага и водка. Конечно, нормы нашего потребления и в 1930 году будут в огромной мере отставать от норм западно-европейского, и в особенности американского, потребления. Но можно ли их вообще сопоставлять так безоговорочно, как это делал в своей речи т. Пятаков?

Тов. Пятаков говорил о потреблении промтоваров в среднем на душу у нас и на Западе. Но ведь эта статистическая средняя в классовом обществе является фикцией, лишенной всякого экономического содержания. Над такими фикциями очень зло издевался еще Маркс в своей «Нищете философии», потому что данные о том, сколько потребляется «в среднем» в той или другой стране еще ничего совершенно не говорят о том, сколько потребляет рабочий, крестьянин, и сколько потребляет помещик и капиталист. Для того, чтобы найти правильную меру наших успехов ни в коем случае нельзя ограничиться голым сопоставлением «средней нормы» потребления промтоваров в 1913 году, сейчас и в 1930 году, потому что «средняя норма» абсолютно ничего не говорит о том, сколько потребляли рабочий и крестьянин до войны и сколько они потребляют сейчас.

Тов. Пятаков ссылается на «вторую» пятилетку, разработанную в аппарате ВСНХ (которая, кстати сказать, нигде не опубликована, никем не утверждена, не рассматривалась еще даже президиумом ВСНХ), согласно данным которой душевое потребление по 19 промтоварам у нас в 1926/27 году составляет 78% довоенного. Значит ли это, что душевое потребление рабочего, крестьянина, тоже составляет 78% довоенного (если принять, что эта цифра вообще верна)? Тов. Пятаков пытается смазать этот вопрос ссылкой на то, что «если мы выделим потребление нэпмана, потребление кулака, потребление служащего, то, конечно, душевое потребление рабочего класса и бедноты будет еще ниже».

Речь, однако, идет ведь не об абсолютных величинах, а о процентах к довоенному уровню. Сейчас этот процент, по данным, приведенным Пятаковым, составляет 78. Но произошли ли какие-нибудь изменения в распределении общей суммы между основными классами страны? Вот вопрос, который обходить ни в коем случае нельзя, если желаешь оставаться марксистом. В 1913 году доходы лиц, живущих наемным трудом, составляли 22% всей суммы доходов населения России, в 1926—27 году—29,8% [1]). Меняет этот *классовый сдвиг* что-либо или не меняет? Позволяет он ограничиваться анализом одних только «средних

[1]) Контрольные цифры Госплана на 1926/27 год. Стр. 214.

норм»? Неужели оппозиция уже успела так основательно забыть *азы* марксизма?

Реальная заработная плата у нас в настоящее время уже достигла довоенного уровня и кое-где его перешагнула. Между тем средний уровень потребления на душу у нас довоенного уровня еще не достиг. С точки зрения т. Пятакова здесь неразрешимое противоречие, между тем как на деле здесь никакого противоречия нет, а есть классовая политика пролетарского государства в деле распределения национального дохода.

Повторяем: мы вовсе не закрываем глаза на нашу крайнюю отсталость, на то, что наш уровень потребления все еще много ниже, чем в Европе, и в особенности в Америке. Вряд ли т. Пятаков сомневается в том, что если бы возможно было двинуть дело индустриализации в два, в десять, в сто раз более быстрым темпом, никто бы от этого не отказался. Весь вопрос в том, *как* это сделать.

Мы не будем сейчас возвращаться к разбору старых оппозиционных рецептов ускорения темпа индустриализации. «Иных уж нет, а те далече». Кто станет теперь всерьез защищать «основной закон первоначального социалистического накопления» т. Преображенского? Кто будет теперь подобно т. Троцкому противопоставлять «ситцевую» и «машинную» смычку? А повышение цен? Сей принцип открыто предан не кем иным, как т. Пятаковым, и не далее как на июльском пленуме ЦК и ЦКК.

Мы можем поэтому в данной связи ограничиться лишь тем, что сказал в своей речи сам т. Пятаков. Что же предложил т. Пятаков партии для того, чтобы форсировать индустриализацию, ликвидировать аграрное перенаселение, нагнать и обогнать Европу и Америку? *Усилить налоговое обложение нэпмана и кулака.*

Положение, в которое попал т. Пятаков, очень комично. Наговорить с три короба о нашей отсталости, бедности, об азиатском темпе нашего развития—и все это только для того, чтобы предложить усилить обложение нэпмана и кулака! Оставим, однако, в стороне, эту вообще свойственную всем оппозиционным выступлением диспропорцию «прицела» и действительной силы. Мы ставим другой вопрос: как обосновывал т. Пятаков возможность усиления налогового обложения нэпмана и кулака?

В речи т. Пятакова фигурировал только один единственный аргумент: статья И. Мандовича в № 6 «Статистического Обозрения» за 1927 г. о «тяжести налогового обложения населения СССР в *1924/25 году*». Чувствуете, читатель? Идет пленум ЦК и ЦКК. Обсуждаются контрольные цифры на 1927/28 год. Приходит т. Пятаков и поучает пленум: необходимо в 1927/28 году резко повысить обложение нэпмана и кулака, потому что... оно было недостаточно в *1924/25 году!?...* Всерьез отнестись к такому трюку можно только при помощи эйнштейновой теории относительности; да и то разбив ее изрядной дозой солипсизма.

Да, в 1924/25 году обложение нэпмана и кулака, быть может, и было недостаточным. Но ведь уже в 1925/26 году кулак платил в виде налога до 25% всего своего валового дохода. Но ведь обложение нэпмана с тех пор было повышено на 40%. В то время как доля госпредприятий с 1923/24 по 1925/26 год увеличилась на 128%, кооперации на 145%, доля частного оборота за эти три года возросла только на 2 процента. Мы не имеем еще суммарных данных за 1926/27 год, но и те отдельные сообщения, которыми мы сейчас располагаем, все же достаточно в этом смысле показательны: в Москве за истекшие восемь месяцев текущего года закрылось до 18% частных торговых предприятий и до 9% промышленных предприятий; на Украине в разных районах от 12% до 24%, в Самаре 19%, в Саратове 34%, и т. д. и т. п. Думает ли т. Пятаков, что это свидетельствует о чрезмерной мягкости нашей налоговой политики? И можно ли так бухать в колокола, не справившись в святцах, даже такому звонарю, как т. Пятаков?

Художества т. Пятакова на этом не кончились. Помимо недостаточного обложения нэпмана и кулака, он нашел еще и другую причину медленности темпа индустриализации. Она заключается в том, что «плановая установка на замкнутый, самодовлеющий социализм в одной стране, обязывающая в короткий срок производить все самим, снижает эффективность капитальных затрат, ослабляет темп и бьет по смычке». Или, иными словами, наш сверхиндустриалист видит причину медленности индустриализации в том, что мы держим курс... на индустриализацию. В самом деле, станет ли т. Пятаков оспаривать ту, ставшую уже ходовой истину, что индустриализация означает в первую очередь усиленное развертывание собственного производства средств производства? Но ведь именно это на его языке и называется «установкой на то... чтобы делать все самим». Эта установка, по мнению т. Пятакова, «ослабляет темп». Темп чего? Индустриализации? Но без этой установки нет индустриализации. Тов. Пятаков безнадежно запутался в трех соснах.

Этот вопрос имеет еще и другую сторону. Открывать сейчас, летом 1927 года огонь по «плановой установке на то, чтобы все производить самим», это значит разоблачить перед всей партией либо полную несерьезность своих предложений, либо полную несерьезность своих разговоров о необходимости готовиться к войне. Что лучше—пусть решает т. Пятаков.

Мы можем теперь подвести итог. От старых широковещательных выступлений оппозиции на тему о плановости и хвостизме остались ламентации о запаздывании пятилетки.

От былых пророчеств насчет того, что «страна идет к гибели», осталось отождествление аграрного перенаселения и безработицы с кризисом, концепция, согласно которой мы уже семь лет находимся в состоянии перманентного кризиса и неизвестно когда из него вылезем.

На былую демагогию по вопросам зарплаты оппозиция на июльском пленуме вообще не решилась. В политике цен—полная капитуляция.

От былых рассуждений о темпе индустриализации—предложение повысить в 1927/28 году налоговое обложение нэпмана и кулака, обосновываемое при помощи данных за 1924/25 год.

И, наконец, от былой общей установки в вопросах экономического курса—предложение, во имя достижения сверхиндустриалистского темпа, ликвидировать самую индустриализацию.

Таков бесславный конец четырехгодовой борьбы оппозиции с экономической политикой партии.

А. Слепков.

Оппозиция и вопросы международной политики на об'единенном пленуме.

Выступления лидеров оппозиционного блока, резко «критикующих» линию партии как в области внутренней, так и международной политики, отличаются прежде всего той особенностью, что они не заключают никакой сколько-нибудь *определенной* точки зрения на современные международные отношения и на перспективы развития этих отношений в ближайшем будущем.

В данной статье мы коротко остановимся на тех «оценках» *международного* положения, которые были даны представителями оппозиционного блока на последнем об'единенном пленуме ЦК и ЦКК. Освещение этой стороны дела тем более необходимо, что оппозиция в последней стадии своей борьбы против партии перенесла центр тяжести своей критики именно на политику партии в области *международных* отношений, в области *международного* рабочего движения.

Наша партия привыкла к тому, чтобы политика Коммунистического Интернационала в *данную* полосу обосновывалась определенной *оценкой* состояния и тенденций развития мирового капитализма и соотношения классовых сил в мировом масштабе.

При этом *общая* оценка «империализма, как новейшего этапа капитализма», является заранее данною. Положения, которые по этому вопросу выдвинуты т. Лениным, являются ныне программными положениями Коминтерна; борьба последнего за диктатуру пролетариата в мировом масштабе имеет своей теоретической предпосылкой положение об об'ективной зрелости современного капиталистического общества для социализма, о «загнивании», «умирании» капитализма, о том, что империализм, взрываемый внутренними противоречиями, доживает последние исторические дни.

Но эта посылка, которая обеспечивает правильную *стратегическую* установку Коминтерна, еще недостаточна для обоснования правильного *тактического* курса, правильной линии на *данном* отрезке времени, на *данном* отрезке пути международной социалистической революции.

Для тактики Коминтерна, напр., совсем не безразлично, катится ли в *данный год* капитализм безудержно под откос, переживает ли он полосу развертывания острейшего кризиса, или он—в рамках эпохи «загнивания», в рамках исторического кризиса капитализма, в «эпоху войн и революций»—временно укрепляется, продвигается вперед, выкарабкивается, частично и относительно стабилизируется.

Различные оценки состояния и ближайших перспектив мирового капитализма предполагают различные тактические установки Коминтерна, различные *лозунги дня*, конечно, подчиненные лозунгу борьбы за диктатуру пролетариата.

И партия и Коминтерн отмечали в течение последних двух лет, что мировой капитализм вступил в полосу относительной, частичной стабилизации.

Развитие мирового капитализма за последние два года доказало правильность этого прогноза. Последний об'единенный пленум ЦК и ЦКК—в своей резолюции по докладу тов. Бухарина—заявляет, что мировой капитализм переживает «в рамках послевоенной дезорганизации мирового капитализма» процесс стабилизации, при чем подчеркивает, что основой этого процесса является *экономическое* укрепление капитализма.

Стабилизация капитализма прежде всего *экономическое* понятие, *экономическая* характеристика положения современного мирового капитализма.

Наша партия воспитывалась на марксистском анализе общественных отношений, а марксистский анализ обязывает дать верную, серьезную, детальную оценку экономических отношений, которые определяют отношения классовые и без правильного понимания которых немыслим анализ политической борьбы.

Именно поэтому тов. Бухарин анализировал, прежде всего, *экономику* современного капитализма, его *экономические* тенденции, аргументировал цифрами и статистическими таблицами.

Что противопоставили этому анализу лидеры оппозиции—тт. Зиновьев и Троцкий? Они, прежде всего, сошли с почвы марксистского анализа состояния и перспектив мирового капитализма; они повторили свою прежнюю ошибку, вкладывая в понятие «стабилизация» только *политическое* содержание; они сочли возможным при анализе мирового капитализма перепрыгнуть через экономический анализ, отбросив экономическую характеристику современного капитализма. Эта *методологическая* ошибка обща и для т. Зиновьева и для т. Троцкого, хотя они, делая одну и ту же методологическую ошибку, и приходят к различным оценкам положения.

Тов. Зиновьев иронизировал насчет статистических аргументов, приводившихся в докладе тов. Бухарина; для него статистические данные о мировом производстве стали, чугуна и пр.—ничего не значат; он заявил, что английская стачка и венские события «ставят над стабилизацией большой вопросительный знак»; что эти политические события «перевешивают» всякий «чугун» и пр. Он выступил с утверждением, что констатировать стабилизацию «это значит уйти от оценки нашей эпохи, как эпохи мировой революции».

Тов. Зиновьев «смело» заключил, что «бездна премудрости» относительно стабилизации почерпнута у идеологов II Интернационала—Гильфердинга и др.

Абсурдность этой псевдо-аргументации т. Зиновьева очевидна.

Резолюция по докладу тов. Бухарина «О международном положении», в полном соответствии с тем, что говорил в своем докладе т. Бухарин, гласит:

«Этот процесс укрепления капитализма развивается в *рамках общей послевоенной дезорганизации мирового хозяйства*, *вызы-*

вает все новые и новые более острые противоречия внутри капиталистической системы и вместе с тем крайне повышает империалистические тенденции»; в другом месте резолюции говорится про экономическую стабилизацию, как про стабилизацию, «*развертывающую* свои глубокие внутренние противоречия и *обостряющую* классовую борьбу»; наконец, *относительность* стабилизации подчеркивается и следующим тезисом: «Если в общем и целом европейский капитализм (в первую очередь французский и германский) быстро подымает свои производительные силы, то империализм английский, несмотря на отчаянные стабилизационные попытки внутри страны, переживает *хроническую депрессию*».

Кто же может поверить т. Зиновьеву, что т. Бухарин и пленум стоят на точке зрения «стабилизации без всяких ограничений»? Разве не ясно, что здесь речь идет об относительной и частичной стабилизации? Зачем т. Зиновьеву понадобилось прикрашивать Гильфердинга? Партия помнит, что тов. Зиновьев года два назад, Зиновьев, еще чувствовавший ответственность за то, что он говорит, сам выдвигал тезис о частичной, относительной *стабилизации* капитализма, когда капитализм еще не шагнул столь далеко вперед, как теперь.

Если тов. Зиновьев считает, что подобная оценка имеет социал-демократические корни, то почему он не «покаялся», не сказал, что он был не прав, что его попутали социал-демократы и что-де только теперь он избавился от социал-демократического влияния.

Суть дела заключается в том, что тов. Зиновьев так же легко бросается «чугуном», как он бросался «миллиардами», суть дела в том, что тов. Зиновьев не хочет подойти к вопросу серьезно, что его «концепция» страдает тем органическим пороком, что она лишена экономического обоснования. Само собою разумеется, что экономическим анализом ограничиться нельзя, но без *него* невозможно дать правильную оценку международных отношений; и как раз этот-то экономический анализ и отсутствует у т. Зиновьева. Мало этого, этот органический порок своего «анализа» т. Зиновьев хочет выдать за ленинизм.

Тов. Троцкий, исходящий *так же*, как и т. Зиновьев, из голополитического понимания стабилизации и точно *так же* игнорирующий факты экономического развития, дает тем не менее оценку, диаметрально-противоположную той, которая дана т. Зиновьевым.

Характеризуя политические настроения международного пролетариата, тов. Троцкий говорит о «временном перевесе правого крыла за счет левого» и о том, что это относится и к «большинству партий Запада».

> «Роль рабочей аристократии, рабочей бюрократии, мелкобуржуазных попутчиков,—заключает т. Троцкий,—в такие периоды особенно велика и особенно реакционна; стоящая у власти ВКП не составляет исключения из этого международного процесса».

У тов. Зиновьева все «горит», у тов. Троцкого — налицо «перевес правого крыла за счет левого»; у тов. Зиновьева—налицо чуть ли не непосредственно революционная ситуация; у тов. же Троцкого—растущее влияние оппортунизма в рабочем движении.

Таким образом, представители оппозиционного блока выступили на об'единенном пленуме с диаметрально-противоположными оценками состояния мирового капитализма и соотношения классовых сил в мировом масштабе.

Определенной, ясной позиции Центрального Комитета они противопоставили противоречивые, лишенные экономического—и всякого другого—обоснования «оценки».

А, между тем, от диагноза мировой капиталистической системы и вытекающих из него заключений зависит очень многое, в частности зависит то или иное решение вопроса *о корнях опасности военного нападения империализма на СССР*.

Дело в том, что именно стабилизация капитализма обостряет агрессивность империалистов, ибо укрепление капитализма ставит острее вопрос о рынках сбыта, сырья и сферах приложения капитала, о колониях и СССР, как возможной—с точки зрения империализма,—колонии.

С другой стороны, рост СССР, сопровождающийся ростом его влияния на эксплоатируемые *колониальные* народы, означает для империализма расшатывание устоев последнего, обострение его затруднений в колониальной «периферии».

Именно поэтому империалистическое нападение на СССР становится не только неизбежным в историческом смысле, но и *весьма вероятным в ближайшие годы в данной* исторической обстановке.

Поскольку оппозиция не понимает этих корней военной опасности, постольку она не в состоянии дать верную оценку и характера и размеров этой опасности, постольку, несмотря на расточаемые ею фразы о военной опасности, она по сути дела не чувствует реального веса опасности, угрожающей в наши дни СССР. Нет никакого сомнения в том, что оппозиционная постановка вопроса о защите СССР, которая была охарактеризована на пленуме как «условно-оборонческая» постановка вопроса,—имеет своей предпосылкой именно это непонимание сегодняшнего дня международного капитализма.

Антипартийность оппозиционного отношения к делу обороны СССР находит особенно яркое выражение в том, что тт. Троцкий и Зиновьев в случае войны и во время войны «обещают» партии усиление своей дезорганизаторской деятельности, своей борьбы против партии.

Характеризуя курс партийного руководства, как «центристский», тов. Троцкий заявлял на пленуме:

> «В мирное время такой курс может просуществовать довольно долгое время; но в условиях войны и революции центризм должен дать резкий крен или вправо или влево, он расчленяется на правое и левое крылья, которые растут за счет центра. Этот процесс уже наблюдается сейчас, он неизбежно будет ускоряться, а война придаст ему лихорадочно-усиленный характер. Сталинский центр будет неизбежно таять. *В этих условиях войны оппозиция будет нужнее, чем когда бы то ни было*, чтобы помочь партии».

Эта «помощь» оппозиции во время войны расшифровывается т. Троцким следующим образом: «Ни один оппозиционер не откажется от своего права и долга перед войной или во время

войны бороться за исправление партийного курса, ибо в этом *важнейшее* условие победы».

Тов. Троцкому нет дела до того, что теперешний курс партийного руководства одобряется всей партией в целом, что борьба против этого курса означает борьбу против *курса партии*.

Бороться против курса нашей партии по тов. Троцкому означает обеспечивать «важнейшее условие победы».

Это «своеобразное» понимание укрепления обороноспособности нашей страны еще более красочно и выразительно представлено тезисом о Клемансо, заключенным в письме т. Троцкого тов. Орджоникидзе от 11 июля с. г.

«Что такое пораженчество? Политика, направленная на то, чтобы содействовать поражению «своего государства, находящегося в руках враждебного класса. Всякое другое понимание и толкование пораженчества будет фальсификацией. Так, например, если кто скажет, что политическая линия невежественных и бессовестных шпаргальщиков должна быть выметена, как мусор, именно в интересах победы рабочего государства, то он от этого никак еще не становится «пораженцем». Наоборот, в данных конкретных условиях он-то и является подлинным выразителем революционного оборончества: идейный мусор победы не дает.

Примеры, и весьма поучительные, можно было бы найти в истории других классов. Приведем только один. Французская буржуазия в начале империалистской войны имела во главе своей правительство «без руля и без ветрил». Группа Клемансо находилась к этому правительству в оппозиции.

Несмотря на войну и военную цензуру, несмотря даже на то, что немцы стояли в 80 километрах от Парижа (Клемансо говорил: «именно поэтому»), он вел бешеную борьбу против мелкобуржуазной дряблости и нерешительности—за империалистскую свирепость и беспощадность. Клемансо не изменял своему классу, буржуазии, наоборот, он служил ей вернее, тверже, решительнее, умнее, чем Вивиани, Пенлеве и компания. Дальнейший ход событий доказал это. Группа Клемансо пришла к власти и более последовательной, более разбойничьей империалистской политикой обеспечила французской буржуазии победу. Были ли такие французские газетчики, которые называли группу Клемансо пораженцами? Наверно были: глупцы и клеветники тащатся в обозе всех классов. Но они не всегда имеют возможность играть одинаково значительную роль».

Итак, тов. Троцкий желает уподобиться Клемансо. Он обещает во время войны «сковырнуть» теперешнее партийное руководство, которое якобы благодаря своей неправильной линии не в состоянии обеспечить победы. Он, Троцкий, с его «линией», ставши у руля партии и государства, «исправит» этот курс и «обеспечит» победу.

Когда «клемансистская» установка была охарактеризована на пленуме как повстанческая, тов. Троцкий «раз'яснил» (*так* «раз'ясняют» теперь «клемансистский» тезис оппозиционеры и на ячейковых собраниях), что Клемансо не производил переворота военным путем, он-де пришел к власти *мирным* путем.

Но тов. Троцкому хорошо известно, что *парламентский* путь Клемансо к власти был путем борьбы различных политических партий, хотя и имеющих общую задачу борьбы с пролетарской революцией. Не говорит ли этим тов. Троцкий, что он желает превращения нашей партии в парламент и легализации системы двух партий?

Но где у тов. Троцкого гарантии, что система двух партий в условиях диктатуры пролетариата исключит гражданскую войну?

Тысячу раз прав был тов. Сокольников, который, возражая тт. Троцкому и Зиновьеву, критикуя «клемансистский» тезис, указал на следующее обстоятельство. Когда Клемансо боролся за власть против другой группы французской буржуазии, то в 80 километрах от Парижа стояла армия немецкого *империализма*. Но разве Клемансо стал бы свергать—хотя бы и парламентским путем—Вивиани и Пенлеве, если бы в 80 километрах от Парижа стояла Красная армия германской советской республики?

Разве может безусловный оборонец в СССР совершать переворот против партии перед лицом классового врага, находящегося, скажем, в 80 километрах от Москвы?

Конечно, все эти разговоры о «клемансистском» перевороте не могут запугать партию. Оппозиция смешна в этих своих претензиях. Она слаба идейно-политически и организационно. Кучка оппозиционеров встретила бы в этом случае железный отпор со стороны партии, со стороны пролетариата, со стороны широких масс трудящихся.

Но здесь важно отметить то направление, в котором начинает работать оппозиционная мысль. Само собою разумеется, что Троцкий стремится к смене партийного руководства с тем, чтобы вести другую политическую линию.

Однако, всей партии ясно, что «линия» троцкизма есть антиленинская и потому антиреволюционная «линия», что «сдвижок», о котором мечтает «в образах» тов. Троцкий, мог бы быть только «сдвижком» в сторону от ленинизма, т.-е. «сдвижком» в сторону от пролетарской линии.

Поэтому пленум был прав, когда он указывал, что подобные установки оппозиции выражают давление на нее *третьей силы*, давление мелкой буржуазии и буржуазии. Политическая гнилость оппозиционной постановки вопроса об «обороне» СССР, позиция «условного оборончества» являются *небывалым* в партии отходом от принципов коммунизма, принципов, которыми определяется политика нашей партии и Коминтерна.

Военная опасность есть конкретная, реальная опасность; подготовка военного нападения империалистов на СССР—в ходу, она налицо. Поэтому сплочение рядов партии, сплочение рядов Коминтерна (а не дезорганизация этих рядов) является настоятельным требованием дня. Нельзя победить в войне без единого, сплоченного, монолитного коммунистического авангарда; нельзя победить при системе двух партий, нельзя победить в условиях, когда партия из организма, сплоченного единой мыслью и единым действием, превращается в конгломерат различных политических течений, борющихся за власть.

Но для победы мало сплоченности в рядах самой партии; необходимо отвоевание на сторону коммунизма перед войной и во время войны широких рабочих масс всего мира. С этой точки

зрения тактика *единого фронта*, имеющая целью освободить рабочие массы от влияния оппортунистических вождей, приобретает в наши дни первостепенное значение.

Оппозиция разделяет тактику единого фронта вообще, в се, так сказать, абстрактной форме. Но она доказала своей политикой в отношении англо-русского комитета, что конкретной тактики единого фронта она вести не умеет, что *по сути дела* она отвергает эту тактику.

Все фразерство оппозиции о «соглашательстве» с Перселями (что они—Персели—реформистские политики, этого никто не отрицает) не может скрыть того факта, что оппозиция не понимает смысла и об'ективной роли маневра с англо-русским комитетом.

Разве ВЦСПС, непрерывно критикующий английскую делегацию в АРК, разоблачающий ее по мере развития событий перед массами английского пролетариата, выиграл бы что-нибудь, разве дело коммунизма выиграло бы что-нибудь, если бы мы с самого начала разорвали англо-русский комитет? Этим маневром мы только завоевываем массы на нашу сторону, а не отталкиваем их, а не отдаем их в безраздельное идейно-монопольное распоряжение оппортунистов.

В этом конкретном политическом споре, нашедшем отголоски и на последнем пленуме, оппозиция показала, что она не понимает конкретных форм единого фронта, не умеет эту тактику единого фронта вести. Тем самым она дезорганизует работу партии и Коминтерна по мобилизации международного пролетариата под лозунгами защиты СССР от империализма.

«Линия» оппозиции в *китайском* вопросе получила на об'единенном пленуме свое логическое и политическое завершение.

Тов. Зиновьев прямо сказал, что *в такой революции, как китайская революция, ленинцы не могут допускать блоков с национальной буржуазией*, что тактика большевиков в Китае должна быть такой же, какой была тактика российских большевиков в революции 1905—07 гг.

Тов. Зиновьев, правда, «обнаружил» два отличия революции 1905—07 гг. от китайской революции, которые должны определить и различия в тактике большевизма в той и другой революции.

Во-первых, «в таких странах, как Китай, революция должна пройти ближе к типу советской революции, ибо это дело происходит в эпоху мировой революции»; во-вторых, «под'ем крестьянского движения будет больше, чем у нас в 1905 г.».

Но чрезвычайно характерно, что говоря об «отличиях», тов. Зиновьев *исключает то решающее отличие, на которое указывал тов. Ленин* в речи на II конгрессе Коминтерна, обосновывающей тезисы по национально-колониальному вопросу.

Ленин сказал в этой речи:

> «Что является самой важной, основной идеей наших тезисов?
>
> *Различие между угнетенными и угнетающими народами. Мы подчеркиваем это различие в противоположность II Интернационалу* и буржуазной демократии; для пролетариата и Коммунистического Интернационала особенно важно в эпоху империализма констатировать конкретные экономические факты и при решении всех колониальных и национальных **вопросов исходить не из абстрактного положения, а из явлений конкретной действительности».**

Исходя из этого своеобразия национально-колониальной революции, как революции в *угнетенной* стране, Ленин прямо указывал на возможность и необходимость блоков, даже союзов с национально-революционной буржуазией.

> «Коммунистический Интернационал должен вступать во *временные соглашения, даже в союзы, с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с нею, а безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме*».

Тов. Зиновьев утверждал в своей речи, что Ленин разумеет здесь под буржуазной демократией крестьянство.

Но посмотрите, что Ленин говорит об условиях этого блока с «буржуазной демократией».

Он заявляет в своей речи:

> «...Мы, как коммунисты, лишь в тех случаях должны и будем поддерживать *буржуазные* освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны, когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплуатируемых. Если же нет налицо и этих условий, то коммунисты должны в этих странах бороться против *реформистской буржуазии*, к которой принадлежат и герои II Интернационала».

Таким образом, Ленин здесь прямо говорит о «*буржуазном* освободительном движении» и о том, что *только в случае*, если «реформистская буржуазия» перестанет бороться с империализмом и станет мешать организации сил революции, организации сил пролетариата и *крестьянства*,—только в этом случае блоки и союзы с этой буржуазией должны смениться *прямой борьбой* против нее.

Тт. Зиновьев и Троцкий поставили себя на пленуме высказываниями по этому вопросу в коренное противоречие с Лениным.

Если бы Коминтерн действовал в Китае, исходя из оппозиционной тактической установки, то он *не смог бы добиться ни целого ряда поражений империалистов, ни массовой организации сил революции.*

А это в свою очередь означало бы ослабление нашего фронта против империализма накануне военного похода последнего против СССР, ибо китайская национальная революция является одним из мощнейших факторов ослабления мирового империализма.

Мы видели, таким образом, что на пороге империалистической войны против СССР оппозиция борется против ленинских позиций партии по ряду существеннейших политических вопросов, имеющих непосредственное отношение к мобилизации антиимпериалистических сил в международном масштабе.

Оппозиция не поняла *корней* империалистической агрессии против СССР в *наши дни.*

Она докатилась до позиции «*условного оборончества*» в отношении СССР.

Она показала своим отношением к АРК, что не понимает *значения и методов проведения единого* фронта, без осуществления

которого в настоящих условиях *невозможно привлечь обманываемых реформистами рабочих на сторону СССР.*

Она не поняла *характера национально-колониальной революции в Китае*, она предлагала «линию», *которая способна лишь ослабить позиции международной революции против международного империализма.* Но оппозиция не только *идейно* навредила делу мобилизации революционных сил для отпора империализму.

Она вступила на путь *организационных* мероприятий, вредящих этому делу. Оплевывая Коминтерн, распространяя легенду о поправении Коминтерна, о засилье в его кадрах «центризма», дискредитируя *лучшие* организованные элементы международного пролетариата, дискредитируя коммунистический авангард мировой пролетарской революции,—оппозиция вступила в идейные и организационные связи с исключенными из Коминтерна антиреволюционными группировками (группа Рут Фишер—Маслова в Германии, группа Суварина—Моната—Росмера во Франции), клевещущими на Коминтерн, на партию, на советскую власть, создавшимися для борьбы с коммунизмом.

Орган Маслова «Знамя Коммунизма» превращается в орган тт. Зиновьева и Троцкого, печатающих в этом органе свои статьи, тезисы и речи против ВКП. Значение этого факта не нуждается в особых пояснениях. Подбираясь к постановке вопроса о двух партиях у нас, лидеры оппозиции переходят к осуществлению системы двух партий на Западе, дезорганизуя силы международного революционного пролетариата.

Нет необходимости доказывать, что *эта политика вредит делу укрепления антиимпериалистических сил.*

Вынужденная отступать, оппозиция своим заявлением на об'единенном пленуме показала, что она не отказалась *с необходимой решительностью* от ряда серьезнейших ошибок, от своей антиленинской «линии» во всех вопросах, в том числе и в вопросах международной политики.

Партия не должна усыплять своей бдительности в отношении оппозиции, она должна идейно преодолеть оппозицию, осмыслить сущность и глубину ошибок оппозиции, ее отход от принципов ленинизма, ее дезорганизаторскую роль в международном революционном рабочем движении, в деле консолидации антиимпериалистических сил.

Только при этих условиях мы сумеем преодолеть все опасности, стоящие на нашем пути.

Б. Борилин.

Куда устремляется капитализм?

(К итогам женевской экономической конференции).

(Продолжение. Начало статьи см. в № 13 с. г.).

Женевская конференция отразила, хотя и в очень искривленном и затуманенном виде, современное состояние и болезни мирового хозяйства. Но не только это одно. Она отразила и *устремления современного капитализма на данном историческом этапе.*

Само собой разумеется,—и об этом уже не раз говорилось в печати,—конференция не разрешила ни одного основного противоречия современного капитализма. Но можно ли было вообще от нее этого ожидать?! Капитализм никогда не разрешает своих противоречий путем «коллективного решения», но всегда путем борьбы сил и капиталов. Разве можно себе представить *при капитализме* разрешение проблемы рынков, сырьевой проблемы, проблемы миграции населения, проблемы капиталов иначе, нежели путем экономической, политической, военной *борьбы* капиталистических групп, где решающим будет не «коллективное решение», а сила, капиталы участвующих в борьбе сторон?! Или, разве *при капитализме* может быть иное средство разрешения проблемы определенной высоты заработной платы, кроме *классовой борьбы* между буржуазией и пролетариатом, в которой опять-таки огромнейшую, иногда решающую роль играет соотношение экономических сил между данной и другими группами буржуазии?! Нет, не на конференциях и не путем «общего голосования» капитализм разрешает проблемы своего времени! И только безмозглые социал-демократические дурачки ожидали от экономической конференции «коллективного договора» о «совместном» и «полюбовном», к тому еще «вкупе» с рабочим классом, разрешении болячек капитализма, конечно, непременно в духе «идеала равенства и социальной справедливости».

Конференция не пошла в *общих* декларациях и речах дальше фраз о «солидарности» и «мире». Но зато по части «солидарности» и «мира» было собрано и представлено много «аргументов». Клялись в этих вещах все. Об'являлось о грядущей эпохе «неосолидаризма» в международных экономических и политических отношениях. Г-да Жуо и К° приветствовали подобные излияния, как доказательство «исторического торжества и признания идей, защищаемых рабочим движением»[1]). Мадам Фрейндлих, австрийская социалистка, обещала поддержку в столь важном деле даже... женщин. «Мировое хозяйство,—говорила она,—страдает от полного недостатка солидарности, а в этой области женщины могут оказать неоценимую услугу. Представляя более половины

---

[1]) См. речь Жуо на пленуме конференции. Journal de la Conference Economique Internationale, № 3, p. 21.

человеческого рода, женщины имеют более глубокое чувство интернациональной солидарности, чем мужчины»[1]). Подобное излияние мадам Фрейндлих было уже совсем «трогательно» в общем хоре почтенного собрания. Так «работала» конференция в области установления «солидарности» и «мира» между народами.

Конференция и не имела намерения вместо этих общих фраз действительно заниматься серьезным обсуждением общих, основных вопросов мирового хозяйства. Конференция предпочитала ограничиться в деловых своих работах более «мелкими» и менее «высокими» вопросами. Она действовала согласно анекдоту, довольно удачно рассказанному сербом Черчином на заседании промышленной комиссии и рекомендующему всегда «оставаться на почве реальности и не поступать подобно рыбаку, ловившему отражение лунного света в озере вместо мелких, но действительных рыбок»[2]). Конференция предпочла заниматься «ловлей мелких рыбок», а не «лунного света». Правда, рыбки не всегда были «такими маленькими».

Конференция в своих работах безусловно отразила «мелкие», «низменные», «реальные» устремления современного капитализма. Она довольно ясно указала то *практическое звено*, за которое хочет в настоящее время *уцепиться* капитализм, с которого он *хочет начать, начнет*, чтобы сделать дальнейший шаг вперед.

Это звено, конечно, *не* заключается в таких мероприятиях, как повышение заработной платы в целях расширения внутреннего потребительского рынка, «справедливое» перераспределение и использование сырья, действительные меры к уменьшению расходов на вооружение и т. д., и т. п. Капитализм не был бы капитализмом, если бы он *такими* путями пытался выходить из кризиса. Вся глубина глупости и предательства социал-демократов легко определяется их верой в добрые намерения капитализма *такими* средствами выйти из кризиса. «Повышение заработных плат должно предшествовать, а не следовать общей хозяйственной реконструкции, и американский опыт подтверждает эту точку зрения»,—говорил на конференции г. Жуо[3]), так как речь здесь идет о том, чтобы реконструкция была произведена «в интересах всего общества». Но ни американский, ни опыт какой бы то ни было другой капиталистической страны не подтверждает этого «мудрого» положения г-на Жуо. Никогда капитализм *не начинал* с повышения заработных плат, ибо никогда капиталисты не вели производства «в интересах всего общества». Всегда повышение заработных плат было *следствием*, а не причиной улучшавшейся экономической кон'юнктуры. С другой стороны, капитализм *всегда* искал выхода из *кризиса* на пути уменьшения доли заработной платы в продукте, увеличения интенсивности труда, увеличения эксплоатации рабочей силы. Такая ложь нужна г-ну Жуо для того, чтобы обмануть рабочий класс относительно истинных намерений капиталистов, «обелить» последних, но ни в какой степени не соответствует капиталистической, и особенно послевоенной действительности. «Г-н Жуо говорил, что нужно увеличить заработные платы, если мы хотим увеличения производства,—отвечал г-н Ламмерс.—Если бы это было так просто, как об этом говорит г-н Жуо, промышленники были бы

[1]) Journal de la Conference № 3, p. 21.
[2]) 2-ème Commission. Industrie. Deuxième séance, p. 7.
[3]) 2-ème Commission. Industrie. Deuxième séance, p. 7.

дураками, не последовав такой легкой системе... Но увеличение заработных плат поставит промышленников в затруднительное положение при низких ценах на промышленные товары»[1]). Не менее умно ответил на подобные предложения и г-н Беллени: «Рассматривать проблему увеличения покупательной силы (путем повышения заработных плат. *Б. Б.*) как средство, к которому мы должны прибегнуть для решения экономического кризиса, это значит смешивать цель и средства. Искусственная операция увеличения покупательной силы не может предшествовать разрешению проблемы мирового экономического кризиса»[2]).

Как ни уговаривали г-да Жуо и К° в удобствах того пути выхода из кризиса, который рекомендовался ими, как ни «убеждали» г-да социалисты ссылками на «сказочную страну» Америку, и как ни соблазняла мадам Фрейндлих конференцию примерами общественного хозяйства в «Красной Вене», где все делается «в интересах всего общества»,—конференция этого пути не приняла. Конечно, в принятой резолюции по рационализации многие места умаслены обещаниями улучшения положения рабочих масс, рационализации в интересах широких масс мелких производителей и пр.; но теория увеличения заработных плат нашла себе мало сторонников.

Принятая резолюция по рационализации означает поэтому на ближайшее время не улучшение материального положения масс, но *дальнейшее наступление на материальные завоевания рабочего класса*, дальнейший рост его эксплоатации. Это наступление на рабочий класс, эта рационализация на манер американского опыта безусловно является *одним из звеньев*, которое рекомендовано конференцией и которое будет всемерно использовано в ближайшие годы капитализмом. Но ведь иначе, чем на счет рабочих масс, никогда капитализм не производил выхода из экономического кризиса.

Чрезвычайно поучительно то отношение, которое встретил на конференции принцип картелирования, как спасительного средства разрешения экономического кризиса. Этот принцип получил своих наиболее рьяных защитников на конференции в лице двух персон: французского капиталиста г-на Лушера, автора идеи «Европы интернациональных картелей» и... г-на Жуо. С одной стороны, Франция, ставшая в результате версальского мира страной с высокоразвитой промышленностью, полученной вместе с оккупированными промышленными областями Германии, уже захватившая в континентальном стальном картеле солидную квоту, мечтающая о создании континентального экономического и политического блока под своей гегемонией. С другой—г. Жуо, представитель «рабочей группы» на конференции, рассматривающий картелирование, как форму замены прежней «анархии производства» новым «организованным хозяйством» и требующий только общественного «контроля над картелями». Этот союз «социалистов» с французским капиталом, смотрящим на интернациональные картели, как на орудие осуществления господства французского империализма в Европе, поистине был замечательным практическим применением идей «организованного капитализма» на конференции! То, что воспевалось социал-демократическими писателями, как форма

[1]) 2-ème Commission. Industrie. Troisième séance, p. 3.
[2]) Journal de la Conference.

внедрения «плановых начал» уже в капиталистическое хозяйство, на чем была построена целая теория мирного врастания в социализм, оказалось не чем иным, как прекрасным, чрезвычайно подходящим орудием в руках французского империализма для осуществления его замыслов. Можно ли найти более очевидное банкротство идей сторонников организованного капитализма?!

Но интернациональные европейские картели, которые были полуторагодичной заветной мечтой г-на Лушера, оказались вовсе не в таком «почете» у представителей других стран. Германия не имела никаких намерений пойти «за голубые глаза» «под крылышко» французских промышленников, под которым, как показал опыт европейского стального картеля, она вовсе не так хорошо чувствовала себя. С другой стороны, Англия совсем не имела основания приветствовать картелированную, об'единенную под руководством Франции Европу. Что касается Америки, то она совсем «воздержалась» в вопросе о картелях, так как... «американское законодательство запрещает вообще участвовать в картелях». Таким образом, можно прямо сказать, что на конференции в отношении картелей преобладал глубокий скепсис. «Спасительная роль» от «неприятностей», причиняемых экономическим кризисом, за картелями на конференции признана не была. Ни мечтания господ «социалистов», ни замыслы французского империализма не получили своего осуществления.

Такое «прохладное» отношение конференции к картелям, конечно, не означает, что процессы картелирования и трестирования не будут развиваться в дальнейшем и не будут играть очень существенной роли в мировом хозяйстве и в хозяйстве отдельных стран. В тех или других областях производства картели и тресты будут прививаться, укрепляться. Но отношение конференции свидетельствует о том, что эти процессы роста «организованности» хозяйства и его «интернационализации» далеко не приняли тех размеров, как это постарались изобразить социал-демократы в интересах своей «idée fixe». В общем конференция оставила «увлечения» в этой области «картельным дельцам», боящимся общественного мнения, и... социалистам.

Уже цитированная нами газета «Франкфуртер Цейтунг», изображает позиции г-на Лушера и его «рабочих» союзников в картельном вопросе в следующих словах: «Поддержку он (Лушер) нашел только у представителя французского *рабочего класса*. И это характерно также и для широко распространенного среди социал-демократов вне Франции ложного убеждения, которое во всем, что выглядит, как плановое хозяйство, организация или отклонение от «анархии производства», видит шаг к осуществлению социализма даже тогда, когда речь идет в действительности об образовании высококапиталистических монополистических предпринимательских организаций»[1]). Какое любопытное зрелище! Буржуазная газета обучает «социалистов», страдающих безнадежным дальтонизмом, правилам различения социализма и капиталистических монополий!

Ни «рационализация», ни «картелирование», однако, не были тем «новым» и «основным», что было сказано конференцией. *Центральным вопросом*, за который ухватилась конференция, в разрешении которого она видела ближайшую и главную задачу на-

[1]) «Frankfurter Zeitung», от 25/V—27 г.

ступающего периода капиталистического развития, был вопрос о мировой торговле. А *центральным лозунгом*, который был выброшен конференцией, был лозунг «свободы торговли».

Почему в XX веке, после десятков лет развития монополистического капитализма, основанного на таможенном протекционизме, после мировой империалистической войны, выдвигается требование «свободы торговли»? Каков сокровенный смысл этого «исторического анахронизма» в наше время? Уж не идет ли история вспять, возвращаясь к давно прошедшим временам капитализма свободной конкуренции? Или, может быть, пройдя через этап господства монополистических и протекционистских тенденций, капитализм на более высокой ступени приходит к отрицанию монополизма, к сверхгосударственному мирному таможенному союзу, когда государственные таможенные барьеры оказываются вредным пережитком? Может быть, и вправду осуществляются предсказания социал-демократических мечтателей?

Наиболее существенная особенность нынешнего момента в положении мирового капитализма заключается в том, что он в своем послевоенном развитии вплотную подошел в настоящее время практически к самой решающей для себя проклятой проблеме. Имея безусловные успехи за собой за истекший «восстановительный период», кое-как упорядочив хозяйство в национальных рамках, капитализм все еще не «оздоровил» *мирового* хозяйства, мировых хозяйственных отношений. Капиталистическое хозяйство, как *мировая система*, все еще переживает глубокий кризис. Но капитализм не в состоянии двигаться дальше, не в состоянии перейти от «восстановительного» к «реконструктивному» процессу, не разрешив проблемы мировых хозяйственных отношений, проблемы установления *мирового* хозяйственного *равновесия*. В попытках разрешить эту «проклятую» проблему мировых хозяйственных связей, мирового хозяйственного равновесия будет заполнен наступающий период в развитии послевоенного капитализма. Капитализм сейчас будет делать попытку подняться на новую ступень в стабилизационном процессе. *Эта новая ступень должна заключаться в устремлениях капитализма урегулировать и расширить мировой рынок, «утрясти» отдельные национальные хозяйства так, чтобы могла создаться возможность хотя бы более или менее «пропорционального», «общего» движения вперед, возможность хотя бы более или менее «нормального» расширенного воспроизводства.*

Но нет иного пути установления нового, по сравнению с довоенным, мирового экономического равновесия, как через мировой рынок. Поэтому вопрос о *мировом рынке*, о мировой торговле, о *внешних рынках* выдвигается сейчас на первый план. Поэтому этот вопрос был *центральным* вопросом конференции. Именно с разрешения *этого* вопроса *начнет* и *начинает* сейчас капитализм, а *не* с мероприятий по расширению потребительского рынка путем увеличения заработной платы, как об этом думают социал-демократы.

Попытку капитализма подняться на новую ступеньку и отразила международная экономическая конференция, поставившая в центре внимания торговую политику и ставшая на позицию «свободы торговли».

«Свобода торговли»! Этот лозунг с точки зрения того содержания, которое в него вложено конференцией, должен озна-

чать ликвидацию послевоенных стеснений торговли, упрощение таможенных формальностей, введение единой тарифной номенклатуры, установление большей стабильности в тарифах и более продолжительных сроков торговых договоров, хотя бы соответствующих довоенной практике, и, наконец, снижение тарифов. При анализе этого простого перечня мероприятий, рекомендованных конференцией, нужно иметь в виду прежде всего то, что все эти мероприятия ни в какой мере не совпадают с тем содержанием, которое вкладывают в требование «свободы торговли» все мелкобуржуазные современные любители свободы торговли, включая сюда и социал-демократов, со всей программой «всеобщего таможенного союза», «ультраимпериализма» и прочих благоглупостей, усердно распространявшихся социал-демократией. Капитализм хочет—и это сказала конференция—«нормализации» в отношениях мировой торговли, хотя бы в той степени, как она существовала до войны. Но это так же, как «гвоздь на панихиду», похоже на осуществление мечтаний социал-демократии.

Капитализм хочет, чтобы то, что создано в результате послевоенного экономического хаоса, в результате перекройки экономической карты Европы, в результате огромных экономических передвижек во всем мире, и что получило свое дикое выражение в свистопляске послевоенных таможенных установлений, чтобы это было введено хотя в какое-то «нормальное», «спокойное» русло. Ряд мероприятий, предложенных конференцией, безусловно при благоприятных для капитализма условиях, может быть проведен в жизнь. Теоретически нет невозможного и в том, чтобы вся эта программа была осуществлена. *Но*—и это самое главное—успех в урегулировании таможенного вопроса может быть достигнут *только* в одном случае: *если мировое послевоенное хозяйство действительно найдет те «пропорции», которые создадут действительное равновесие мировой экономики*, на базе которого мог бы начаться действительный всеобщий новый под'ем мировой капиталистической кон'юнктуры. Но что означает для современного капитализма «найти пропорции, необходимые для равновесия мирового хозяйства»? Это означает прежде всего, с точки зрения экономической, найти пропорции распределения мирового рынка между капиталистическими группами и государствами. Это значит разрешить основную проблему капитализма — проблему рынков. Если отбросить наивно-глупую мысль о возможности быстрого расширения внутреннего рынка путем увеличения заработной платы рабочих и под'ема сельского хозяйства, то это может иметь единственный смысл: найти пропорции в мировой экономике, «нормализовать мировую торговлю»—это может означать, прежде всего, на данной стадии послевоенного капиталистического развития разрешить проблему *внешних рынков*. Здесь-то и выступает «сокровенный смысл», «тайна» лозунга «свободной торговли», гораздо более важные, нежели значение вышеперечисленных практических, но все же «мелких» мероприятий по таможенному вопросу.

Свобода торговли! Этот лозунг означает новые попытки капиталистических групп и государств расширить свои внешние рынки, сломать таможенные барьеры, где они «скверно лежат», «открыть двери» к рынкам слабых государств, удержать и завоевать колонии, сломать монополию внешней торговли СССР, и вместе с тем усилить с ним торговлю и т. д. Это нападение на

внешние рынки будет вначале проводиться «мирными» способами экономического соревнования. Сила отдельных «восстановивших» себя после войны национальных хозяйств будет испробована сначала в сфере «чисто-экономического» давления, в сфере «пропаганды товарами и капиталами». А каким прекрасным лозунгом для успеха в этом экономическом давлении на более слабых участников мировой конкуренции является лозунг «свободы торговли»! Свобода торговли! Этот лозунг означает *свободу экономического подавления* монополистически организованными капиталистическими группами *слабых* групп, большими государствами малых, «передовыми» — отсталых, колониальных стран. Недаром этот фронт государств, борющихся за «свободу торговли», возглавляет страна «воинствующего империализма»—Англия.

В условиях послевоенного, все еще «дезорганизованного» хозяйства, эта новая, наступающая ступень развития не может привести к новой, более высокой ступени в обострении противоречий, в первую очередь *междугосударственных*, в том числе *военных* конфликтов, и преимущественно конфликтов *между большими и малыми странами, угнетающими и угнетенными*. Открытое столкновение, война между крупными державами гораздо более затруднена в нынешних условиях, нежели столкновение и война между большим и малым государствами, метрополией и колонией. Рынок слабого государства легче «взять», нежели сильного. Вместе с тем «новые», «молодые» страны имеют такие широкие перспективы развития внутреннего рынка! Вот почему в этом направлении, в направлении «молодых», слабых, малых, колониальных стран будет итти напор со стороны капитализма.

Устремления современного капитализма, с одной стороны, единственный путь, на котором он только и может искать выхода из кризиса, с другой—правильно, на основе исторического опыта капитализма, указал на конференции мистер Робинзон: «Данные прошлого нам показывают,—говорил он,—что наиболее яркий прогресс в производстве и распределении достигался на пути развития новых стран и стран, которые считаются недостаточно цивилизованными... Конечно действительное развитие новых стран требует определенного количества лет, прежде, чем оно дает эффект»[1]). Здесь дана прямо программа деятельности капитализма на «определенное количество лет»!

Барон Корнфельд говорил на конференции: «Европейская проблема не может быть разрешена только в Европе. Если не будут найдены другие рынки как для людей, так и для товаров, результаты конференции окажутся сомнительными»[2]).

* * *

Сумеет ли капитализм достигнуть успехов на этом пути «поисков» «новых» стран, внешних рынков и таким образом через противоречия и конфликты притти к «успокоению»?

История так устроила, что этой попытке мирового капитализма выйти из глубокого послевоенного кризиса противостоит мощное движение пробудившихся к жизни миллионов колониального населения, движение, действительно не имеющее аналогий в прошлом, составляющее важнейшую особенность послевоенного

[1]) 2-ème Commission. Industrie. Sixième séance, p. 15—16.
[2]) 2-ème Commission. Industrie. Quatrième séance, p. 11.

капитализма. Империалистическая война окончательно пробудила спавшие до сих пор колониальные народы, а последнее десятилетие вовлекло в мировое развитие новые сотни и сотни миллионов людей. И это один из важнейших общественных фактов последних лет.

«Это большинство теперь проснулось и пришло в движение, которое не в силах остановить самые сильные и «могущественные» державы» (Ленин). «Целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи». «И для всего мира теперь ясно, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, с. 136).

Так навстречу «стабилизационной волне» капитализма идет революционно-освободительная волна с Востока. Конфликт между ними неизбежен. Он уже превратился в вооруженную борьбу в Китае. Но он еще будет развертываться. Он будет охватывать «малые» и «большие» войны. Он безусловно будет иметь *целую историческую эпоху*.

И одновременно, на этом общем фоне растущего столкновения Запада с Востоком растут и зреют конфликты между империалистическими державами, которые еще не раз дадут себя знать в «стабилизационном» процессе... И в первую очередь конфликт между теми, кто оказался победителями и побежденными в первой империалистической войне.

В основном, обстановка, в которой будет происходить дальше стабилизационный процесс и в которой послевоенный капитализм будет *искать* дорогу к всеобщему под'ему (если даже отвлечься от существования СССР), тем радикально отличается от обстановки «обыкновенного» выхода из депрессии к под'ему в довоенном капитализме, что этот процесс будет происходить при одновременном действительном под'еме революции на Востоке, в которую втягивается подавляющее большинство населения. Это именно создает такие сверхординарные трудности для капитализма, которые должны породить новое величайшее обострение его противоречий. Это и дает основание предполагать, что, несмотря на тенденции к укреплению капитализма, «весь мир переходит к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 136), что наступающий исторический период будет периодом «вызревания»—правда, совсем не в том смысле, как это предполагали «раньше»—социализма.

* * *

Каково же место СССР в этом наступающем новом историческом переплете сил? Дадут ли нам возможность мирного развития, «мирного» экономического соревнования с капиталистической системой, идущей через новый исторический этап к генеральному столкновению с мировыми силами революции? «Сумеем ли мы спастись от грядущего столкновения с империалистическими государствами»,—как писал Ленин,—сумеем ли мы «продержаться» до тех пор, пока капитализм «завершит свое развитие к социализму», пока в столкновениях между Западом и Востоком и между империалистическими государствами «созреет» социалистическая революция? Или в ближайшие же годы неизбежна война с капитализмом и неизбежен срыв нашего мирного строительства?

Трудность ответа на эти вопросы состоит в том, что до настоящего времени, несмотря на наступление нового этапа в международном развитии, мы не имеем коренного изменения в том соотношении сил, которое определяло состояние так наз. равновесия между капитализмом и СССР. Будучи неизмеримо сильнее нас в материальном, экономическом и военном отношениях, капитализм вынужден был сосуществовать, экономически «сотрудничать» с Советами, потому что эта материальная и военная сила капитализма контрбалансировалась противоречиями и трудностями в самом капитализме, поддержкой нас рабочими массами Запада и колониальным движением Востока и нашей собственной экономической и политической мощью. Именно противоречия внутри капитализма, с одной стороны, наша собственная экономическая сила, с другой,—это, а не что-нибудь иное, создало те чрезвычайно своеобразные взаимоотношения «сотрудничества», в которые, помимо своей воли, так сказать, «вползло» мировое капиталистическое хозяйство. Две диаметрально-противоположные системы, взаимно исключающие друг друга, существуют бок-о-бок и вынуждены развивать между собой экономические связи. Хозяйственная необходимость проложила себе дорогу, несмотря на величайший антагонизм систем.

Горькую истину об этой хозяйственной необходимости, неизбежности мало приятного, но все же неотвратимого «сожительства» с нами и выразила конференция, когда приняла формулу экономического «сотрудничества» с Советами. «Business men»—деловые люди—вынуждены были, независимо от политических моментов, признать важность вопроса о торговых и экономических связях с СССР. Чрезвычайно ярко это именно настроение проявилось у члена английской делегации—редактора «Economist'a» Layton'a, который не без ясности и ума поставил этот вопрос. «Перед войной,—говорит Лейтон [1]),—внешняя торговля России была выше, нежели Индии, в то время, как в 1925 г., по отчету о мировой торговле, она представляла меньшую величину, нежели торговля Дании до войны. Если бы не было войны (и интервенции господ Лейтонов! *Б. Б.*), вполне возможно, что Россия в течение долгого периода имела бы не только значительное внутреннее развитие, но и значительный рост внешней торговли; это развитие могло бы дать возможность Европе найти новые рынки и ослабить в определенной степени влияние тенденций, которые можно было и до войны заметить в некоторых заокеанских странах, к большей экономической независимости. Невозможно еще предвидеть, когда и как можно будет разрешить неизбежный конфликт между двумя противоположными экономическими системами, но мы можем тем не менее пригласить русскую делегацию нам сказать, как возможно, при нынешнем состоянии экономических отношений, добиться увеличения внешней торговли России до довоенных размеров».

Капитализм поднимается сейчас на новую «ступеньку» в стабилизационном процессе. Он будет пробовать нашу и свою собственную силу на новом историческом этапе. Но мы тоже взобрались на более высокую ступень. Мы подошли к реконструк-

---

[1]) Discours d. M. Layton. L'illusion de L'avant-Guerre, p. 8.

тивному процессу в нашем хозяйстве, при этом без тех трудностей и противоречий, которые имеет капитализм. Далее, и революционное движение на Востоке отнюдь не идет на убыль. Вот почему с точки зрения соотношения сил, определяющих состояние равновесия или нарушение его, шансы на дальнейшее мирное сосуществование с капитализмом не изменились к худшему.

Но, к сожалению, вопрос этим отнюдь не исчерпывается. Если соотношение сил не изменилось так коренным образом, чтобы можно было говорить об абсолютной неизбежности войны в ближайшие годы, об абсолютной неизбежности в ближайшие годы генерального столкновения систем, то зато с полным основанием можно утверждать, что международное развитие вошло в тот период, который будет заполнен *попытками* обеих систем, капитализма в том числе, *создать решительный перевес своей стороне.* Международное развитие входит в период главного и решающего соревнования капитализма и социализма.

Мы не знаем, когда произойдет это решительное изменение в соотношении сил, а следовательно—«последний и решительный бой».

Но должно быть совершенно ясно, что решительная подготовка изменения сил для этого боя будет происходить в наступающий период. Нет никакой нужды доказывать, что с точки зрения капитализма одним из важнейших звеньев этой подготовки должна быть борьба, мирная и вооруженная—снова вооруженная!—против СССР. Эта задача прекрасно сочетается с наступательными «торговыми» действиями капитализма против малых и колониальных стран, составляя одновременно и предпосылку и их дополнение. Удастся ли капитализму организовать войну против СССР в качестве «подготовительной» меры для создания решительного перевеса к моменту «последнего и решительного боя», или ему придется принять бой с СССР после целой новой полосы мирного развития СССР? На этот вопрос ответить представляется невозможным. «Решение зависит от слишком многих обстоятельств» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 137). *Но нет никакого сомнения, что капитализм испробует все возможности для военного нападения на нас согласно первому варианту.* К таким попыткам капитализма военного нападения на нас, вытекающим из условий наступающего периода, мы должны быть безусловно готовы, употребляя одновременно все усилия к тому, чтобы эти попытки не получили своего осуществления.

М. Танин.

Англо-советский разрыв и проблема единого империалистского фронта [1]).

(Окончание. Начало статьи см. в №№ 11—12, 13 «Большевика»).

Ближний Восток.

Турция. Внутренние противоречия локарнской политики окружения СССР особенно ярко сказались на наших отношениях с Турцией. Хотя английская дипломатия прилагала упорные, систематические усилия к тому, чтобы вовлечь также Турцию в орбиту своей антисоветской политики, они оказались бесплодными— и по той простой причине, что Локарно в силу значительной общности судеб СССР и восточных народов было направлено и против Турции. К тому же момент Локарно совпал с крайним обострением англо-турецких отношений из-за Моссула и встречей Чемберлена и Муссолини в Рапало (29 декабря 1925 г.), положившей начало англо-итальянскому сближению, направленному против Турции. В связи с тем же моссульским конфликтом, вскоре состоялось т. н. «Ближневосточное Локарно», соглашение между прибывшим в Лондон бывшим французским верховным комиссаром в Сирии Анри-де-Жувенель и представителями английского министерства колоний насчет взаимных услуг на случай англо-турецкой войны.

Все это не могло не дискредитировать в Турции англофилов и, наоборот, не могло не усилить позиции сторонников сближения с СССР. Результатом всех этих событий явился ряд дипломатических актов, подводящих широкую базу под советско-турецкую дружбу. Важнейшим из них является подписание *советско-турецкого гарантийного договора о ненападении и нейтралитете* (17 декабря 1925 г. в Париже), который расширяет и дополняет договор 16 марта 1921 г. Это, как известно, произошло как раз в момент завершения локарнских переговоров, и недаром договор, вызвавший большое недовольство в английских кругах, был обозначен ими, как «*анти-Локарно*». Вслед за этим (в апреле 1926 г.), при благожелательном отношении советской дипломатии, был подписан турецко-персидский договор, который путем устранения различных спорных вопросов между обеими сторонами, усиливал восточный фронт против западного империализма. Дальнейшим актом в этом направлении является *встреча т. Чичерина и Рушди-бея в Одессе* (12—14 ноября 1926 г.), вызвавшая много толков в европейской печати и слухи о том, что предметом

---

[1]) В № 13 «Большевика» в заглавии статьи вместо «империалистского фронта» ошибочно было напечатано «антиимпериалистского фронта».

переговоров явился вопрос о создании союза азиатских народов под руководством СССР.

Дальнейшим и чрезвычайно важным этапом в развитии советско-турецких отношений является *подписание 11 марта 1927 г. в Ангоре торгового договора.*

Переговоры по этому вопросу велись несколько лет, и они наталкивались на серьезное препятствие в виде резкого различия экономических систем обеих сторон. Для турецкой буржуазии, еще не имеющей крупных торговых и промышленных об'единений, приспособление к нашей монополии внешней торговли оказалось еще труднее, чем для западной буржуазии. К тому же турецкое правительство, которое хорошо помнит все прелести режима «капитуляций» (привилегий для иностранных предприятий), болезненно воспринимало выдвигавшиеся нами в общем порядке требования особого положения для наших торговых органов, не являющихся частнокоммерческими предприятиями. Это требование, неизбежно вытекающее из огосударствления нашей внешней торговли и удовлетворенное уже западными буржуазными государствами, в Турции, вследствие означенной причины, оказалось провести труднее. Но в результате взаимных уступок соглашение было достигнуто. Под турецко-советскую политическую дружбу теперь подведена прочная материальная база.

Наши уступки состоят в некотором смягчении режима монополии и в гарантировании Турции возможностей ввоза своих товаров на определенную сумму; турецкие уступки—в принципиальном признании монополии и экстерриториальности руководящих лиц торгпредства. Договор этот, без сомнения, является вполне удобной правовой формой, в которую наша государственная промышленность и наши внешнеторговые органы должны суметь влить соответствующее содержание. До сих пор наша торговля с Турцией (как и в довоенное время) была весьма незначительной и задача теперь сводится к использованию географической близости для укрепления наших экономических и, следовательно, политических связей с дружественным нам южным соседом.

Это тем более необходимо, что процесс внедрения иностранного капитала в Турцию идет ускоренным темпом, и таким образом создается предпосылка для смычки между турецкой буржуазией и западной и усиления враждебных нам влияний. Ростки таких влияний имеются в пан-тюркской идеологии реакционных кругов, связанных с эмигрантами-муссаватистами и питающих вожделения по отношению к Кавказу. История наших взаимоотношений с Турцией показывает, однако, что, несмотря на колебания, свойственные внешней политике турецкой мелкой и нарождающейся крупной буржуазии, турецкие правящие круги под влиянием неизбежных ударов со стороны агрессивных западных империалистов, приходят к выводу, что без дружбы с СССР свободное развитие новой Турции невозможно. Вот почему в момент англо-советского разрыва, турецкая печать открыто высказала свое сочувствие СССР и определенно дала понять британскому империализму, что тайные надежды его привлечь Турцию к участию в политике окружения СССР не имеют под собой основания.

Персия. Вся история английской экспансии в Персии свидетельствует, какое исключительное значение английский империализм придает этому участку своего мирового фронта. Эксплоатация

природных богатств (нефть!), экономическое завоевание страны, вытеснение экономического влияния СССР, использование Персии против СССР и создание из нее звена в непрерывной цепи английских владений и протекторатов: Египет—Палестина—Трансиордания—Ирак — Персия — Индия, — вот каковы замыслы английского империализма. С этой целью Англия стремится закрепить за собой захваченные во время войны экономические позиции (до войны доля России в торговле Персии составляла 60%, а доля Англии—21%, в 1923—24 г. роли переменились—Англия—57%, СССР—18%). С этой целью Англия всячески с помощью постройки дорог и удешевления фрахтов даже ниже себестоимости пытается отвлечь торговлю граничащих с СССР северных провинций на юго-восток—в сторону Индии и на юго-запад—в сторону Ирака. Английские агенты не останавливаются перед тем, чтобы вместе с группой персидских купцов-монополистов, недовольных нашей государственной монополией внешней торговли, инсценировать «движение» в пользу бойкота бакинской ярмарки (начало 1927 г.) и отказа от заключения торгового договора с СССР.

Одновременно Англо-Персидская (а по существу английская) Компания добивается новых нефтяных концессий в западной Персии, прилегающей к английской мандатной территории—Ираку, и, чтобы облегчить об'единение в одно целое моссульской и западно-персидской нефти, пытается склонить персидское правительство к подписанию «союзного договора» с Ираком. Ясно, что такой союз с английской колонией таил бы в себе опасности распространения власти Англии за пределы Ирака—на территорию вожделенной концессии, откуда, согласно широким планам Англо-Персидской Компании, по системе нефтепроводов нефть направлялась бы, на запад к Средиземному морю и на юго-восток к Персидскому заливу. Если еще прибавить к этому долголетние—но тщетные—попытки англичан получить концессию на постройку трансперсидской железной дороги, как части великого железнодорожного пути Египет—Индия, то картина обволакивания Персии английским империализмом будет ясна.

Но, чтобы скрыть истинные намерения английского империализма в Персии, английская печать ведет систематическую кампанию против «угрозы для Северной Персии со стороны Советов», «красного империализма», «большевистской пропаганды» и т. д. Вот маленький образчик, иллюстрирующий эту кампанию: близко стоящий к английскому министерству колоний еженедельник «Near East and India» («Ближний Восток и Индия») 3 марта 1927 г. по поводу персидско-турецких переговоров писал:

«В настоящее время большевизм концентрирует свое внимание на Британской империи... Можно ли предполагать, что властная сила большевизма, которая толкает Россию к тому, чтобы посвятить свои силы и свою казну попытке минировать Британскую империю, позволит другой социальной системе процветать бесконечно рядом с русской границей?». И на ряду с размалевыванием призрака насильственного насаждения Советским Союзом большевизма в Персии, неприкрытые угрозы по ее адресу: «Если Персия предпочитает русскую ориентацию, ей нечего ждать британской помощи, если же она оказывает предпочтение британским методам, она должна перестать кокетничать с советскими доктринами».

Так как шах Реза-Хан Пехлеви от «советских доктрин» очень далек, то не трудно понять, что эта угроза распространяется на его слабые попытки установить дружественные отношения с той страной, которая *на деле*, путем отказа от целого ряда прав и привилегий царского правительства доказала свое уважение к независимости персидского народа. Смысл ее сводится к следующему: или вы откажетесь от дружбы с Советским Союзом; или же мы вас подвергнем экономической блокаде.

Английская дипломатия также пыталась эксплоатировать недовольство, вызванное в некоторых персидских торговых кругах временным закрытием границы СССР для персидского ввоза. Эта мера вытекала из нашей общей торговой политики в тот момент: сокращение ввоза с целью устранения последствия нашего «просчета»—общего пассивного торгового баланса. Но английская печать, а также некоторые персидские газеты английской ориентации пытались представить этот шаг, как враждебный Персии акт. В связи с этим было инсценировано упомянутое уже «движение» бойкота Бакинской ярмарки в начале 1927 г., когда граница была снова открыта. Инсценировка эта, однако, успеха не имела. Советско-персидский торговый оборот на ярмарке составил свыше 22 миллионов рублей—в два раза больше, нежели в 1926 г. Параллельно с укреплением советско-персидских торговых отношений, советское правительство предпринимает меры к ускорению не по его вине весьма затянувшихся переговоров о торговом договоре.

Что касается ближайших перспектив советско-персидских отношений, то приход к власти кабинета Мухбир-Эс-Солтане не сулит серьезных перемен. Этот старый чиновник, «отец нации», будет, по всей вероятности, продолжать политику шатаний его предшественника Мустофи-Оль-Мемалека. Конечные точки амплитуды этих качаний, с одной стороны,—прогрессивные и дружественные по отношению к СССР общественные слои: восстающее против феодалов крестьянство, ремесленники, прогрессивная интеллигенция, мелкие купцы, а с другой,—держащие курс на смычку с английским капиталом шейхи, ханы, крупные купцы и т. д.

Этот сложный переплет борьбы влияний в Персии не будет полно обрисован, если не упомянуть об *американском* капитале. Проводником влияния последнего является финансовый советник персидского правительства Мильспо, пользующийся весьма широкими полномочиями. Что Мильспо выполняет при Реза-Хане не только консультативную роль, видно из того, что благодаря его стараниям концессия на трансперсидскую железную дорогу, которой так настойчиво добивалась Англия, перешла в руки американцев. Не трудно догадаться, что по рельсам этой дороги будет все глубже продвигаться и политическое влияние Соед. Штатов, которое, с одной стороны, будет направлено против СССР, а с другой—против Англии, при чем весьма вероятны сделки между английским и американским империализмом за счет Персии и СССР.

Персия, таким образом, являет собой пример столкновения влияний СССР и капиталистических стран не только в области политической, но и в области экономической. И если капиталистические страны здесь имеют огромные преимущества в отношении материальных ресурсов, то их хищнические методы вне-

дрения в страну во все большей степени вызывают противодействие растущего национально-освободительного движения, которое не может не быть проникнуто глубокой симпатией к СССР, единственному государству, поставившему крест над империалистическими методами «сфер влияния», экстерриториальности и всех вообще капитуляций и строящему свои отношения с Персией на принципе уважения неограниченной суверенности персидского народа. А ведь борьба против этих методов, связанная с общим пробуждением колониальных и полуколониальных народов, в настоящее время в связи с китайскими событиями вступает в решительную стадию.

Отдавая дань духу времени, английский империализм пытается играть в либерализм и как будто выражает готовность пойти навстречу этим требованиям персидского национализма. При этом, правда, с «маленьким» опозданием, он даже ссылается на пример СССР.

«Слава,—читаем мы в «Near East and India» от 5 мая 1927 г.,—которую большевистская Россия приобрела за то, что она якобы отказалась (alleged renonciation) от некоторых договоров с мусульманскими государствами, уже служит достаточным доказательством того, что Великобритания не проиграет, если займет место в авангарде европейских государств, которые честно и не только на словах будут желать, чтобы независимость Персии, Египта, Геджаса эвентуально (eventually) была более действительной, чем теперь».

Любопытно, как этот орган английских колонизаторов изворачивается, когда ему приходится сделать вынужденное признание о влиянии революционной восточной политики СССР: с одной стороны—это смехотворное «*якобы* отказалась», а с другой—«слава», приобретенная большевистской Россией. Но особенно бьет в глаза фальшь всех этих обещаний по адресу восточных народов, провозглашения новой миссии Великобританской империи—быть поборником «эвентуальной» независимости захваченного ею Египта, прибираемого к рукам Геджаса и благодаря российской революции вырванной из ее когтей Персии. Это—поистине феноменальный «эвент» (случай).

Дальнейшее развитие национально-освободительного движения в Персии покажет, насколько успешен будет этот «новый курс» английского империализма в Персии.

Афганистан. В английском плане окружения СССР Афганистану, как известно, уделяется особое внимание. Английская дипломатия под флагом «защиты Индии от большевизма» всячески пытается натравливать Афганистан против средне-азиатских республик Советского Союза и использовать его как плацдарм против СССР.

В конце 1925 г. (как раз в момент Локарно) в афганско-советских отношениях произошел инцидент, который окрылил надежды английских империалистов; в связи с изменением течения пограничной реки Аму-Дарьи возник конфликт между местными таджикскими советскими властями и афганцами о принадлежности небольшого острова Урта-Тугай. Афганское правительство очень болезненно реагировало на этот инцидент, который усиленно раздувался английской дипломатией. Вследствие отдаленности Таджикской Советской Республики от центра инцидент несколько затянулся. Когда же в Таджикистан прибыла особая комиссия Наркоминдела для урегулирования вопроса, ей скоро

удалось достигнуть соглашения. Инцидент был благополучно улажен, и обе стороны опубликовали официальные сообщения, в которых подчеркивалась дружба, связывающая СССР и Афганистан.

Дружба скоро получила новое оформление в виде исключительной важности документа—*советско-афганского гарантийного договора* о дружбе и нейтралитете, подписанного 31 августа 1926 г. в Пагмане, летней резиденции эмира. Договор этот дополняет советско-афганский договор о дружбе 1921 г., а по линии нашей ближне-восточной политики—советско-турецкий договор от 17 декабря 1925 г.

Английская буржуазная печать не замедлила повести кампанию против договора, пытаясь доказать афганскому правительству, что «коварные большевики» ввели его в заблуждение. Так, например, «Times» от 4 сентября 1926 г. в статье, посвященной договору, запугивает эмира тем, что статья о нейтралитете таит в себе опасности для его власти в Афганистане. «В случае войны между Великобританией и Советами,—«аргументирует» «Times»,—либо в Европе, либо в Азии—какова должна быть позиция Афганистана согласно договору? На бумаге ответ ясен—король Аманулла должен быть нейтрален. Но для того, кто понимает большевистскую психологию, ясно, что Москва приведет в движение небо и землю, чтобы добиться поддержки Афганистана». Если же эмир на это не пойдет,—продолжает философствовать «Times»,—тогда большевики свергнут его и об'явят Афганистан Советской Республикой!

Все это чревовещательство говорит лишь о том, что антисоветские воинственные планы английских консерваторов, рассчитанные на использование Афганистана против СССР, в связи с пагманским договором понесли тяжелый удар и что это обстоятельство приводит «Times» в ярость. «Советско-афганский договор,—заявляет газета,—*замечательный триумф советской дипломатии*. Будущее его чревато дурными последствиями для Лондона, Дели (резиденция английского вице-короля в Индии. *М. Т.*) и Кабула».

Отождествление интересов Кабула и Лондона—прием чересчур примитивный. Важно признание «Times'ом» того крупного значения пагманского договора, который, как бы ни изворачивался этот орган английских империалистов, является большой победой политики СССР по отношению к азиатским народам, политики, построенной на уважении их прав на самостоятельное национальное развитие.

На ряду с укреплением советско-афганских политических отношений идет экономическое сближение.

В 1925/26 г. торговый оборот с Афганистаном достиг около 6 миллионов рублей против 2 млн. руб. в 1924/25 г. Следует также отметить участие наших инженеров и техников в деле хозяйственного строительства Афганистана.

Мы видим, таким образом, что вопреки английским махинациям наши взаимоотношения с Афганистаном в общем и целом развиваются благоприятно. И если даже среди нарождающейся в связи с индустриализацией страны афганской буржуазии и в правящих кругах иногда замечаются тенденции к компромиссам с английским империализмом, то сама захватническая «природа» последнего, особенно проявляющаяся в насаждении военной промышленности в Индии и в военных приготовлениях на индо-афганской границе, не дает этим компромиссам зайти слишком далеко. И в конечном счете не кто иной, как сам английский империализм, пробивает бреши в своей политике окружения СССР со стороны Ближнего Востока, в частности, со стороны Афганистана.

Китай.

Охваченный великим революционным движением 400-миллионный Китай находится в настоящий момент на историческом перепутье. Куда пойдет китайская революция—направо или налево? Пойдет ли она по пути буржуазной революции, по пути кемалистской Турции или же через определенный этап—по некапиталистическому пути, по пути советской революции, по пути Советского Союза? Вот центральный, решающий вопрос, исторический ответ на который на десятилетия вперед наметит все мировое развитие.

В первом случае мы по линии китайско-советских отношений имели бы продолжение изоляции СССР, лавирование национально-буржуазного Китая между СССР и империалистическим миром и в общем и целом замедление темпа мировой революции. Во втором случае налицо был бы советско-китайский блок, охватывающий около ¼ всего мира и ⅓ человечества,—блок, который имел бы огромную магнетическую силу для трудящихся всех стран, для 300-миллионной Индии, Индонезии, угнетенных колониальных и полуколониальных народов всех стран,—мы бы имели мощное расшатывание основ мирового империализма, огромную зияющую брешь в политике изолирования СССР, значительно ускоренное развитие мировой революции.

Такова в перспективе великая дилемма, таково фатальное «или—или» китайской революции. Пока-что компартия только начала борьбу за вторую альтернативу, пока-что Китай разбит на три лагеря—полуфеодальной контрреволюции (Чан-Цзо-Лин), межеумочной мелкобуржуазной псевдо-революции (Чан-Кай-Ши) и, наконец, лагерь, в котором силы революции еще имеют легальные возможности для деятельности, но в котором со дня на день следует ожидать контрреволюционного переворота (Ухан)[1]. И так как об'единенного Китая в настоящий момент не существует, то термин «советско-китайские отношения» представляет нечто весьма неопределенное. Наши «отношения» с пекинским правительством после налета прерваны. Само это правительство, сфабрикованное отныне официальным диктатором Чжан-Цзо-Лином, висит на волоске, т. к. Пекину угрожают армии Ухана и Нанкина. Но насколько вероятно вытеснение Чжан-Цзо-Лина из Пекина, настолько мало вероятно изгнание его из Манчжурии, где его усиленно будет поддерживать Япония и где он будет готовить нам одну провокацию за другой.

Что же касается нанкинского и уханского правительства (поскольку последнее катится по наклонной плоскости в об'ятия чанкайшизма), мы с их стороны должны ожидать по отношению к СССР упомянутой политики лавирования по образу кемалист-

[1]) Эти строки написаны до окончательного разрыва между гоминданом и компартией. *М. Т.*

ской Турции, в данном случае лавирования между Москвой и Вашингтоном.

Тут, как мы уже указывали, перед нами проблемы величайшей важности, но так как в Китае в настоящий момент все находится в чрезвычайно быстром движении, то мы ограничиваемся лишь постановкой вопроса и набрасыванием общих контуров наметившейся дилеммы советско-китайских отношений.

Япония.

Развитие наших взаимоотношений с Японией в последнее время определялось преимущественно ситуацией в Китае, который японский империализм рассматривает, как поле для своей экономической экспансии. При этом особую роль играет Манчжурия, как «сфера влияния» Японии.

Английская дипломатия, как известно, пытается использовать эту заинтересованность Японии в Китае, чтобы толкнуть ее на широкую военную интервенцию против революционного Китая, которая одновременно была бы направлена против СССР. И если японский империализм до сих пор на это не пошел и «ограничился» локальными интервенциями (Шанхай, Циндао), это об'ясняется, конечно, не теплыми чувствами по отношению к китайской и российской революциям. Японские империалисты крепко держатся за Манчжурию. Приносить жертвы для распространения влияния ставленника далеко за пределами Манчжурии им не особенно выгодно, во-первых, потому, что интервенцией Япония настроит против себя весь китайский народ, с которым она хочет торговать, во-вторых, потому, что чрезмерное усиление Чжан-Цзо-Лина грозило бы его высвобождением из-под японского влияния; в-третьих, потому, что это настроило бы против нее, с одной стороны, СССР, с другой—Соед. Штаты.

Вот почему японский империализм до сих пор «ограничивался» подзуживанием исподтишка Чжан-Цзо-Лина против СССР, стараясь в то же время поддерживать удовлетворительные отношения с СССР, а также с Кантоном, бывшей столицей революционного Китая. В отношении СССР японский капитал весьма ценит широкие экономические возможности, в частности, нефтяные концессии на Сахалине, лесные—в Приморье и т. д. Концессии эти действительно им получены. В отношении Кантона, Япония пыталась играть роль друга китайского народа, что совпадает с ее пан-азиатскими устремлениями. Вот почему Япония до последнего времени отказывалась открыто солидаризоваться с политикой английского империализма в Китае и играла в либерализм.

Но по мере углубления китайской революции в Японии начинает усиливаться играющая специфическую роль в жизни страны милитаристская каста, которая требует от правительства «решительной борьбы с большевизмом в Китае». Есть основания опасаться, что приход к власти в Японии в апреле 1927 г. кабинета генерала Танака означает усиление этих элементов. Имя Танака тесно связано с интервенцией в Сибири, в которой нынешний премьер, в то время военный министр, играл особую роль. Танака является лидером партии сейюкай, занимающей еще более правую позицию, чем ушедшая от власти партия кенсекай. Наконец, говорит сама за себя и декларация нового премьера:

«В вопросе о коммунистической деятельности в Китае, — заявил Танака,—Япония едва ли может остаться равнодушной, так как Япония жизненно заинтересована в сохранении мира на Востоке вообще и, кроме того, географическое положение Японии делает ее непосредственно и наиболее глубоко уязвимой по отношению к проявлениям этой деятельности. Япония будет неизменно сотрудничать в этом вопросе с державами. После обсуждения особого характера связанных с этим вопросом проблем в надлежащее время будут приняты предложенные меры».

За этим заявлением о «сотрудничестве» с другими державами по вопросу о коммунистической деятельности в Китае, которое в переводе с дипломатического языка на простой язык означает не что иное, как участие в интервенции против китайской революции, однако, следует оговорка: «Я уверен, что позиция, которую мы теперь занимаем, не будет дурно истолкована нашим дружественным соседом—Россией».

Трудно сказать, как можно «хорошо» истолковать такое заявление. Дурные факты сами говорят за себя. Последовавшие за декларацией события—усиление японских экспедиционных войск в Шанхае, Ханькоу и Тянцзине, высадка войск в Шандуне, слухи о возобновлении англо-японского союза, — все это заставляет опасаться, что мы имеем дело с переломом в сторону усиления агрессивных тенденций в японской политике.

Соединенные Штаты.

Отношение американской буржуазной печати к англо-советскому разрыву ясно выявило общую враждебность американского империализма к СССР. Отдельные голоса прогрессистов и тех деловых кругов, которые хотели бы использовать разрыв для расширения торговли с СССР, заглушаются в общем хоре враждебных комментариев. Любопытно отметить, что даже такая антианглийская газета, как «Chicago Tribune» (19/V) выступает в защиту поруганного большевиками «британского престижа» и высказывает сожаление по поводу нерешительности умеренных консерваторов, «не соответствующей высокому уровню британской дипломатии в прошлом». При этом реакционная газета, естественно, одобряет политику непризнавания советского правительства Соед. Штатами. Даже «World», орган оппозиционной демократической партии, одно время относившийся к СССР менее враждебно, нежели печать республиканской партии, также выступает в роли защитника Британской империи против «разжигающего бунты» СССР (передовая от 26/V).

Одновременно американская печать сообщала, будто американский посол в Лондоне Хоутон собирается в Вашингтон для доклада правительству о необходимости принять решительные меры борьбы с антиамериканской большевистской пропагандой, наличие которой якобы доказано «документами», обнаруженными при налете на «Аркос». С моментом англо-советского разрыва совпали также официальные выступления американских государственных деятелей против «разрушительной» деятельности Коминтерна. Потом последовал выпад президента Кулиджа. В своей речи на кладбище в Арлингтоне 29 мая, посвященной памяти павших в мировой войне воинов, Кулидж заявил: «Если мы хотим завоевать влияние в деле сохранения порядка, закона, спо-

койствия и мира, мы должны быть готовы принести те жертвы, которые требуются для того, чтобы жить согласно этим правилам в собственном доме. Если бы наша страна превратилась в арену дезорганизаторской деятельности людей, совершающих преступления и насилия против нашей трудолюбивой страны и существующего в ней строя, то мы в интересах самосохранения и с целью ограничения злоупотребления свободой должны были бы изменить основу нашего государства—конституцию».

Эту речь, не нуждающуюся в комментариях, американская печать открыто ставила в связь с налетом на «Аркос» и англо-советским разрывом. Еще более резкий характер носило выступление американского посла в Париже Геррика, использовавшего тот же день памяти жертв войны для провокационных, возмутительных выпадов непосредственно по адресу советского правительства.

«Россия, — заявил в тоне печальника посол Уолл-стрит, — являет самый печальный пример морального крушения(!)... Когда люди нового режима заявляют, что они говорят от имени великого народа, то они никого не обманут... Когда по улицам города, в котором существует полиция охраны порядка, бегает сумасшедший, то следует раньше всего позаботиться о том, чтобы поместить его в надежное место и попытаться вылечить его. Что он сам говорит о своей болезни, это совершенно не важно, пока он свободно бегает и имеет возможность кусаться».

И хотя Геррик по старому трафарету пытается отделить советское правительство от «самой по себе доброй расы», он, не выдерживая стиля тут же обрушивается на «неразумную нацию, которая может быть хуже Нерона», и заявляет, что Америка «не позволит беспрепятственно действовать банде людей, которые с дьявольской изощренностью хотят впустить нашим (американским) гражданам смертельный яд».

И хотя Геррик оговаривается, что Соед. Штаты «не помышляют о том, чтобы нападать на советский строй в самой России, которая должна сама отвечать за то, что делает на своей территории», все же эта речь очень сильно отдает душком интервенции.

Этот приступ большевикоедства американского капитала об'ясняется его раздражением по поводу противодействия, оказываемого всей Латинской Америкой его походу на Никарагуа и Мексику. Чтобы ввести в заблуждение общественное мнение относительно истинных причин усилившегося в Лат. Америке движения против империализма янки, в ход пускается излюбленное патентованное средство—«большевистские интриги», при чем дело доходит до открытых угроз войной Советскому Союзу. Так, например, реакционная «Washington Post», инсинуируя, будто советское правительство провоцирует войну с Западной Европой и «восстание на Дальнем Востоке», пишет: «Мы предупреждаем, что если коммунистическая деятельность распространится в Латинской Америке (этот континент северо-американский империализм, очевидно, уже рассматривает как свою колонию. *М. Т.*) и в Соединенных Штатах, то мы не останемся нейтральными». Напомним еще о диких, основываемых на «документах», захваченных при налете на полпредство в Пекине, измышлениях американского адмирала Киттеля о том, что советские агенты предложили профсоюзам в Манниле (на Филиппинах) взорвать амуниционные склады (!).

Все это, без сомнения, показывает, что под влиянием *роста национально-освободительного движения в колониях и полуколониях американского империализма значительно усилилась враждебность последнего по отношению к СССР и создались предпосылки для известного согласования действий американских и английских империалистов, несмотря на раздирающие их противоречия.*

На этот новый и опасный фактор ни в коем случае не следует закрывать глаза. Опасность эта тем более велика, что в отличие от Англии в Соед. Штатах в результате исключительной отсталости американского рабочего движения противодействие пролетариата агрессивным планам буржуазии не представляет собой серьезного фактора. Ведь Америка—единственная страна, профсоюзных лидеров которой нельзя даже называть социал-предателями, нельзя даже так «титуловать», ибо они никогда ничего общего с социализмом не имели, потому что они составляют банду шкурников, наймитов капитала, которые в отличие от европейских соглашателей в социализм не играют и открыто высказываются за увековечение капиталистической системы. Ведь Америка — единственная страна, где профсоюзные jobholder'ы (американский термин для «держателей местечек» в профаппарате) из года в год на с'ездах об'единения профсоюзов проводят резолюции против признания советского правительства. Ведь только в Америке нашелся такой «рабочий лидер», который в связи с англо-советским разрывом потребовал, чтобы «свое» отечественное правительство последовало примеру английского и совершило налет на торговые органы советского правительства! (Сей профмерзавец—Мэтью Уолл, вице-председатель Американской Федерации Труда).

В Америке, следовательно, имеются налицо исключительные условия, и если бы американская долларократия вздумала вмешаться в интервенцию против СССР, то она при этом встретила бы еще меньшее сопротивление, чем во время мировой войны. А ведь над тем, как американская буржуазия бросила свой народ в мировую бойню, следует серьезно призадуматься: самого понятного для масс—предлога «защиты родины»—не было: враг был за океаном и нападать на Америку не собирался. Была, конечно, торговая конкуренция в Лат. Америке и др. странах, была борьба за острова на Тихом океане и т. д. Но ведь этого народу нельзя было рассказать; за это он не пошел бы воевать, тем более, что в Соед. Штатах живут миллионы немцев, ирландцев, иммигрантов всех национальностей, бежавших из тюрьмы народов—царской России, которые имели свои счеты со странами Антанты. И все же буржуазия с помощью своих колоссальных партийных аппаратов (республиканская и демократическая партия), с помощью тысяч трижды продажных растленных органов печати, целой армии проституированных «мужей науки» и служителей церкви бросила народ в бойню, бросила под лживым лозунгом «обеспечения демократии в мире» (to make the world safe for democracy), в который народ действительно поверил.

И—увы!—впутать американский народ, находящийся в полной моральной кабале у буржуазии в интервенцию против СССР не было бы труднее. Причин же для этого с точки зрения наиболее воинствующих элементов американской буржуазии достаточно.

Они не могут простить СССР той «большевистской бестактности», что он стал поперек дороги американскому империализму, стремящемуся к закабалению Латинской Америки, Китая, Европейских стран—к мировой гегемонии. И эта ненависть к СССР в значительной степени нейтрализует экономическую заинтересованность в торговле с СССР, которая, кстати говоря, играет незначительную роль в общей внешней торговле Соед. Штатов, в свою очередь составляющей меньше 10% всей продукции. Эта ненависть к Стране Советов также ослабляет влияние соперничества с Англией и Японией и в соответствующей исторической обстановке может стать опасной для нас.

Опасность эта уменьшается в виду того, что американский империализм, инвестировавший в Европе около 3-х миллиардов долларов не заинтересован в европейских потрясениях, которые явились бы результатом интервенции против СССР. Но если бы английскому империализму удалось поставить Соед. Штаты перед совершившимся фактом интервенции, то агрессивные антисоветские круги американской буржуазии взяли бы верх.

«С.-А. С. Ш., — гласит резолюция об'единенного пленума ЦК и ЦКК по докладу т. Бухарина 9 августа 1927 г.,—не заинтересованы в европейской катастрофе, сопряженной с риском для огромных американских капитальных вложений. Но и они, несмотря на англо-американский антагонизм, выявившийся и на последнем конфликте с Великобританией из-за морских вооружений и т. д., разумеется, будут помогать английскому империализму в случае конфликта» (с СССР).

Так стоит вопрос в смысле опасности интервенции. Что же касается самых ближайших перспектив американско-советских отношений, то они несколько улучшились под влиянием серьезного обострения англо-американских отношений (провал тройственной конференции в Женеве и конфликт между американскими и английскими нефтяниками в борьбе за советскую нефть). Наша миролюбивая политика и готовность на уступки по отношению к Соед. Штатам может усилить эти тенденции.

Что же касается опасностей, таящихся в дальних перспективах, то их не следует преувеличивать. Нужно имет в виду, что усиление американского империализма идет за счет ослабления других наших врагов—в частности английского империализма—и что это усиление вызывает в других буржуазных странах опасения закабаления со стороны Уолл-стрит, что улучшает наши позиции. Все это обостряет противоречия между империалистическими участниками антисоветского фронта. Эти противоречия сыграли значительную роль в крушении интервенции 1917—1920 гг., и они вновь будут лить воду на нашу мельницу, когда враги вздумают взять реванш.

А ведь со времен интервенции мы колоссально выросли в экономическом и военном отношениях; выросла и мощь наших союзников в странах наших врагов, где в 1917—1920 гг. компартии и революционные профорганизации стали только складываться; улучшилась в нашу пользу вся мировая обстановка, на которую все глубже и глубже накладывает печать растущая борьба пролетариата и всей пробуждающейся угнетенной части человечества. Все это дает нам полное основание смотреть прямо в лицо всем опасностям и твердо верить в победу.

Х. С. Гуревич.

Проблемы экономической подготовки к обороне.

(В порядке постановки вопроса).

Советскому Союзу в условиях капиталистического окружения всегда приходится заботиться об обеспечении возможности строительства социализма, о готовности к обороне.

В настоящее же время вопросы обороны, и в частности экономической обороны, становятся особенно актуальными.

Разрыв сношений с нами со стороны английского правительства знаменует начало нового периода в истории наших международных отношений. Его можно охарактеризовать, как период непосредственной угрозы войны, как период непосредственной военной опасности.

Период этот может быть более или менее коротким или более или менее длительным, но он наступил, и с этим приходится считаться.

Касаясь здесь некоторых проблем экономической обороны, прежде всего приходится отметить, что *область эта вообще очень мало разработана.*

Собственно, самое значение экономической подготовки к обороне стало ясным лишь со времени мировой империалистической войны. Эта война, в которой участвовали миллионы людей, показала, какие колоссальные изменения и перестроения переживал весь народнохозяйственный организм в процессе приспособления к удовлетворению неисчислимых требований фронта. Она поставила впервые во весь рост проблему связи и зависимости между военной и хозяйственной мощью страны. Она поставила впервые во весь рост и проблему экономической подготовки к обороне.

Планирование экономической обороны.

Заблаговременный прогноз тех *требований*, которые пред'явит оборона, тех *перераспределений производительных сил*, которые потребует удовлетворение этих требований, тех форм и методов *распределения продукции* страны, которые необходимо будет применить для спабжения населения,—вот прежде всего главнейшие проблемы экономической подготовки.

Влияние на то или иное разрешение этих проблем социально-экономического строя и государственного устройства страны не требует доказательств.

В этом отношении Советский Союз находится в исключительных условиях.

То, что наше хозяйство по самому своему существу является плановым хозяйством, то, что эта плановость все больше усиливается и совершенствуется, то, что в руках нашего пролетарского государства находятся экономические командные высоты, то, что вообще *одной из самых основных функций нашего государства является управление или регулирование решающих отраслей народного хозяйства*,—все это делает нас особенно гибкими, особенно сильными в вопросе приспособления народного хозяйства к нуждам и интересам обороны.

В то время как империалистическим государствам приходится приниматься за дело регулирования производства и распределения в широком масштабе лишь во время войны и при этом действовать в тех границах, которые ставят интересы тех или иных группировок господствующих классов,—советскому государству в случае войны придется *продолжать свое обычное дело* руководства народным хозяйством, лишь изменяя методы и задачи этого руководства.

В этом смысле наш социально-экономический строй, являющийся строем более высокого порядка, чем капиталистический, дает нам огромные преимущества и огромный перевес над капиталистическими противниками.

Но здесь необходимо учесть, что подготовляемая против нас *война не будет единоборством*, поединком между напавшим па нас капиталистическим противником, с одной стороны, и Советским Союзом, с другой стороны.

Нет сомнений, что остальные капиталистические страны в большей или меньшей степени, более или менее явно или тайно, но будут оказывать нашему врагу всяческую помощь, в том числе, конечно, помощь экономическую.

Отсюда же следует, что нам не приходится полагаться на преимущества, коренящиеся в самой структуре нашего хозяйства, а необходимо изучить все сильные и слабые его стороны с точки зрения приспособления к обороне, с точки зрения экономической подготовки к ней.

Нам необходимо подготовиться к тому, чтобы бросить на чашку весов и *пустить в ход целиком и полностью все наши преимущества*, все наши сильные стороны, когда история потребует от нас защиты страны строящегося социализма.

В этих целях нам прежде всего надо суб'ективно перестроиться, мобилизоваться и создать, в первую очередь, *среди хозяйственных теоретико-экономических и плановых работников* усиленный интерес к вопросам экономической обороны.

Это необходимо для того, чтобы на самом деле быть подготовленным и сразу, *без замешательств* повернуться лицом к противнику не только действующей армией, но и всей хозяйственной системой страны.

Это необходимо для того, чтобы заблаговременно, еще в мирное время, еще в процессе разработки и увязки планов *обнаружить «узкие места»* в области экономической готовности и принять меры к их преодолению.

Это необходимо также и для того, чтобы фактом своей готовности к отпору противодействовать политике втравливания в конфликты и войну против нас, которая сейчас ведется.

Сознание всей важности подготовки народного хозяйства к обороне должно проникнуть *во все наши планирующие и хозяйственные органы снизу доверху*, от завода, который заблаговременно должен знать свое место и свои функции в системе обороны и подготовляться к их выполнению, до наркоматов, которые, на основе требований обороны и учитывая ресурсы и возможности соответствующих отраслей народного хозяйства, *должны предусмотреть способы и программу удовлетворения требований обороны в широком смысле слова*, в виде плана мероприятий и деятельности как на момент перехода к состоянию войны, так и на время ее ведения.

Такие отраслевые планы должны быть синтетически об'единены, пригнаны друг к другу с точки зрения взаимной слаженности, максимальной эффективности, а также с точки зрения наиболее безболезненного установления народнохозяйственого равновесия на новой базе военной экономики.

Такое планирование и изучение связанных с ним теоретических проблем является делом колоссальной важности, переоценить которое не представляется возможным.

Также невозможно переоценить и значение наших плановых органов в указанной работе.

Роль плановых органов будет особенно большой в условиях военной экономики. Этим органам, сосредоточивающим в себе опыт по планированию народного хозяйства во всех масштабах и разрезах, суждено, несомненно, сыграть исключительно большую роль в деле организации и руководства народным хозяйством во время войны.

В лице плановых органов мы имеем потенциальные штабы экономической обороны. Это необходимо полностью и заблаговременно учесть, чтобы сделать соответствующие выводы.

Итак, в области планирования экономической обороны мы имеем все об'ективные предпосылки быть сильными. Однако, исчерпать задачу экономической подготовки только одним планированием—значит решать чрезвычайно важную, исключительно важную часть задачи, но все же не всю задачу.

Текущая экономическая подготовка.

Необходимо и в нашу текущую оперативную экономическую деятельность и в наше текущее и многолетнее планирование вносить точку зрения подготовки к обороне. Необходимо найти какое-то определенное место интересам обороны в указанной области.

Сознания этой необходимости не так просто и легко достигнуть.

Суть в том, что линия на подготовку к войне не совпадает с общей линией строительства социализма и реконструкции народного хозяйства—и вот почему.

Наша установка на индустриализацию, на реконструкцию народного хозяйства, на под'ем страны на более высокую ступень органически связана с политикой известного *самоограничения в настоящем* для накоплений и вложений *в строительство, которое даст эффект в будущем*. Таким образом, творческое, созидающее начало является у нас ведущим и имеет примат над началом потребительским.

Война же экономически представляет собой процесс массового непроизводительного потребления, массовой растраты народного труда и достояния. Одна только *подготовка к войне сама по себе вносит уже усиление элементов потребления* в настоящем и некоторое ослабление накоплений, а отсюда и строительства для будущего. В этом, между прочим, одна из причин того, что государство победившего, творческого класса, государство строящегося социализма проявляет такое терпение в вопросах международных осложнений.

Тем не менее усиление элементов обороны и в нашей текущей деятельности должно теперь найти свое отражение.

Здесь, однако, могут указать, и, вообще говоря, справедливо указать, что общая линия на индустриализацию страны, на ее экономическо-культурный прогресс является одновременно и линией на усиление ее экономической мощи и, следовательно, усиление ее обороноспособности во всех отношениях, в том числе и в отношении экономической обороны. Но в настоящих условиях такая *общая постановка вопроса является неполной и нуждается в дополнениях, в коррективах, в дифференциации.*

Точка зрения обороны выдвигает теперь целый ряд крупнейших проблем.

Так, например, совершенно ясно, что для осуществления экономической подготовки в области промышленности придется разрешить вопрос о некотором перераспределении вложений между отдельными отраслями внутри промышленности, как в отношении нового строительства, так и в отношении расширения существующих предприятий. Придется усилить вложения в те отрасли промышленности, которые теперь работают или будут работать на оборону во время войны. Придется также разрешить вопрос об усилении, по целому ряду причин, вложений и в те отрасли промышленности, которые обслуживают массовые потребности населения вообще и в первую очередь деревенского.

Значение деревни, и теперь большое в нашей аграрно-промышленной стране, возрастет еще больше в военное время. Деревня будет главным резервуаром для питания армии и страны.

Отсюда ясно, что необходимо заблаговременно начать подготавливать товарный фонд, который бы облегчил задачу получения продовольствия из деревни. Отсюда ясна необходимость мероприятий для увеличения производительности отраслей промышленности, работающих на сел.-хоз. рынок.

С этим же связана и проблема увеличения производительности труда в сельском хозяйстве, из которого, помимо большого количества работников, будет из'ята во время войны и тяговая сила по конским мобилизациям. В частности встает проблема максимального увеличения урожайности и усиления для этого борьбы с засушливостью, тракторизации, землеустройства и т. д., и т. п. Все это подсказывает необходимость посильного увеличения финансирования сельского хозяйства.

Коснувшись проблемы создания *товарного фонда страны*, надо сказать, что с точки зрения обороны эта проблема приобретает самостоятельный характер. Ограничиваться теперь рамками соображений о сезонности и бесперебойности текущего снабжения промышленности и населения представляется недостаточным, как бы это ни было желательно с точки зрения хотя бы задачи ускорения обращения капитала в стране. Проблема создания

общегосударственного фонда специально-подобранных запасов чрезвычайно важна во многих отношениях и в том числе, главным образом, с точки зрения обеспечения известной плавности, безболезненности в деле перевода страны с мирных рельс на военные. Этот *фонд должен, таким образом, иметь значение пружин, рессор, которые дадут возможность государству избежать резких сотрясений при приспособлении страны к новым, военным условиям жизни.*

В тесной связи с изложенным встает проблема изменения политики импорта. Возрастает значение ввоза оборудования, сырья, материалов и т. д. для промышленности и отраслей народного хозяйства, работающих на оборону или удовлетворяющих массовые потребности сельскохозяйственного населения.

Не может избежать коррективов и районный разрез. Особо важные с точки зрения обороны отрасли народного хозяйства должны усиливаться в тех районах, которые более гарантированы от опасностей военных действий. Районы, которые во время войны в течение всего ее периода должны будут служить *опорными пунктами* в смысле получения необходимых ресурсов, имеют, таким образом, преимущество в деле развития в них соответствующих отраслей народного хозяйства. Это относится в той или иной степени к самым различным отраслям. Конечно, такой подход встретит возражения со стороны некоторых районов и здесь осознание интересов обороны в целом особенно важно.

Разбираемая проблема экономической подготовки *требует широкого прогноза в область того, что стране придется переживать в военное время.* Прежде всего можно, конечно, предвидеть товарный голод и связанную с ним возможность спекулятивного его обострения.

Не буду касаться здесь вопросов нормирования снабжения. Конкретная постановка этих вопросов связана с работой по планированию экономической обороны. Практически они будут разрешены в зависимости от масштаба войны, от ее периода, от размеров той части промышленности, которая будет работать на удовлетворение мирных потребностей, от величины урожая, от размеров товарно-материального фонда, который будет накоплен в стране и т. д., и т. п. Нет сомнений, что *в новую войну мы вступим в экономическом отношении более богатыми, более организованными, чем были в гражданскую войну.* Теперь у нас имеется налаженная, мощная промышленность, выбрасывающая довоенную продукцию. У нас имеется теперь готовый аппарат для распределения предметов обращения в стране в виде огромной сети кооперативных и государственных торговых организаций, который еще в мирное время фактически осуществляет большую и все возрастающую часть товарообращения страны.

Ни одно из капиталистических государств не имеет такого мощного аппарата обмена и распределения, как наша кооперативная и государственная торговая сеть. Во время войны вопросы распределения приобретают особенно важное значение, и здесь, в частности, сказывается одно из тех преимуществ нашего советского строя, о которых говорилось вначале. Для регулирования распределения в военное время мы имеем возможность и должны будем использовать существующие торговые аппараты кооперации и государства, которые широко внедрились в народнохозяйственную жизнь, которые стали привычными и близкими для населе-

ния и ведут свою работу не с точки зрения частных интересов, как в капиталистических странах, а с точки зрения интересов пролетарского государства. *Необходимо заранее уяснить себе те новые и исключительно важные задачи, которые встанут перед кооперацией и госторговлей во время войны, к ним подготовиться.*

Такая роль у нас кооперативного и государственного торгового аппарата подсказывает нам и политику в отношении частнокапиталистического сектора в области торговли.

Нашим торговым организациям, с точки зрения интересов обороны, необходимо вести *линию на максимальное вытеснение и замену частнокапиталистических элементов в сфере обращения путем неустанного улучшения качества своей работы.* Чем больше охватит сферу обращения наш торговый аппарат, тем легче он исполнит свои задачи во время войны, тем безболезненнее будет ощущать народное хозяйство переход на военное положение, тем меньше будет возможностей для спекуляции, тем слабее будет ощущаться товарный голод. Отсюда ясен тот сугубый интерес, который должен быть проявлен к вопросам использования и приспособления кооперативного и государственного торгового аппарата в военное время.

Если в области обращения, с точки зрения интересов обороны, подсказывается линия на замену, вытеснение частных элементов, то в области кустарно-ремесленного производства эти интересы подсказывают в общем положительную политику. Во время войны, когда потребуется колоссальное напряжение всех производительных сил страны, то подспорье, которое может оказать в области увеличения продукции такая частная промышленность, должно быть учтено, изучено и использовано. Встает также вопрос и о привлечении, в соответствующих пределах, в некоторые участки промышленности частнокапиталистических средств. К такой политике, требующей, конечно, *особенно дифференцированного подхода,* предрасполагает и учет тех сильных позиций, которых *мы не имели в гражданскую войну, которые мы имеем теперь и будем иметь в грядущую войну в лице выросшего мощного кооперативного и государственного аппарата заготовок и распределения.* Нет сомнений, что последнее обстоятельство, равно как и функционирование мощной советской промышленности, внесет смягчающий фон в экономические условия грядущей войны.

Проблема использования кооперированной и частной кустарно-ремесленной промышленности для нужд обороны должна стать предметом внимания, в особенности в местных органах.

Приведенные выше соображения о внесении в текущую экономполитику интересов обороны мыслятся не как призыв к ломке основной линии на реконструкцию народного хоз-ва, а как некий навязанный нам извне дополнительный фактор, который должен найти свое отражение, в интересах защиты завоеваний революции, и во всей нашей текущей деятельности в пределах общей установки. Здесь, как и в других областях нашей деятельности, должен быть найден какой-то оптимум необходимого и возможного с точки зрения интересов пролетарского государства в целом.

Т. А. Тирзбанурт.

Наша безработица.

(Об'единенная оппозиция в борьбе с безработицей).

Значительные размеры существующей в СССР безработной армии и ее возрастание за последнее время уже давно выдвинули проблему борьбы с безработицей на одно из виднейших мест в ряду социально-экономических задач Советского Союза. Это один из злободневнейших вопросов дня, на котором особенно усердно спекулирует оппозиция.

Вот почему необходимо еще и еще раз браться за освещение положения нашей безработицы и тех мероприятий, которые партия проводит и намерена в дальнейшем проводить в целях ее смягчения и окончательной ликвидации. При этом необходимо вскрыть всю лживость, которой проникнута «платформа» об'единенной оппозиции в этом вопросе.

I. Характер и причины нашей безработицы.

Известно, что безработица при капитализме является не только неизбежным следствием отношений эксплоатации и анархии производства, но и одним из необходимых условий для поддержания равновесия и развития всей капиталистической системы. Без резервной промышленной армии капитализм не в состоянии устанавливать нормальные соотношения между отдельными отраслями народного хозяйства, без нее не может быть свободного, основанного на конкуренции, найма рабочей силы, и, следовательно, невозможна свободная эксплоатация труда.

В СССР, где для эксплоатации осталось место лишь в частнохозяйственном секторе, где принцип конкуренции ограничен государственным регулированием, а пропорциональность в развитии отдельных отраслей хозяйства устанавливается на основе планового начала, госпромышленность в существовании безработной армии не нуждается. Напротив того, безработица в условиях нашего государственного хозяйства становится болезненным и вредным наростом.

Если капитализм усиленно наводняет рынок труда в периоды своих промышленных кризисов, то у нас безработица существует на фоне общего хозяйственного роста Советского Союза. Если там безработица неизбежно связана с понижением жизненного уровня пролетариата и обнищанием масс, даже занятых в производстве, то увеличение рядов безработных в СССР уживается с повышением заработной платы рабочего, с общим улучшением материального положения трудящихся. Если армия безработных в капиталистических странах пополняется *главным образом* за счет увольнения индустриальных рабочих, то у нас

на ряду с некоторым увеличением безработицы происходит и рост количества занятой рабочей силы в промышленности.

Отсюда ясно следует, что в основном безработица в СССР носит совершенно особый характер, что в основном она обусловлена причинами, ничего общего с сущностью капиталистической безработицы не имеющими.

Причины специфически капиталистического порядка действительны в наших условиях лишь в отношении явления безработицы, связанного с существованием и известным ростом частнохозяйственного капиталистического сектора. Оппозиция (Сапронов—Смирнов) не хочет признать этого и упорно старается все явления нашей безработицы характеризовать как явления капиталистические.

Но факты весьма упрямая вещь, и они вовсе не намерены в угоду оппозиционным «доказательствам» менять свое лицо. *Основная*, характерная причина нашей безработицы коренится в технической и культурной отсталости всей страны и особенно деревни, в аграрном перенаселении, в слабо развитой промышленности, разрушенной в семилетней войне. Это—наследие, которое получил советский пролетариат от царской России.

Однако, движимая могучими стимулами, заложенными в нашей общественно-экономической системе в результате Октябрьской революции, страна за шесть лет мирного труда бурно развивала свое хозяйство и достигла почти во всех его частях довоенного уровня. Число лиц, занятых во всех областях наемного труда, к настоящему времени превышает 10 миллионов человек. Наши достижения признает даже буржуазия, но их пытаются умалить в фракционных целях наши оппозиционеры. Заверив, что «темп индустриализации в капиталистическом обществе должен быть достаточным, чтобы... *обеспечить поглощение высвобождающихся в результате технического прогресса* рабочих рук» (курсив автора. *Т.*) Майзлин-Смирнов утверждает, что у нас «*даже эта задача тем темпом индустриализации, который мы имеем до сих пор, и тем, который намечается в будущем, далеко не обеспечена*» (курсив Майзлина. *Т.*) [1]).

Майзлину помогает Сапронов: «темп расширения нашей промышленности совершенно недостаточен и с точки зрения поглощения прироста рабочей силы».

Из Майзлинского заверения следует, во-первых, что при капитализме никакой резервной армии существовать не полагается, а во-вторых, что в строящемся социалистическом обществе проблема безработицы не может быть разрешена. Подобный «ценный вклад», вносимый оппозиционерами в экономическую науку, немногим хуже гельфердинговского «вклада», который не так давно об'явил организованный капитализм социализмом!

Почти во всех воевавших странах мы наблюдаем значительное понижение жизненного уровня трудящихся и в особенности пролетариата.

Современная безработица в двух главнейших европейских странах—Англии и Германии—в несколько раз превышает довоенные ее размеры. Так, например, в Англии в довоенные годы было около 700 тыс. безработных (5% от общего числа лиц наемного труда), а в 1926 г.—2.000.000 человек (12,7% от

1) «Большевик», № 4, 1926 г.

общей массы наемного труда). В Германии же 2.800.000 (1926 г.) против 600 тыс. в довоенное время, т.-е. почти в 5 раз больше (что составляет в % отношении к массе наемного труда в стране—22,7%, а 1913—14 гг.—12,7% [1]).

Мы несравненно более успешно, нежели капиталистические страны, провели восстановление нашего хозяйства. В отношении дальнейшего развития цифры определенно говорят за то, что темп нашего развития гораздо выше капиталистического темпа [2]).

Возьмем, например, некоторые главнейшие отрасли производства. Средне-месячная добыча угля в СССР против 1925 г. выросла в 1926 г. на +49,4% и в первом квартале 1927 г. на +70,9%, в то же время соответствующие цифры для всего (включ. С.-А. С. Ш.) мирового хозяйства (без СССР) дает в 1926 г. —1,6% и в первом квартале 1927 г. +21,3%. Производство чугуна сравнительно с тем же 1925 г. выросло у нас в 1926 г. на +58,4% и в первом квартале 1927 г. на +92,7%, в то время как для капиталистического хозяйства мы имеем такие росты: +1,0% и +9,6%. Аналогично исчисленные коэффициенты по производству стали будут для СССР +47,2% и +68,7% и для всего мирового хозяйства без СССР +0,13% и +16,0%. Добыча нефти у нас за 1926 г. возросла на 21,6%, в капиталистическом хозяйстве на 2,7%.

И при таком темпе нашего роста оппозиция кричит, что у нас разрешение проблемы безработицы не обеспечено, что наша безработица чудовищно растет и т. д.!

Да, армия безработных в СССР довольно значительна. Она имеет еще тенденцию к некоторому возрастанию. Это верно, но верно и то, что партия и ЦК это видят, это учитывают и, учитывая это, борются с безработицей всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

По пятилетнему плану ВСНХ СССР мы будем иметь следующий рост количества лиц наемного труда и движение числа предлагающих свой труд:

	27/28	28/29	29/30	30/31	31/32
Число лиц наемного труда (в тыс).	10850	11318	11764	12171	12618
Число предл. труда (в тысяч.) .	2084	2199	2279	2274	2364
% ищущ. труда к числу занят. рабочих.	19,2%	19,4%	19,4%	19,8%	18,7%

Из таблицы видно, что к концу пятилетия после кульминационного 1930—31 года произойдет известный перелом: к этому времени процесс увеличения рабочей силы начнет опережать процесс предложения новых рабочих рук. Это говорит о том, что наше хозяйство и особенно промышленность в состоянии вобрать значительное число рабочей силы, в состоянии поглощать безработицу, но что эта способность парализуется весьма быстрым и непрерывным притоком новой рабочей силы извне. Следовательно, тут «вина» не промышленности. Ошиблись адресом. Главным поставщиком, питающим безработицу, является не про-

1) См. «Плановое Хозяйство» № 4, 1927 г., ст. Фреймана.

2) Исчислено по данным, опубликованным в «Экономическом Бюллетене Кон'юктурн. Ин-та НКФ» № 6 за 1927 г.

мышленность, а сельское хозяйство, не город, а деревня. В перенаселенности деревни лежит главный корень зла.

И оппозиция знает это. Она знает, что ежегодный прирост трудоспособного населения деревни составляет около 3 милл. чел., и, надеемся, она понимает, что переварить ежегодно три миллиона новых людей наше технически и культурно отсталое сельское хозяйство в настоящее время не в силах. Оппозиция знает, что в массе своей этот людской поток в поисках заработка направляется в города, наводняя и перегружая там рынок труда.

Деревня—главный источник, питающий армию безработных, но не единственный. Трудоспособное население прибывает и в городах, разумеется, эта масса в большинстве своем также поступает на рынок труда.

Пополняется безработная армия и из других, хотя и менее значительных, источников: пролетаризация торговцев и ремесленников, прекращение эмиграции, сокращение управленческого аппарата действуют в том же направлении. Наконец, наблюдается заметное увеличение предложения труда подростков и женщин по сравнению с дореволюционным временем.

II. Безработица и темп индустриализации.

Оппозиция, предвещая нам «гибель», главную причину ее «усматривает» в недостаточно быстром темпе нашей индустриализации. Бешеный темп развития промышленности—вот панацея, вот средство избавления от всех зол и напастей—«глада, мора и потопа».

Он уничтожит товарный голод в стране, он обеспечит все население всем необходимым в достаточном количестве. Он один способен поднять жизненный уровень трудящихся масс города и деревни, и он и только он в состоянии *искоренить нашу безработицу*.

Бесспорно и тривиально положение, что нашу задачу догнать и обогнать передовые капиталистические страны мы можем решить тем скорее, чем быстрее будет темп хозяйственного развития, но не в этом суть. Вся суть в том, как такой темп реализовать. Вся суть в том, каков этот самый темп: *желаемый* или *возможный*. Экономика, как это знавал даже Зомбарт, меньше всего зависит от мотиваций, от наших желаний и больше всего зависит от лимитаций, от об'ективных условий. Экономика, имеет свою логику, свои об'ективные законы развития, и лишь та экономическая политика будет правильна и целесообразна, которая строится в соответствии с этими законами и при учете их. Оппозиционерам следовало бы помнить эту марксистскую аксиому, ибо от ее забвения и проистекает вся их экономическая фантастика или фантастическая экономика.

Возможно ли при данных конкретных условиях реализовать темп развития нашей промышленности более быстрый, нежели тот, который взят ЦК и который зафиксирован в перспективных планах нашего хозяйственного развития? Для реализации более быстрого темпа индустриализации необходимо произвести перераспределение ресурсов страны, получить откуда-то добавочные средства. Но откуда думает оппозиция взять эти добавочные средства? В первую очередь—от частника путем повышения отпускных цен на промтовары. Уже достаточно ясно доказано, к чему приводит

политика высоких отпускных цен. Но, однако, это «признание» вовсе не обязывает оппозицию к отказу от повышения цен, и она попрежнему продолжает обрушиваться на ЦК, проводящий политику снижения цен.

Помимо всего прочего, повышение цен ведет к сокращению нормы душевого потребления, к обнищанию середняцкой и бедняцкой части деревни и стало быть, к закабалению ее кулацкой верхушкой. Этого ли хочет оппозиция? Не знаем. По крайней мере, она упрекает ЦК за то, что у нас душевое потребление отстает от довоенной нормы на 28%, что капитализм обеспечивает большую норму душевого потребления, нежели советская власть. В результате повышения цен норма душевого потребления, несомненно, сократится, деревня заживет не лучше, а хуже, беднее, голоднее. Классовая дифференциация деревни пойдет более быстрым темпом, аграрное перенаселение неизбежно увеличится, и рост безработицы пойдет в гору. Не выиграет ничего от повышения цен и рабочий. Его реальная заработная плата неизбежно понизится даже при условии некоторого ее номинального повышения.

Для партии вполне ясно, что оппозиционная политика повышения цен ведет не к ускорению темпа индустриализации, а к его замедлению и, в конечном счете, к полной приостановке развития промышленности. Она способна лишь разрушить достигнутое, расшатать с таким трудом завоеванные экономические позиции, ухудшить материальное положение трудящихся, увеличить еще больше безработицу и тем самым вызвать острое недовольство масс. Предлагаемое «сверхиндустриалистами» ускорение темпа индустриализации ни с какими об'ективными экономическими данными не согласуется и потому является фантастическим. *Чтобы в максимальной степени темп индустриализации ускорить, необходимо увеличивать накопление в стране путем всесторонней рационализации производства и управления, путем жесткого режима экономии во всех областях народного хозяйства, путем повышения качества всей нашей хозяйственной работы.* Это есть единственно правильный путь для наибыстрейшего продвижения вперед; только он в состоянии обеспечить рост всего народного хозяйства, могущий окончательно ликвидировать нашу безработицу.

III. Пути изживания безработицы.

1) Рынок труда и аграрное перенаселение.

Мы уже видели, как «искореняется» безработица «оппозиционным темпом». Если на одном конце народного хозяйства—в промышленности—на первых порах, в период лихорадочной ее стройки будет занято большее количество рабочих рук, то на другом его конце в это самое время вследствие диспропорции будет усиленно расти аграрное перенаселение—источник новой, дальнейшей безработицы, которую уже никакой бешеный сверхтемп поглотить будет не в силах. Ибо в ответ на неизбежное от повышения цен сокращение потребления крестьянство начнет выкидывать ежегодно новые миллионы своего населения в города.

Количество уходящих на заработки крестьян и в настоящее время непрерывно увеличивается. Так, в 1925 г. число уходивших на заработки крестьян по всему Союзу составляло 2.788.000

чел., а в 1926 г.—уже 3.220.000 чел., т.-е. увеличилось на 13,6%. Естественно, что при недостаточной материальной обеспеченности деревни значительная часть ушедших домой не возвращается в том же году (или вовсе не возвращается) и остается в городах. Количество ежегодно оседающих в городах крестьян за последние годы достигает громадных цифр—500—600 тыс. человек.

Вот откуда идет наша безработица. Основной ее поток идет из деревни. Цифры состава безработных неопровержимо доказывают это. Так, за 7 мес. с 1/X—26 г. по 1/V—27 г. число безработных, зарегистрированных на биржах труда Союза, возросло с 1.070.000 чел. до 1.428.000 чел., т.-е. на 358.000 чел. Значительная часть из них впервые предлагает свой труд. Так, из общего числа 1.428.000 безработных, 359.924 чел. (25,2%) никогда по найму не работали. Кроме того, 147.111 чел., т.-е. 10,3% общего состава безработных составляют сезонники. Количество же безработных индустриальных профессий составляет на 1/V—27 г.—232.000 чел., т.-е. 16,2% от всего числа безработных. Но—что особенно важно—этот процент индустриальных безработных непрерывно *понижается*. В январе 1925 г. он составлял 29,1%, а в октябре 1925 г.—21,9%.

Здесь особенно ярко видна вся лживость оппозиции, когда она заявляет, что «индустриальные безработные растут быстрее всего», т.-е. быстрее других групп безработных и, следовательно, притекающих из деревни.

На самом же деле процент индустриальных безработных меньше чем за 2½ года упал чуть не в 2 раза, с 29,1% до 16,2%. Но и этот последний, сравнительно высокий, процент в значительной мере явился результатом постановления, принятого VII С'ездом Профсоюзов, которое требует от временных безработных членов профсоюзов обязательной регистрации на биржах труда, вследствие чего количество зарегистрированных безработных членов профсоюзов за время с 1/X—26 г. по 1/III—27 г. увеличилось на 50%, тогда как в предыдущем году за тот же период оно возросло на 22,6% [1]). Этот факт следует особо подчеркнуть, так как оппозиционеры «доказывают», что наш темп индустриализации ведет к чудовищному «выплевыванию» промышленных рабочих на рынок труда. Они не брезгают ничем и при всяком удобном и неудобном случае искажают факты в качестве «доказательств» необходимости ускорения темпа. Бедный темп, как ты отстал от норм приличия!

Вести серьезную борьбу с безработицей это значит серьезно и решительно взяться за искоренение ее причин. Но задача состоит не только и не столько в смягчении существующей безработицы, сколько в ликвидации самих *условий*, благоприятствующих ее существованию и росту. «Надо с безработицей бороться не там, *куда* безработные идут, а там, откуда они *идут*», как правильно сказал т. Рыков на XIII С'езде Советов РСФСР.

А идут они, как мы видели, главным образом из деревни. Следовательно, бороться с безработицей означает бороться прежде всего с аграрным перенаселением страны, означает неуклонно повышать уровень материальной обеспеченности деревни. Иными словами, вести серьезную борьбу с безработицей в деревне можно лишь путем всемерного развития сельского хозяйства, путем его интенсификации и индустриализации.

[1]) Вышеприведенные данные—НКТ СССР.

Правда, некоторые из оппозиционеров стыдливо говорят о необходимости интенсификации сельского хозяйства. Но какова цена этим разговорам, когда на деле их политика ведет в совершенно противоположную сторону, в сторону разорения крестьянской массы и пауперизации деревни?

А в то же время путь интенсификации и индустриализации сельского хозяйства есть тот самый путь, который полностью соответствует основной цели революции, цели построения социализма. Ибо, идя этим путем, мы не только подымаем обеспеченность деревни, но и создаем необходимую материально-сырьевую базу для нашей промышленности и одновременно подводим техническую основу для коллективизации самого сельского хозяйства, для его кооперирования в самом широком, ленинском смысле этого слова.

Нам нужно парализовать причины, вызывающие отрыв крестьян от земли, создать условия, которые смогли бы направить все внимание крестьянина на развитие сельского хозяйства. Крестьянин идет в город и там остается потому, что он видит малую продуктивность своего труда в деревне.

Известно, что урожайность наших хлебов в несколько раз ниже заграничной: получить 50—60 пуд. с десятины у нас считается уже хорошим урожаем, тогда как за границей нередко снимают 150 и больше пудов. Урожай льна, например, в Бельгии в 4 раза выше нашего. Чтобы поднять урожайность наших полей и повысить доходность крестьянской десятины, необходим переход к более культурным способам ведения сельского хозяйства.

Культурное земледелие и животноводство требуют приложения большего количества труда. Оно поглощает избыточную силу деревни—дает ей возможность работать на месте, в самом сельском хозяйстве.

Интенсификация сельского хозяйства в настоящее время есть генеральная линия его развития, она должна охватить все области сельского хозяйства. Развитие таких культур, как лен, пенька, сахарная свекловица, табак, хлопок и проч., должно занять одно из виднейших мест в сельском хозяйстве. Их трудоемкость в весьма значительной мере способна разрядить деревенскую безработицу. С другой стороны, эти культуры дают то техническое сырье, от недостатка которого страдает наша промышленность.

Разведение технических культур, способствуя расширению промышленности, тем самым создает условия для изживания товарного голода на продукты широкого потребления и способствует их удешевлению. Наконец, интенсификация сельского хозяйства дает возможность увеличить экспорт его продуктов. Полученную в результате активного торгового баланса разницу мы сможем обратить на расширение нового технического оборудования как в промышленности, так и в самом сельском хозяйстве. Здесь особенно ярко выступает тесная связь, существующая между интенсификацией сельского хозяйства и индустриализацией промышленности. Оба эти процесса взаимно друг друга обусловливают и имеют *первостепенное и решающее значение*

в деле искоренения причин нашей безработицы. Разрыв этой связи, вследствие заскока с развитием промышленности неизбежно приведет к диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью, к дезорганизации всего народного хозяйства в целом.

Кроме того, вследствие интенсификации и индустриализации сельского хозяйства неизбежно явится переход к более высокой форме организации крестьянского труда. Крупная машина ведет к образованию артелей, коллективов, коммун. Коллективный труд уже сам по себе продуктивнее единоличного.

На ряду с коллективизацией сельского хозяйства одним из крупных мероприятий по изживанию безработицы в деревне является *развитие промышленной кооперации*. Следует сказать, что этот вид кооперации в сельском хозяйстве развит далеко недостаточно. Необходимо стремиться к тому, чтобы переработка сельскохозяйственных продуктов производилась на месте; переработка льняного и подсолнечного семени на масло, терка и сушка картофеля и других овощей, варка сыра и проч.,—все это должно делаться крестьянством на кооперативных началах. Снабжение сырьем и сбыт продуктов производственных кооперативов должно быть направлено через существующие кооперативные организации.

Той же цели борьбы с безработицей на селе может в значительной мере способствовать и кустарная промышленность. Поддержка ее со стороны государства даст возможность кустарной промышленности занять немалое количество избыточной рабочей силы деревни и, стало быть, сократит ее отход в города.

Вот какими мерами, а не политикой высоких цен, следует бороться с безработицей, проистекающей из аграрной перенаселенности страны.

2) Мероприятия по смягчению существующей безработицы.

Одновременно с мероприятиями, направленными на искоренение самих причин безработицы, партией ведется серьезная борьба с безработицей, уже существующей. По мнению оппозиции, однако, этого нет. Она утверждает, что ЦК не только «ни одного слова не сказал об усилении помощи безработным», но, наоборот, «перед лицом растущей безработицы ЦК думает *только* о том, как освободить предприятия от излишних рабочих» (док. 15-ти, курсив наш. *Т.*).

Пусть говорят цифры.

В текущем хозяйственном году на проведение мероприятий помощи безработным ассигновано 80.600.000 руб., тогда как в 1924—25 г. было израсходовано лишь около 30.000.000 руб. Из этих 80.600.000 руб. будет отпущено:

по бюджету соц. страхов.	66.000.000 руб.
» государ. бюджету	8.100.000 »
» местным бюджетам	6.500.000 »
Всего:	80.600.000 руб.

Пособия по социальному страхованию получают около 600.000 безработных, на что за 7 мес. текущего года уже израсходовано около 40.000.000 руб. Сумма средств, отпускаемых на

пособия безработным, при этом в текущем году *непрерывно растет*, и уже в марте 1927 г. увеличилась *в 2 раза* против октября 1926 года.

По первой категории безработные в среднем получают 18 р., по второй—12 руб. в месяц. Сверх того, сейчас почти повсеместно выдаются надбавки на семьи безработных, достигающие 30% размера самого пособия.

Недавнее постановление Совнаркома СССР обязывает органы социального страхования расширить круг пенсионеров—инвалидов труда.

Как это увязать с утверждением оппозиции о том, что ЦК не заботится о безработных, не думает об усилении помощи безработным?

Так говорить, как говорит в данном случае оппозиция, это значит разводить демагогию намеренно и с вполне сознательной целью. И это говорят в то время, когда страна ощущает явный недостаток средств, когда на наших биржах труда числится значительное количество фиктивных безработных, просто не могущих работать по найму, если бы им работу биржи и предоставили. Мы отмечали уже, что количество женщин, предлагающих свой труд, у нас значительно выше, нежели это было в старое время. На это, конечно, имеются свои причины, как изменившиеся условия и проч. При этом, большинство женщин никакой определенной профессии не имеет, и, стало быть, в массе своей женщины являются домашними хозяйками, которые (особенно в пригородных местностях) идут на биржу, несмотря на то, что по своим семейным и другим домашним обстоятельствам по найму работать не могут. Нередко поступают на биржу лишь для того, чтобы не утерять звание члена профсоюза и т. д. Но Сапроновы хотят спекульнуть на недовольных, и подобных фактов они знать не хотят. Наоборот, они упрекают правительственные органы в том, что таких фиктивных безработных лишают пособия при отказе от предоставляемой биржами труда работы. Не ясно ли, что эти упреки—демагогия действительно самого низкого качества.

Что касается общественных работ, то около 10.000.000 руб. в этом году будет израсходовано на общественные работы, на которых за время строительного сезона удастся занять около 100.000 безработных. При этом, общественные работы рассчитаны на их рентабельность и увязку с различными отраслями народного хозяйства (жилищное строительство, работы, связанные с капитальным строительством, железнодорожным строительством, устройством портов и т. п.). Общественные работы должны организовываться не только в промышленных центрах, но и на местах, в деревне. На этот счет даны прямые директивы. «Деньги, которые расходуются на борьбу с безработицей в городах, в целом ряде случаев могут быть гораздо более целесообразно израсходованы в самой деревне»,—говорил т. Рыков на том же с'езде. Строительство шоссейных и грунтовых дорог, починка и мостостроение, работы по борьбе с лесными пожарами и т. п.—широкое поле для безработных.

Надо стремиться удерживать рабочую силу в деревне и там принимать меры к обеспечению ее работой. Этим путем мы сможем облегчить положение городской безработицы, для изжи-

вания которой приходящие крестьяне создают значительные затруднения.

Значительному количеству безработных оказывается помощь в форме организации трудовых—производственных и торговых—коллективов. Количество коллективов и занятых в них безработных постоянно растет. Так, за год, с 1/IV—26 г. по 1/IV—27 г., количество занятых в коллективах возросло с 81.832 до 98.500, т.-е. на 16.668 чел. В текущем году коллективами будет охвачено дополнительно около 30.000 чел., соответственно чему увеличены отпускаемые на это дело средства до 6.000.000 руб. Таким образом, если учесть сменяемость коллективов 2—3 раза в год, то через них может быть пропущено около 250—300 тыс. безработных.

Сюда же следует отнести и расширение строительных работ в течение текущего сезона, на которых предположено занять около 900.000 рабочих-строителей, и, следовательно, строительные рабочие с биржи труда уйдут.

Таким образом, посредством пособий соцстраха, общественных работ и трудовых коллективов будет оказана помощь одному миллиону безработных, т.-е. приблизительно $^2/_3$ всего их количества.

Как видно, государство не только помогает безработным, но всячески старается в рамках возможного эту помощь усилить. Но и тут, как и везде, мы упираемся в вопрос о финансовых средствах. Легче всего, конечно, сидеть и рассчитывать, куда и сколько надо дать денег, но неизмеримо труднее вести такую экономическую политику, чтобы в наивозможно больших размерах эти средства притекали без вреда для развития той или иной части народного хозяйства.

Сапронов распределяет куда замечательнее: зарплату поднять сейчас же, капитальные вложения немедленно увеличить, деревенскому бедняку дать кредиты, безработных обеспечить и т. д., и т. д., но вот насчет того, откуда взять деньги, разумного ответа не следует.

ЦК партии и правительство достаточно энергично заботятся о помощи нашим безработным, все возможное в этом отношении ими делается, и противоположные утверждения оппозиции поэтому просто недобросовестны.

ЦК и правительство видят основную задачу в борьбе с безработицей не столько в смягчении паллиативными мерами уже существующей безработицы, сколько в искоренении самих причин ее путем развития промышленности и интенсификации сельского хозяйства, путем индустриализации страны.

3) Безработица и промышленность.

Вместе с развертыванием промышленности мы наблюдаем интенсивный рост занятой в промышленности рабочей силы. Так, по кругу предприятий, охватывающему учетом ЦОС ВСНХ около 80% рабочей силы всей промышленности, число рабочих с 1.753,0 тыс. человек в начале года возросло до 1.944,3 тыс. к концу года, т.-е. на 217,4 тыс. чел., или 12,6%.

Аналогичный рост на 1-е полугодие 1926—27 г. исчисляется в 84,2 тыс. человек, или 4,4%.

Всего за последние $3^1/_2$ года мы имеем следующий рост: с 1.067,6 тыс. человек к началу периода до 2.025 тыс. к его концу, т.-е. на 957 тыс. чел., или 89,7%. Несмотря на замедленный рост, начиная с текущего года, мы все же будем иметь по перспективному пятилетнему плану ВСНХ рост числа занятых в промышленности рабочих более чем на 400 тыс. человек.

Оппозиция упрекает ЦК за то, что темп вовлечения новой рабочей силы в промышленность сейчас идет на понижение, хотя сама наверняка знает, почему в настоящее время промышленность не может впитывать новую рабочую силу так быстро и в таком количестве, как это было за прошедшие годы. Она это знает, ибо, когда отмечается бурное развитие промышленности и не менее быстрый рост численности пролетариата, происходившие за минувший период строительства, то оппозиционеры не гнушаются заявлять, что это происходило не в силу особых условий, а само собой, «просто так»: тогда-де лишь использовывалось готовое, пускались в ход имевшиеся фабрики и заводы, загружалось старое оборудование. Но ведь это как раз и должно доказать оппозиционерам, помимо прочего, зависимость настоящего темпа вовлечения новых рабочих в производство от окончания восстановительного процесса. Сейчас дело идет о перестройке хозяйства, о крупном (но не в оппозиционном масштабе) капитальном промышленном строительстве и переоборудовании старых фабрик и заводов. А известно, что во время всякого строительства требуются лишь строительные рабочие, и чем строительство капитальнее, тем дольше бывает невозможно увеличить занятость рабочих.

Далее. Оппозиция протестует, против освобождения предприятий от избыточной рабочей силы, образующейся вследствие проведения рационализаторских мероприятий («последовательность» до конца).

И как тут не протестовать, если «ЦК только и думает о сокращении излишней рабочей силы». Сапронову и Смирнову, конечно, невдомек, что смысл рационализации в значительной степени в том и состоит, чтобы уменьшить количество потребляемого живого труда на единицу продукции и оборудования. Если излишних рабочих оставить на старых местах, на тех же предприятиях, то результат от такой рационализации в значительной мере сведется к нулю и более или менее ощутительного снижения себестоимости таким путем мы не добьемся. Ведь та же оппозиция, а не кто иной брюзжит по поводу снижения себестоимости, она же упрекает ЦК в неумении снизить себестоимость, уверяя, что себестоимость promпродукции у нас всюду растет. С одной стороны, надо снижать себестоимость, а с другой стороны, не надо сокращать излишки рабочих. Бесконечная путаница, бесконечный лабиринт противоречий.

Оппозиция «опекает» группы избыточной рабочей силы, но забывает целый класс, так как—разве не в интересах пролетариата в целом сокращение ненужной рабочей силы? Это сокращение дает возможность с'экономить значительное количество средств, вложив которые в промышленность, мы сможем занять гораздо большее число новых рабочих рук, нежели то, какое в результате рационализации может быть уволено. Этим самым групповые и временные интересы рабочих подчиняются интересам общеклассовым. Оппозиция, очевидно, добивается обратного, она

«опекает» групповые интересы рабочих, утверждая, что ЦК об них не заботится вовсе. Сапроновцы в своем документе «15-ти» об этом определенно, открыто заявляют, они пишут: «Администрации (предприятия. *Т.*) вменяется в обязанность увольнять рабочих, не заботясь о том, что с ними будет дальше, ей дается, наконец, и удобный повод для увольнения в виде трех неявок на работу без уважительных причин». Вот какими варварами «обязываются» быть заводские администраторы.

Какую цель имеют такие приемы—ясно. Их единственной целью является натравливание рабочих на свою администрацию. Этим самым сапроновщина метит, разумеется, не только и не столько в администрацию, сколько в того, кого она теперь представляет, т.-е. в советскую власть, в партию пролетариата. Вот до какой политической низости можно дойти, сбившись с ленинской дороги.

Тт. Троцкий и Зиновьев так же, как и тов. Сапронов (хотя и более осторожно, нежели последний), рост безработицы ставят в вину политике ЦК и так же, как и Сапронов, проливают слезы по поводу сокращения избыточной рабочей силы на предприятиях, вследствие рационализации. Но как это увязать с открытым и весьма решительным заявлением того же тов. Троцкого на XII партс'езде, которое он сделал по поводу безработицы в своем докладе о промышленности? Говоря о необходимости более энергичного проведения концентрации промышленности, он указал, как на одно из «величайших затруднений» в этой работе, именно на то обстоятельство, что «мы сталкиваемся с необходимостью увольнять рабочих и работниц», от чего «уклониться нельзя, ибо было бы *величайшим малодушием со стороны рабочего класса в целом и его партии, если бы они маскиравали безработицу, т.-е. содержали на заводах лишнее количество рабочих, работниц*, еле работающих, полуработающих, на треть работающих, для того только, чтобы не обрекать их на открытую безработицу. Не может быть никакого сомнения в том, что *замаскированная безработица представляет собою худшую, наименее действительную, наиболее дорого стоящую форму социального обеспечения*. И прежде всего эта фальшивая форма социального обеспечения развращает наш хозяйственный аппарат, который не может в этих условиях правильно считать, подводить итоги, калькулировать, предвидеть, который воспитывается в духе бессмысленной расточительности и безответственности» (курсив наш. *Т.*).

Довольно странно превращение т. Троцкого. Разве т. Троцкому неизвестно, что у нас все время еще продолжается углубление работы по концентрации промышленности? Разве т. Троцкому неизвестно, далее, что на ряду с этой первичной формой рационализации промышленного хозяйства проводятся и другие, не менее радикальные мероприятия по улучшению организации и техники производства, в совокупности уменьшающие потребление живого труда промышленностью? Но в таком случае почему т. Троцкий сейчас ратует против сокращения излишней рабочей силы?

ЦК и правительство предпринимают ряд мер в отношении сокращаемых излишних рабочих. Всемерно стараться размещать сокращаемых вследствие рационализации рабочих на других предприятиях данного района, внеочередная посылка таких рабочих на работу биржами труда, выдача увеличенного до 3-ме-

сячного заработка выходного пособия и проч. льготы—все эти меры оппозиция (Сапронов и Смирнов) презрительно именует паллиативными, т.-е. половинчатыми.

А что оппозиция предлагает в качестве более серьезной, более радикальной меры? Ровнехонько ничего. Она просто предлагает излишних рабочих не сокращать, а оставлять на старом месте, не подозревая, что этим самым наши предприятия превращаются в органы собеса (против чего т. Троцкий так резко выступал на XII с'езде партии), не подозревая, что это означает отказ от рационализации производства, от возможности действительного расширения и углубления промышленного строительства и, следовательно, отказ от сокращения безработицы в будущем. С таким «предложением» партия согласиться не может и никогда не согласится.

Непосредственные возможности пром-сти в деле борьбы с безработицей в настоящее время довольно ограничены. Реконструктивный период, как уже сказано выше, не позволяет нам уже вовлекать дополнительную рабочую силу в промышленность таким темпом, как это было на ее восстановительном этапе.

Тем не менее промышленность все-таки может оказать и оказывает некоторое влияние на безработицу в смысле смягчения ее остроты. Она прежде всего может расширить некоторые об'екты общественных работ, как, например: разборка свалок, планировка, уборка и очистка заводских дворов и т. п. Эти работы одновременно будут способствовать оздоровлению и упорядочению предприятий и вместе с тем дадут некоторый дополнительный материал для утилизации отбросов. В то же время это может способствовать расширению трудовых коллективов безработных. Имея в виду принцип сменяемости состава трудовых коллективов, здесь могут найти приложение своих сил значительные кадры безработных. Значительно могут быть также расширены подготовительные и вспомогательные работы в связи с капитальным промышленным строительством.

Кроме того, следует подработать вопрос о возможности введения в некоторых отраслях пром-сти сокращенного рабочего дня или дополнительных смен работ. При определенных условиях (полного использования оборудования, бесперебойности снабжения сырьем и вспомогательными материалами, правильной организации труда и использования рабочей силы), сокращенный рабочий день может явиться выгодным с точки зрения самого предприятия. А главное, этим путем можно обеспечить работой значительное количество безработных. Но этот вопрос новый, и подходить к нему следует с необходимой осторожностью, чтобы не нарушить правильного функционирования производства.

Оппозиция в своей борьбе с безработицей ничего нового и дельного предложить не смогла.

«Всеспасающая» сверхиндустриализация сама себя не оправдала: вместо изживания безработицы она приведет к неизбежному ее возрастанию.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

НЕСКОЛЬКО МАЛЕНЬКИХ ПОПРАВОК.

(К статье тов. Шляпникова «Ответ критикам» в № 11—12 «Большевика» за 1927 г.).

В своих «Очерках по истории революционного движения в России XIX и XX вв.» я мимоходом процитировал одно место из воспоминаний т. Шляпникова о 1917 годе. Речь шла об отношении т. Шляпникова к вопросу о вооружении петербургских рабочих в начале Февральской революции. Мне это отношение показалось характерным— и я привел его, просто, как факт, не вдаваясь ни в какую критику, как факт, иллюстрирующий ту мою мысль, что накануне февраля «даже петербургские большевики были в десяти верстах от вооруженного восстания».

Эта невинная цитата стяжала мне честь быть сопричисленным к сонму «критиков», с которыми сражается т. Шляпников в своей статье. Я впервые узнал из этой статьи, что сослаться на воспоминания т. Шляпникова значит уже «критиковать» его, как историка. Я вовсе не имел в виду критиковать «историю» т. Шляпникова,—напротив, быть может, я слишком слепо доверился его показаниям и, основываясь на них, возвел поклеп на петербургских большевиков февраля 1917 года вообще. Все это возможно, возможно, что и мысль моя, обоснованная воспоминаниями т. Шляпникова, не верна. К сожалению, этой стороны дела «антикритика» т. Шляпникова совершенно не освещает. Но, в интересах читателей «Большевика», нуждающихся в более точной информации, чем информация, даваемая тов. Шляпниковым, я не могу пройти мимо некоторых замечаний «антикритики», касающихся как моих высказываний, так и моей скромной личности.

Тов. Шляпников цитирует (по *старому* изданию) следующее место «Очерков»: «Шляпников признается в своих воспоминаниях, что он всячески саботировал организацию рабочих в боевые дружины и вооружение рабочих [1]). Правда, он оправдывает это тем, что он советовал рабочим пропагандировать солдат, и тогда дело пойдет гораздо лучше. Но пропагандирование солдат и выступления рабочих—это, как вы помните из анализа 1905 года, были два акта, которые должны были итти друг другу навстречу».

«Это профессорское утверждение ложно от начала до конца», запальчиво восклицает т. Шляпников.

Что же, дорогой тов. Шляпников, в этом утверждении «профессорского» и что здесь «ложно»?

«Утверждение» состоит из трех фраз. Две первые излагают т. Шляпникова—и сей последний, с похвальной осторожностью, не осмеливается утверждать, что изложение фактически неверно, что он этого никогда не говорил. «Начало», таким образом, отнюдь не «ложно»,— а «профессором» здесь является сам т. Шляпников. Остается третья фраза, «конец». Осмеливаюсь утверждать, что и здесь никакой «лжи»

[1]) Во втором издании «Очерков» слово «саботировал», обидевшее т. Шляпникова (хотя шутливый характер употребления этого слова здесь был ясен), было устранено.

нет и что «профессор», которого я здесь излагаю, является вполне почтенным авторитетом.

Что в этой третьей фразе говорится? Что в деле привлечения солдат на сторону восставшей народной массы нельзя ограничиваться одной пропагандой среди солдат, нужны активные выступления самих восставших. Повидимому, эта именно мысль и представляется т. Шляпникову злостной «профессорской» выдумкой. Сам он представляет себе переход солдат на сторону революции именно как результат *только* пропаганды и агитации. С величайшим самодовольством цитируя самого себя, т. Шляпников говорит: «Практически я мыслил это и предлагал представителям Петербургского Комитета и работникам Выборгского Районного Комитета осуществить на местах по районам и казармам таким образом. Наши товарищи, пользуясь партийными и личными связями с солдатами, расположенными в их районе, проникают, несмотря на риск и трудности (!), в казармы, устраивают массовки с участием солдат там, где нельзя будет проникнуть в казармы. На этих собраниях ставить вопросы внутреннего положения, о тягостях войны, ее целях и необходимости свержения царской власти и прекращения войны. Звать к активности и присоединению к народу, к поддержке революционных требований». «Вот как мы мыслили и действовали в дни февральского переворота, т. Покровский».

Тов. Шляпников противопоставляет этот образ мыслей и действий «трафарету 1905 г.». Могу его уверить, что это именно трафарет 1905 года и есть,—притом трафарет плохой, устаревший уже в 1906 году. В этом последнем году один «профессор», пророчески предвидевший т. Шляпникова и его тактику за десять с лишним лет, писал: «У нас в правом крыле партии сильно распространен крайне односторонний взгляд на этот переход («переход войск на сторону народа»). Нельзя, дескать, бороться против современного войска, нужно, чтобы войско стало революционно. Разумеется, если революция не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и речи о серьезной борьбе. Разумеется, работа в войске необходима. Но нельзя представлять себе этот переход войска в виде какого-то простого, единичного акта, являющегося результатом убеждения, с одной стороны, и сознания—с другой. Московское восстание наглядно показывает нам шаблонность и мертвенность такого взгляда. На деле неизбежное, при всяком истинно-народном движении, колебание войска приводит при обострении революционной борьбы к настоящей *борьбе за войско*... Мы готовили и будем еще упорнее готовить идейную «обработку» войска. Но мы окажемся жалкими педантами, если забудем, что в момент восстания нужна также и *физическая борьба за войско* [1]).

Таким образом, люди, утверждающие, что одной словесной агитации и пропаганды для перевода войск на сторону восставшего народа достаточно, не только «профессора», а самый худший вид профессоров— «жалкие педанты». А третья—и последняя—фраза моего «профессорского утверждения» есть не что иное, как очень коротенькое резюме приведенного отрывка из Ленина. Если «профессорское утверждение» «ложно от начала до конца», то виноваты в этом два «профессора», имя которым Шляпников и Ленин, ибо первому принадлежит начало, а второму—конец. Что Шляпников налгал на петербургских большевиков 1917 года, это я вполне допускаю. А что Ленин «налгал» задним числом

[1]) Ленин—«Собр. Сочинений», т. VII, стр. 49—50. Последний курсив мой. *М. П.*

на декабрьское восстание 1905 г., а в пророческом предвидении—на тактику т. Шляпникова в 1917 г., это я предоставляю доказывать самому т. Шляпникову.

На этом, по существу, можно было бы и покончить разговор с тов. Шляпниковым, разговор совершенно излишний, нужно сказать, поскольку т. Шляпников не студент комвуза первого курса, а я не руководитель группы, где он занимается. Но что же делать, если у нас за писание истории 1917 года принимаются люди, которым прослушать первый курс комвуза было бы чрезвычайно полезно. Тов. Шляпников «обижается» в своей статье, что печатание его работ причиняло и ему, и—ныне покойной—редакции «Пролетарской Революции» «хлопоты и беспокойство». На месте этой редакции я бы совсем затруднился печатать—по крайней мере, без примечаний печатать—антиленинские вещи. Тов. Шляпников, как «воспоминатель»—туда-сюда; но как историк... Мне очень совестно, что я когда-то «поощрил» его первые опыты истории 1917 года (чуть ли не в тех самых «Очерках», на которые он теперь так неудачно обрушился, в старом их издании). Это было, когда у нас по 1917 году вообще ничего в печати не было—к тому же читатель согласится, надеюсь, что за свою опрометчивость я был достаточно наказан необходимостью писать эту заметку. Но мне не хотелось бы ограничиваться в ней напоминанием комвузовской азбуки, и я весьма признателен т. Шляпникову, что он дает мне повод вспомнить один маленький кусочек истории—настоящей истории, без кавычек,—который не так все хорошо помнят, как «Уроки московского восстания».

Дело было в 1917 году [1]). Я удостоился величайшей в моей жизни чести—быть избранным первым, после Октябрьской революции, председателем Московского Совета. Меньшевики, имевшие тогда в Совете довольно порядочную, по размерам, фракцию, настаивали, чтобы везде голосование производилось закрытым способом, надеясь перетягивать на свою сторону колеблющихся. По моей инициативе (не личной—сколько я помню, я просто исполнял поручение партии), пленум Совета решил, что голосование всякий раз происходит так, как находит нужным собрание: что, при подавляющем перевесе большевиков, означало, разумеется, всегда открытое голосование. Меньшевики были в бешенстве, и Мартов поместил во «Вперёде» яростную статью, где изобразил пишущего эти строки «всеядным профессором», после Октября сбежавшим с кафедры к Ленину. Мартов, сражавшийся со мною еще на Лондонском с'езде 1907 года, отлично знал, что я старый большевик.

На клеветническую выходку Мартова дали достойный ответ в нашей печати тт. Мещеряков и Скворцов-Степанов. Можно, казалось, быть уверенным, что дело «было и быльем поросло»,—но колесо истории поворачивается. И, вероятно, по случаю приближающегося юбилея, т. Шляпников, десять раз наградив меня званием «профессора», построив, в сущности, все свое возражение на моем «профессорстве» (больше ничего не нашел!) предупредительно прибавляет, что «т. Покровский не состоял в то время в нашей партии».

Я имею все основания думать, что ни один из читателей «Большевика» не поймет этих слов в *формальном* смысле, т.-е. так, что я, как бывший «впередовец», не имел в феврале 1917 года большевистского партийного билета. Я уже не говорю о том, до чего чудовищно под пером теперешнего оппозиционера обвинение старого товарища в том, что тот принадлежал к оппозиции 1909 года. Ведь все

[1]) Некоторые товарищи утверждают, что в 1918 в марте. Я пишу это далеко от Москвы и у меня документов под руками нет.

же отлично знают, что если Шляпников и К⁰ не образовали в наши дни фракции и не повторили истории «Вперёда» на все 100%, то только потому, что им не *позволили* это сделать. Но Шляпников, конечно, не этим надеялся «взять» своего читателя: за это он, быть может, надеялся спрятаться, если дело дойдет до «об'яснений». Суть же его выходки вполне ясна: как и Мартов в 1917 году, он наделяся внушить наиболее малограмотной части своих читателей, что я не старый большевик, а «профессор», лишь после 1917 года вступивший в партию—из карьерных соображений, разумеется. При этом Шляпникову, как и десять лет назад Мартову, отлично известно, что я вступил в партию (тогда фракцию) большевиков в 1905 году. Я это категорически утверждаю.

Не правда ли, читатель,—в меньшевистском мировоззрении есть последовательность?

На этом заканчиваю свою историческую справку,—прибавлю только, что звание «профессора» я получил в 1919 (или 1920—не помню точно) году от советской власти. Так что большевиком я стал на 15 лет раньше, чем профессором.

М. Покровский.

НА ПУТИ К БОГДАНОВЩИНЕ.

«**Упадочное настроение среди молодежи**». Есенинщина. Издательство Комм. Академии, 1927 г., Москва, 160 стр., цена 90 коп.

Настоящая брошюра представляет собою стенограмму доклада тов. А. В. Луначарского, организованного Комм. Академией, и ряда выступлений (Преображенского, Радека, Сосновского, Фриче, Кнорина и др.) по вопросу об упадочных настроениях среди молодежи. Сборнику предпослано обстоятельное предисловие (точнее «Вместо предисловия») тов. Кнорина. Особого внимания в этой брошюре заслуживает речь тов. *Преображенского*. Последний, не удовлетворенный докладом, попытался дать широкое теоретическое толкование под оппозиционным углом зрения явлениям упадочничества, имеющим место среди некоторой части нашей молодежи.

Речь тов. Преображенского может с полным правом трактоваться, как конкретизация общетеоретической концепции оппозиции по вопросам культуры. В дополнение к международной, хозяйственной и внутрипартийной платформе оппозиции мы имеем высказывание виднейшего экономиста оппозиции по вопросам культуры и быта. Представители оппозиции начинают ревизовать ленинизм по *всем* линиям.

Достаточно уже выясненным в спорах с оппозицией является положение ленинизма, что непризнание возможности построения социализма в нашей стране по мотивам технической отсталости ведет неизбежно к ликвидаторской оценке характера нашей революции, в болото социал-демократических рассуждений о «незрелости» современного мирового капитализма для пролетарских революций.

С точки зрения оппортунизма капитализм погибнет лишь тогда, когда он целиком вытеснит другие формы, составляющие образование устарелых способов производства, когда пролетариат вызреет в недрах капитализма в большую культурно-идеологическую силу, чем свергаемый им класс буржуазии, способную организовать на новых началах все общество. Таким образом, для переходного периода в этой системе не остается места: капитализм разрешается в родах—и на свет появляется законченный, готовый социализм.

В частности, идею о культурном вызревании пролетариата в недрах капитализма развивал «рассудку вопреки и наперекор стихии» в течение долгого времени А. А. Богданов. А по стопам Богданова эти идеи развивала подпольная группа «Рабочей Правды».

По Богданову, пролетариат не может и не должен брать в свои руки власть до тех пор, пока не выработает своей собственной пролетарской культуры и не подготовит необходимые культурно-идеологические кадры.

Без этого условия пролетарская революция и социалистическое строительство—«злая ирония», «детское недоразумение», утопическая «попытка построить мировой дворец без знания законов архитектуры». Из богдановского учения логически вытекает крах революции: не успевший вызреть на принципах «Всеобщей организационной науки» пролетариат в условиях преобладания крестьян встанет перед фактом культурного кризиса, связанного с неизбежностью полного бюрократического перерождения всей системы.

Для теоретической позиции Богданова характерно непонимание, что пролетариат в недрах капиталистического общества не может так культурно вызреть, как могла под оболочкой помещичьей власти вызреть буржуазия, ибо буржуазия была уже тогда классом экономически *командующим*, тогда как пролетариат при капитализме является *во всех отношениях угнетенным*. Меньшевистским тупицам недоступна истина, что ждать культурного «вызревания» рабочего класса в условиях господства капитала равносильно отказу от социализма, потому что только захват власти пролетариатом создает исходный пункт его культурного вызревания и социалистического строительства.

Речь тов. Преображенского является великолепной иллюстрацией того, как представители оппозиции скатываются к богдановщине.

Правда, с запозданием, уступая в «дальнозоркости» другим последователям богдановщины, он поставил вопрос о кризисе советской культуры.

При этом т. Преображенский, соблюдая традиционную манеру нашей оппозиции видеть *только* отрицательное, не желает считаться с фактами культурных достижений: с ростом школ, университетов, научных учреждений и т. д.

Если взять такой показатель культурного состояния страны, как затраты на народное просвещение на душу населения, то мы увидим, что, несмотря на все трудности, которые переживала и переживает наша страна, у нас на душу населения в 1926/27 г. тратится на 17% больше, нежели в *удачнейший* (1913) бюджетный год довоенной России: в 1913 г. на душу населения приходилось 3 р. 83 к. (в советских рублях), у нас в 1926/27 г. по СССР, несмотря на значительное увеличение населения, на душу приходится 4 р. 30 коп.

Конечно, уровень образования царской России—варварский уровень, но нужно учесть, *каким темпом* мы *при всех трудностях и нищете* пробиваемся вперед: вот кривая роста затрат на душу населения в СССР по годам: в 1923/24 г.—1 р. 88 к., 1924/25—2 р. 62 к., 1925/26—3 р. 52 к., 1926/27 г.—4 р. 30 к. Эта кривая ни в коей степени *не может* иллюстрировать пессимизм т. Преображенского.

Точно так же т. Преображенский не может не знать, что по сравнению с 1913 годом мы имеем увеличение числа учащихся на 40 %.

Нашему пионеру незабвенного «закона первоначального социалистического накопления» ничего не говорит тот факт, что на деле культурно-политические запросы массы, и в частности рабоче-крестьянской молодежи, растут. Для т. Преображенского, вероятно, сущий пустяк, что

такой знаменательный барометр культурного под'ема, как тираж газет, показывает увеличение по сравнению с 1913 г. больше чем в три раза (в 1913 г.—2.500.000, в 1927 г.—свыше 8.000.000). Тов. Преображенский забывает, что в кампании перевыборов советов по Москве и Ленинграду участвовало свыше 87% рабочих, что в избирательной кампании участвовало 97% рабочей молодежи. Ему ничего не говорит то обстоятельство, что в области материальной культуры, являющейся предпосылкой роста духовной культуры, мы делаем крупные успехи: мы стоим перед фактом удвоения пользования электрической энергией в стране, перед фактом развития машиностроения, перед фактом ассигнования 1.100 милл. на капитальное строительство. Все-таки, по Преображенскому, мы имеем кризис: если факты против этого, то, очевидно, тем хуже для фактов.

«Мы,—говорит т. Преображенский,—победили в стране, производительные силы которой гораздо более слабы, чем в странах, в которых социализм еще не победил. За это приходится платить.

...Перед нами встает следующий вопрос: из какого материала строить, на основании каких принципов строить и с какими элементами, накопленными в предыдущий период на борьбе с капитализмом или самим капитализмом, мы можем строить социалистическую культуру? И вот то, что мы теперь наблюдаем, я не могу иначе назвать, как *кризисом приспособления человеческого материала к новым производственным отношениям*. Чего прежде всего нам нехватает? Нам прежде всего нехватает достаточной материальной базы для более быстрого культурного движения вперед. А, с другой стороны, *нам нехватает человеческого материала, который был бы адэкватен социалистической структуре нашей промышленности. Мы имеем здесь явную диспропорцию, явные ножницы между тем огромным шагом вперед, который мы сделали в Октябре, национализировав или вернее социализировав нашу промышленность, с одной стороны, и культурным уровнем тех масс, которые могли бы выступить активными социалистическими строителями и в смысле управления государством и в смысле руководства хозяйством. Мы имеем здесь явный кризис*». (Курсив наш. *В. К.*).

«Явный кризис»! Какой кризис? Есть кризисы и кризисы. Есть кризисы роста, есть кризисы упадка. Это не одно и то же. Между ними есть принципиальное различие.

Культурный кризис мыслим на фоне *роста* культурных и экономических предпосылок, подготовляющих ликвидацию подобного кризиса. Такой кризис, являясь выражением стоящих перед пролетариатом *преодолимых* трудностей, не ставит перед ним *неизбежно* перспективу перерождения.

Не о таком кризисе, однако, говорит т. Преображенский, хотя, если бы он говорил и о таком кризисе—он был бы неправ.

Больше оснований в наших условиях говорить не о кризисе, а о культурных «ножницах».

Факты культурного роста достаточно *значительны*, чтобы отрицать кризис, но еще в далекой степени не достаточны, чтобы не говорить о культурных «ножницах».

Задача заключается в том, чтобы упорной работой не допускать превращения этих «ножниц» в культурный кризис.

Вся речь т. Преображенского дает повод думать, что он говорит о кризисе *упадка*, т.-е. таком кризисе, который предполагает обязательную перспективу перерождения, являясь выражением *незрелости* пролетариата для социалистической революции, его *об'ективной неспо-*

собности в данных условиях к осуществлению задач культурно-социалистического строительства.

Указывая на характерные черты переживаемого якобы нами кризиса культуры, т. Преображенский не скупится на краски и, постепенно расширяя пределы кризиса культуры в узком смысле, выходит на широкую дорогу и говорит уже, по сути дела, о кризисе человеческого материала, годного для социалистического строительства, об общем кризисе строительства социализма.

Говоря о человеческом материале, годном для социалистического строительства, Преображенский прежде всего скидывает со счетов, как и следовало ожидать, *крестьянские* элементы. Эти элементы, по Преображенскому, отхлынули назад. «Оголяется пролетарский фронт на социалистической стройке. Мелкобуржуазные элементы оседают в мелкобуржуазном хозяйстве. Те из них, которые поднимаются, как индивидуальные производители, не имеют интереса к социалистическому строительству». При чем, по Преображенскому, «иного мы, впрочем, и *никогда* не ожидали». Кто это, интересно, «мы»? Не имеет ли в виду т. Преображенский и Ленина? Если так, то это было бы не совсем добросовестно, потому что не кому иному, как Ленину, принадлежат следующие строки: «Главный источник непонимания диктатуры пролетариат со стороны «социалистов» (читай: мелкобуржуазных демократов) II Интернационала состоит в непонимании ими того, что государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и мелкобуржуазных партий» [1]).

Никогда Ленин не вычеркивал из списка социалистических строителей широкие середняцко-бедняцкие массы крестьян. Это—дело Бауэров, Каутских, Богдановых и т. д. Наоборот. При правильном *пролетарском руководстве* они могут, должны и *участвуют* активно в строительстве социализма, хотя сами по себе, самостоятельно они не являются носителями идеологии переустройства общества на социалистических началах. Пролетариат переделывает их природу в процессе этого строительства. В социалистической переделке, перевоспитании крестьянских масс на основе блока с ними—суть переходного периода [2]). Но, вычеркнув крестьянство, т. Преображенский добирается и до пролетариата и его молодежи. Обозрев действительность, видный экономист оппозиции находит: «говорить, что в рабочем классе, в массе, нет известного разочарования—это значит лицемерить». «Если вы пойдете в рабочие районы, вы что увидите? В рабочих клубах пустовато, в рабочих кабаках полно» (58). «Я думаю, что мы не можем рассматривать отрицательных явлений, которые происходят перед нашими гла-

[1]) Том XVI, стр. 447.

[2]) Говоря, что «иного мы впрочем и никогда не ожидали», т. Преображенский, может быть, имеет в виду свои собственные, в высшей степени удивительные предсказания, опубликованные им в 1921 г. в «Красной Нови» (№ 3—«Перспективы новой экономической политики»)? В этой статье на ряду со многими другими диковинными вещами т. Преображенский пророчествовал, что через 2—3 года (дело должно было произойти в 1923—24 г.) должен *неизбежно созреть* и развязаться на территории деревни, в масштабе всей страны, «конфликт», «столкновение» между рабочим классом и крестьянством.

Рабочий класс становится, таким образом, перед неизбежной перспективой третьей революции.

Но тогда следовало бы прямо без экивоков и сослаться на свой замечательный оракул.

Нескладно, правда, получается: сначала неизбежное столкновение, потом отход крестьян от социалистического строительства. Но уж такова логика всех оракулов.

зами: известной *пассивности* рабочего класса, *чиновничьего омертвения* ряда наших организаций, развития пьянства, разочарования и хулиганства среди рабочей молодежи, если мы не связываем всего этого в *целую картину*, *в итог*, который *можно назвать кризисом нашей советской культуры*».

Разумеется, при таком положении с рабочим классом и его молодежью не приходится говорить о руководстве крестьянством. Мелкобуржуазная стихия давит. «Эти влияния (мелкобуржуазные. *В. К.*) затвердевают в форме подбора людей, роста непролетарских, несоциалистических привычек в работе, в быту» (59).

Характерно единодушие оппозиционеров. В это же время т. Троцкий с трибуны пленума Центральнього Комитета ВКП(б) говорил, что прошло то время, когда в советском пролетариате первую скрипку играли исторические, «центростремительные» интересы, что за последние годы получили господство тенденции «центробежные, цеховые».

«Кризис нашей советской культуры» у т. Преображенского увязан с *бюрократическим* перерождением аппарата, ибо аппарат не может не отражать соотношения классовых сил в стране. И здесь т. Преображенский рисует картины перерождения.

Он несколько раз подчеркивает якобы «тот факт, что мы в борьбе с бюрократизмом *не можем продвинуться вперед*», что «нахлынул на нас целый ряд буржуазных влияний: погоня за личной выгодой, карьеризм, подхалимство, растраты», что «слои молодежи *не могут* найти применения своей энергии, использовать ее *через наши обюрократившиеся организации*» (58), что они «*не находят применения своей энергии в рамках существующего государственного аппарата*» (57) (курсив наш. *В. К.*).

В таком виде т. Преображенскому представляется расплата пролетариата нашей страны за его отсталость, расплата—что важней всего—*неизбежная* под углом зрения оппозиционного отрицания возможности построения социализма в одной стране.

Далеко ли отсюда до богдановской оценки Октября, как «злой иронии», и «детского недоразумения»?

Удивительно только, как можно после всего этого, не вступая в конфликт с логикой, настаивать на признании социалистической структуры наших госпредприятий. Если, однако, приглядется ближе к рассуждениям т. Преображенского, то оказывается, что это признание «в сущности» псевдоним непризнания. В самом деле. Взять хотя бы его постановку вопроса о том, что при наличии социалистической структуры промышленности мы «в области настоящих социалистических отношений, в сфере труда... сделали ничтожные шаги».

Не напоминает ли это вам формулу Каменева на XIV партс'езде, которую в свое время подверг критике Н. И. Бухарин: «по отношениям собственности наши госпредприятия социалистичны, по отношениям людей—нет»?

У Преображенского эта формула получает только иное словесное выражение, но мысль та же.

Все дело, однако, в том, что отношения собственности, которые представляют собою производственные отношения классового общества, суть отношения людей, а не отношения вещей. Поэтому противопоставление отношений собственности отношениям людей не выдерживает критики. Признать, что отношения людей на производстве, т.-е. производственные отношения не социалистичны, значит ответить отрицательно на вопрос о «последовательно-социалистическом типе» наших предприятий.

Нелепо по этим же причинам противопоставлять и искать кризиса, как это получается у т. Преображенского, между социалистической структурой нашей промышленности и производственными отношениями.

Можно, разумеется, говорить о том, что производственные отношения на нашей социалистической фабрике не такие, какие будут, напр., при развернутом социализме, когда не будет управляемых и управляющих, но тогда соответственно надо говорить и о том, что и структура нашей социалистической фабрики будет иная, более высокая, чем теперь.

Эта постановка вопроса, однако, *спутана* у т. Преображенского в ряде формулировок с *другой* постановкой вопроса—о кризисе приспособления человеческой *психики*, *быта* культурного уровня к новым производственным отношениям. Нам кажется, что автор предисловия—благодаря запутанности Преображенского, смешал эти разные вещи и на ряду с правильной критикой на основе аргументации фактами идеи о культурном кризисе сбился на зыбкую почву *теоретического отрицания* возможности противоречий между сознанием и производственными отношениями.

Смешение этих двух постановок повело к тому, что автор предисловия на стр. XIV вынужден сказать: «Нет никаких оснований жаловаться на ножницы (модное слово) между социалистическим сознанием масс и производственными отношениями».

Это уже излишний оптимизм! Кризиса у нас нет, но культурные «ножницы» есть. Они являются выражением своеобразного типа вызревания социалистического общества в недрах капитализма, на что в свое время указывал т. Бухарин в своей работе «Пролетарская революция и культура». «*Буржуазия*,—писал он,—*в недрах феодального общества вырастает, как сила культурно много высшая, чем рабочий класс в рамках капиталистического общества, который культурно является во много и много раз слабее, чем тот класс, который он свергает*». Именно отсюда вырастает неизбежность культурных «ножниц», которые могут осложняться даже явлениями кризисного порядка. Эти «ножницы» не обязательно, однако, связаны с упадком, с перерождением, как это выходит у т. Преображенского. Это—«ножницы» *роста*, которые могут быть преодолены, ибо в технико-экономических условиях нашей страны не заключена с неизбежностью невозможность преодоления культурной отсталости.

Тов. Преображенский является в своей речи носителем оппозиционно-ликвидаторской идеологии не потому, что в условиях диктатуры пролетариата якобы немыслимы противоречия между культурным уровнем масс и сектором социалистических производственных отношений (экономики). Носителем оппозиционно-ликвидаторской идеологии тов. Преображенский в своей речи является по следующей *совокупности* причин:

Во-первых, потому, что кризисная теория развивается против фактов действительности на основе одностороннего, без учета пропорций, совершенно недиалектического обобщения отрицательных явлений в качестве основной характеристики происходящих процессов.

Отрицательные явления замазывать нельзя, но *не* они аттестуют эпоху, ибо в балансе противоречивой борьбы перевешивают явления роста социализма, открывая перспективу не упадка, но под'ема.

Явления бюрократизации и упадочничества могут быть спутниками и эпохи упадка и эпохи под'ема. Темно бывает не только вечером, но и на рассвете. Важно брать явления в динамике, в развитии, чего не делает Преображенский.

Во-вторых, потому, что тов. Преображенский говорит *не только о кризисе* приспособления психики к социалистическим производственным отношениям, хотя и это неверно. Суть в том, что в системе рассуждений т. Преображенского противоречия между культурным уровнем и социалистическими производственными отношениями *не уменьшаются*, как это имеет место *на деле*, но растут, превращаясь в кризис *упадка*, кризис, который, по сути дела, не может быть преодолен, составляя, как мы видели, часть общего *кризиса человеческого материала*, годного для строительства социализма.

Кризис, который описывает т. Преображенский, выходит за рамки пережитых нами *кризисов роста*. Это уже собственно *перерождение*, о котором не совсем досказал Преображенский, но о котором резко, но бездоказательно сказано в известной платформе 15-ти представителей оппозиции. В такой связи, в сущности, не остается места и для социалистических производственных отношений. Не может быть поэтому и речи о приспособлении к ним. В системе т. Преображенского социалистические производственные отношения превращаются в звонкую фразу.

В-третьих, потому, что подобного рода кризисная теория упирается и не может не упираться в оппозиционную схему невозможности построить социализм в нашей стране, в виду ее технико-экономической отсталости, становясь *органической* частью этой схемы. Но именно этот важнейший пункт, который оплодотворяет кризисные теории, упустил автор предисловия: так на стр. XIII предисловия утверждается, что «кризисники», под которыми разумеются сторонники оппозиции, преодоление технической отсталости в нашей стране «все-таки считают возможным» (?).

Не говоря уже об известном заявлении Зиновьева и Каменева, не говоря о всей системе оппозиционных взглядов, осью которых является именно теория о невозможности построения социализма в нашей стране из-за ее технико-экономической отсталости,—достаточно сослаться на очередной документ 15-ти, в числе которых Сапронов и В. М. Смирнов, чтобы убедиться в неверности указанного утверждения. Документ ясно и недвусмысленно говорит, что благодаря технической отсталости «переход к действительно социалистической организации производства» «без помощи передовых стран, без мировой социальной революции для нас *невозможен*».

Именно *этот* подход и заставляет т. Преображенского сдавать свои позиции перед чистейшей богдановщиной, для которой нет переходного периода, рождающего, в диалектике противоречий, социалистический уклад. Филистерскому горизонту Богдановых не уместить формулы Ленина. «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» [1]).

Любопытно, какие *выводы* делает т. Преображенский после своей сугубо-пессимистической оценки положения вещей. Характерно, что здесь он сбивается на путь социал-демократической морализации.

Тов. Преображенский предлагает создавать в противовес обюрократившимся организациям, в противовес обюрократившемуся госаппа-

[1]) Том XVIII, ч. 2, стр. 119.

рату, как «противоядие» (стр. 63), самодеятельные кружки и организации новых людей, борцов за нового человека, людей, которые строили бы социализм *не «по приказу»* (стр. 62), как это имеет место, если поверить Преображенскому, сейчас.

Словом, предлагается к десятилетию пролетарской диктатуры для «спасения» пролетариата создать нечто в роде евангельских братств или монашеских орденов.

Так, в аспекте тов. Преображенского, ленинская идея о самодеятельности рабочего класса превращается в злую карикатуру на самое себя: разум породил бессмыслицу.

МоралиЗаторские рецепты—вместо экономических и политических выводов! Таков теоретический уровень! Впрочем, и уровень оппозиционных экономических и политических выводов не стоит выше уровня социал-демократического болота.

Вл. Кузьмин.
